

А.Д. Жучков

ТЯИНЫ ЗЪШЛИ БОЯНОВОЙ

«Уже, княже, туга умъ полонил;
се бо два сокола слетеста
съ отня стола злата
поскати града Тьмутороканя,
а либо испити шеломомъ дону».

(«Слово о полку Игореве»)

А.Д. Жучков

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ БОЯНОВОЙ

Истинная история — тайная история

*2-е издание,
исправленное и дополненное*

Издательство "Отчий край"

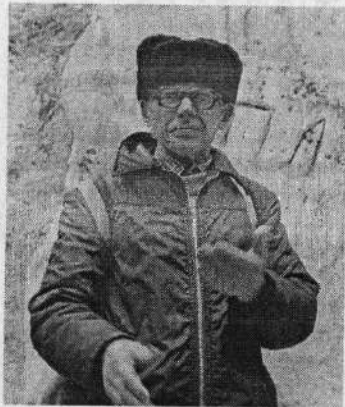
Белгород
2010

ББК 26.89
Ж 94

Жучков А.Д.

Ж 94 Тайны земли Бояновой: Истинная история — тайная история. 2-е изд., испр. и доп. — Белгород: «Отчий край», 2010. — 204 с.

ISBN 978-5-85153-110-1

Анатолий Дмитриевич Жучков родился в 1929 году в селе Грязное Белгородского района. До войны учился в школе. С освобождением Белгорода, с начала 1944 года, работал на стройке по восстановлению города. С марта 1947 года работал на строительстве завода «Энергомаш» столяром, учился в вечерней школе. После службы в армии работал на заводе «Энергомаш» модельщиком. За труд награждён правительственными наградами: орденом «Знак почёта» и двумя медалями. Историей, особенно исторической связью «Слова о полку Игореве» с Белгородской землёй, интересовался с детства. К чему привёл его этот интерес — он и пытается рассказать в этом сборнике статей, написанных в разные годы.

ББК 26.89

ISBN 978-5-85153-110-1

© Жучков А.Д., 2010.

© Издательство «Отчий край», 2010.

«На саях сидя, помыслил я...»

Вступление

1

Настоящая история «гореславного» древнерусского княжества Тьмуторокань и его одноименного города будет написана, судя по патристичности и любознательности наших историографов, этак лет через сто... А пока, как сказано в «Поучении» Владимира Мономаха: «...на саях сидя, помыслил я...» изложить... Вот тут постоянно вертится на языке солженицынское «как бодался телёнок с дубом». Хотя печальная участь «солженицынского дуба» известна: он рухнул... Наш же «дуб» отсчитывает третье столетие, стоит в «могучей красоте» и не шелохнётся.

И всё же «бодаться» нужно... Тем более — «на саях сидя». И поэтому я решил (была, правда, и подсказка) объединить в одном сборнике разрозненные по годам напечатанные статьи и те, которым не повезло: было отказано в печати. Так, я думаю, будет нагляднее и понятнее суть вопроса: нелепость Тьмутороканьского «огреха» русской истории.

Доктор исторических наук А.Д. Пряхин в книге «Археология... наследие» (Воронеж, 1988) пишет: «В науке есть темы, разрабатывая которые учёный с особой силой ощущает себя причастным к тому глубинному, что делает его гражданином и патриотом. Именно такое чувство испытывает археолог, когда он обращается к истории Древней Руси».

И вот «то глубинное» найдено на Белгородской земле — это безымянное и безызвестное Древнерусское городище. В разгадке тайны этого городища содержатся ответы на ключевые исторические вопросы: понимание средневековой (X–XII) истории Белгородской земли и её связи с Киевской Русью.

Но где же эти «граждане» и «патриоты»? Я, к сожалению, за свою долгую жизнь не встретил ни одного. Вот уже двадцать лет пишу, в надежде привлечь внимание к этому городищу как московские, так и местные исторические кадры. Полное безразличие и молчание. Правда, один местный учёный историк настоятельно советовал мне отказаться от моих поисков и идей, потому что они, по его мнению, «не понравятся ни коммунистам, ни демократам». И его словам можно

верить: он побывал и там и там. Вот такое «учёное» понимание вопросов истории. А я всё же надеюсь, что к затронутым в моей книге историческим вопросам Родины — как малой, так и большой — проявит интерес кто-то: просто гражданин России.

В сборник вошли статьи (с некоторыми добавлениями и изменениями) из моей книги «Тайны земли Бояновой», а также новые.

Начать же изложение решено, с переломного во всех моих поисках и размышлениях 1990 года — года интересной находки на Крапивенском городище, и того вывода, к которому эта находка меня привела.

Записи я вёл с 80-х годов нерегулярно, по настроению, кое-что из них буду приводить выборочно.

22 января 1990 года. Сегодня по телевизору в передаче «120 минут» сказали, что, как показывает гороскоп, это самый подходящий день для начинания всяких дел. И что ни одна планета мешать не будет. Поэтому решил сходить в редакцию газеты «Ленинская смена», узнать будет ли напечатана моя статья. В общем, впечатление обнадеживающее. Есть надежда, что статья и схема маршрута похода князя Игоря будут напечатаны. Когда?.. Ответа не получил, И. Москалева лишь пожала плечами, мол, нужно поговорить с В.В. Он, кажется, имеет на них влияние.

10 июня 1990 года. Идёт дождь. На улице + 10°. Когда же лето? Подумал, что надо отметить этот день: кажется, сделал открытие, для себя, разумеется. А арифметика такая. Согласно надписи на «Тьмутороканском камне»: «князь Глеб мерил море по льду от Тьмуторокани до Корчева» и намерил 14000 сажений.

У Константина Багрянородного расстояние от Корчева до Тамархи равняется 18 милям.

По военно-топографической карте XIX века ширина Керченского пролива между Керчью и Таманью равна 10950 сажений — около 23000 м.

У наших историков возник вопрос: при таком расхождении результатов, какой сажень мерил князь Глеб море? И почему-то, по-моему намеренно, они эту сажень не находят, а изобретают особую «Тьмутороканскую» сажень равную 152 см, подгоняя её под истинное расстояние.

Но ведь существовала «маховая сажень» (которой и воспользовались фальсификаторы) — размах рук рослого мужчины — равная 190 см. И если умножить 190 на 14000 — данные «Тьмутороканского камня» — то получим 26600 м.

И если мы возьмём римско-византийскую милю, которая равняется 1480 м, и умножим на 18 — данные Константина Багрянородного

Рис. 1. Карта Керченского пролива

— то получим 26640 м. Как видим, расстояния, полученные в результате использования данных Константина и «камня», почти совпадают. И отличаются от расстояния, измеренного в настоящее время, на 3600 м. Может, за тысячу лет изменились берега? Но, как установлено наукой, с античных времён уровень Средиземного и Чёрного морей повысился на 5 метров. Для XI века можно взять половину — это значит, что уровень моря был ниже, и ширина пролива могла быть только меньше, а не больше!..

Вывод: никакой князь Глеб никакого моря по льду не мерил, а расстояние «Тмутороканьского камня» взято у Константина Багрянородного кампанией Мусина-Пушкина. Очевидно, разработка этих «измерений» принадлежит многолетнему другу Мусина-Пушкина, специалисту по античности А.Н. Оленину. Почему путают следы наши историки?.. Вот это большо-о-о-й секрет. Доктор исторических наук А. Монгайт в статье «Надпись на камне» (Наука и жизнь», № 5, 1967) пишет: «Скромная на первый взгляд надпись, сообщающая о каком-то второстепенном факте „какой-то князь почему-то вздумал измерить море», и ещё более не понятно, почему вздумал сообщить об этом своём «подвиге» потомкам», представляет большой научный интерес и вот уже свыше 150 лет является объектом научных споров. Да ещё каких споров! Страстных, беспощадных, с обвинением научных противников в невежестве, подлоге или, в лучшем случае, в слабости аргументов, „которые просто стыдно читать”».

А вот в наше время (свыше 200 лет) «страстных, беспощадных» споров не слышно. Очевидно, потому, что «настоящих буйных мало», почти совсем перевелись. Обвинять историков в невежестве?.. Но ведь у них звания академиков и докторов исторических наук!.. Остаётся лишь, извинившись, укорять их «в лучшем случае в слабости аргументов, «которые просто стыдно читать».

Но стыд вопреки народной пословице — и это подтверждается двухсотлетним испытанием — глаза не выедает. Стыд — это чувство сильного смущения, раскаяния от осознания неблагоприятности своего поступка. Ну-у... так это от осознания... А если осознания нет... по уважительной причине недомыслия?.. Да и зачем оно... И так всё хорошо, прекрасная маркиза... то бишь, прекрасные «учёные, доценты с кандидатами».

И напрасно А. Монгайт удивляется тому, что какой-то князь написал что-то на камне: ведь какой-то поп тоже написал на камне печальную историю своей собаки и о своём «подвиге». И все её помнят с детства, никто не удивляется и не проявляет к ней научный интерес.

Это, разумеется, шутка, а вопрос серьёзный и он скорее криминальный, чем научный. Что я и попытаюсь аргументировать дальнейшим изложением своих изысканий.

Труды наших историков о Древней Руси, конечно же, не могут обойтись без упоминания Тмуторокани. И вот некоторые из них (очень известные фамилии), располагая её на Таманском полуострове, как бы вскользь, задают себе вопрос: «а зачем нужно было Древней Руси это заморское княжество? «И сами себе отвечают: «а для того, очевидно, чтобы контролировать Керченский пролив».

Это и есть те самые «слабые аргументы», которые просто стыдно читать. Это в те времена?! Сухопутная отсталая Русь больше ста лет контролировала греческий морской пролив?! И взимала плату за проход?! Или может какие иные пакости чинила мореплавателям — вроде Сциллы с Харибдой?.. В общем — не история, а мифология с фантастикой...

Но вот мы дожили и до «злой улыбки истории»: Россия (по воле вождей ротозеев) владеет Таманским полуостровом и посёлком Тамань, а за проход судов по Керченскому проливу платит «дань» юному государству — Украине. Правда, пытались нахрапом восстановить косу Тузла (туземные старожилы помнят, когда она была ещё целая) и тем доказать, что коса всё же относится к Российскому восточному берегу, и потому пролив нужно делить пополам, по-братски... Но получили от братьев-украинцев отпор с такой ожесточённостью и решимостью, что, кажется, они действительно сидят на косе Тузла (источнике зла) со времён Святослава Игоревича — с середины X века... Ну и, как говорится, мы проглотили «горькую пилюлю», а она застряла в горле и очень горчит... Хотя «севастопольская пилюля» ещё горше...

2

7 июля 1990 г. 4 июля, капитально собравшись, ездил на городище в Крапивное. Ехал поездом до Топлинки, а там шёл через лес. Погода выдалась неудачная: облачность и уже пахло дождём. Цель поездки — раскопать насыпь у останца и обнаружить наличие меловой стены. Ширина раскопа около метра: останец около 50 см и ещё по сторонам прихватил сантиметров по 30. Да, стена показалась сразу же, когда сбросил слой почвы с проросшими корнями травы. Начал копать дальше, почему-то мне захотелось расчистить побольше. Засыпка по-над стеной состоит из крупных кусков чистого мела. Это

позволяет предположить, что разрушение стены было не естественным, а искусственным и одномоментным. Но это не главное...

Уже на глубине около 80 см я заметил вырезанную на стене надпись. Осторожно счистив руками мел, я прочёл то же слово, которое вырезано большими буквами и наверху останца — «плуть», и тоже с твёрдым знаком, а дальше виднелась ещё и буква «м».

В это время пошёл дождь. Я надел целлофановую накидку, которая доходила мне до колен, и продолжил раскапывать. Разбирая куски мела по-над стеной, приходилось становиться на колени, поэтому брюки мои до колен были мокрые и в мелу, а про кеды и говорить нечего... Но эти мелочи я записываю, очевидно, для оправдания своего теперешнего недомогания: небольшая температура и кашель. А надпись мне всё-таки удалось прочитать, она такая: «плуть м-пушкинъ хоронить историю».

Буквы высотой около восьми сантиметров, строка наклоняется вправо, как и верхняя надпись. Очевидно, они делались одним человеком и в одно время. Странная надпись. Что это? Шутка современников? Или надпись, если судить по твёрдым знакам, сделана в прошлом веке? Интересно! Когда выздоровею — поеду сфотографирую. Обратное в тот день снова шёл через лес по просекам под дождём, на Ржавец, на шестичасовой поезд. Пока чистил около пруда брюки и кеды, чуть не опоздал на поезд.

10 августа 1990 г. Вчера на велосипеде ездил на городище в Крапивное — полная катастрофа, моральная и физическая. Моральная потому, что останец вместе с надписями разрушен, а физическая — потому, что ехал на велосипеде туда и обратно. Болят руки от руля, еле держу ручку. Устал страшно...

На месте городища остались следы пребывания какой-то компании: остатки костра, железная коробка-мангал и разбросанные шампуры. Компанию, похоже, привлекла расчищенная мною стена и они, непонятно зачем, топором срубили весь останец — теперь нет его. Вероятно, начали рубить снизу, там, где была надпись, пытаясь свалить останец, но ничего не вышло, потому что мел твёрдый, окаменелый. Тогда взяли и срубили всё топором. Это же надо!.. Ночевать там я передумал и поехал назад.

Но во время долгого обратного путешествия, когда я на подъёмы шёл пешком, а под гору ехал, меня «осенила» интересная догадка: а не городище ли это Тьмутарокани?.. А М-Пушкин — это и есть Мусин-Пушкин?.. Так я и размышлял всю дальнюю дорогу и размышляю до сих пор. Очень интересная «мысль»... Будем её обдумывать...

20 августа 1990 г. В воскресенье 12 августа был с А. Ткаченко на раскопках наших археологов в Хотмыжске — такая ерунда, и что они там выкопают? А.Г. согласился посмотреть Крапивное. Мы там ночевали, уехали в понедельник. А в Крапивное я ездил ещё в пятницу — 17-го. Оказывается я был прав: внизу на огородах и на лугу — уйма керамики — большой «посад». Это городище Тьмутарокани! И его, по понятной причине, давно прячут...

12 сентября 1990 г. Позавчера, 10-го был на городище в Крапивном — в Тьмутарокани! Побродил по огородам, частично убраным: картошка выкопана, свекла — ещё нет. Нашёл много керамики. В ложине в молодом сосняке — тоже керамика. Наши археологи — в разведке с 27 августа. А.Г. обещал захватить за мной, но его пока нет, похоже, и не будет. Интересно, были они в Крапивном? Ведь я им рассказал о могильнике, неужели не смотрели?.. Думаю, следует в «Белгородскую правду» написать статейку...

Тайна обретения царства Тьмутороканьского

Терра инкогнита (от лат. terra incognita) — так называют неизведанные земли, на поиски которых в позднее средневековье снаряжались экспедиции бесстрашных мореплавателей и землепроходцев. Кому-то из них везло, кому-то нет... Но это, скажете вы, когда было?! А теперь-то всё давным-давно известно, всё найдено.

Вот тут я категорически не согласен. Эту самую «терра инкогнита» можно обнаружить даже на собственном огороде. Не на каждом, разумеется. И тем не менее...

Совсем недавно в тридцати километрах от Белгорода на сельских огородах были найдены следы древнерусского города X–XII веков. Города загадочного: в летописях никакого города в этой местности не упоминается, а в современной археологической литературе (статья доктора исторических наук С.А. Плетнёвой) означено небольшое, размером в три гектара, древнерусское поселение бродников — бродячих племён. В действительности же площадь городища — около ста гектаров, что в три раза превышает размеры таких известных на Руси городов XI–XII веков: как Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Курск.

Я уверен, что это именно тот самый город, который я искал на белгородской земле около двадцати лет. А неизвестен и безымянен он потому, что следы его местонахождения в летописях были уничтожены умышленно. Причём дважды. В первый раз — в начале XII века летописцами Владимира Мономаха, а во второй — «историками» Екатерины II в конце XVIII столетия.

Это место я знал и раньше. И все признаки разыскиваемого города и городища на реке Корень прекрасно сходились с летописным упоминанием, за исключением одной очень существенной детали: там, согласно летописям, должна быть Печерская лавра, то есть большой мужской пещерный монастырь. Но я осмотрел всё, обследовал меловой карьер и ничего похожего не обнаружил.

И вот, в один из недавних дней уговорил преподавателей-историков Белгородского пединститута А.Г. Дьяченко, Е.Н. Петренко и И.Т. Шатохина осмотреть городище. Мы сделали топосъёмку, три дня внимательно исследовали местность. Увиденное показалось моим спутникам очень любопытным. Но они, тем не менее, повторяли: нужно семь раз подумать, прежде чем что-то утверждать...

И вот это «седьмое», окончательное подтверждение, пришло ко мне вместе с деревенским пареньком, который, подойдя, запросто, по-деревенски спросил:

— Здорово, дед, что ты меряешь?

Я рассказал ему и спросил, не видел ли он где тут пещер? Паренёк оживился:

— Пещерами, старики рассказывают, тут вся гора была изрыта, что много кой чего в них находили, даже, говорят, золото. А пещеры, вроде бы, доходили аж до соседнего села... Теперь правда, всё скрыто во время разработки мелового карьера, кое-что завалено, но две пещеры ещё целы, и их можно посмотреть.

Так и были найдены город, имя которого в русском языке превратилось в синоним дремучего захолустья — нарицательное Тьмуторокань — и, следовательно, окружавшее его княжество Тьмутороканьское.

В начале этого года (1990) в «Известиях» была опубликована статья директора Института археологии В.П. Алексева, в которой он, рассказывая о ценностях археологических памятников, в качестве примера привёл Киево-Печерскую лавру. Но ведь была ещё Тьмутороканьско-Печерская лавра! Причём христианство на Руси, видимо, началось с неё, а не с Киевской лавры. В этих наших русско-хазарских краях русы были крещены почти за сто тридцать лет до крещения в Киеве, как свидетельствуют византийские источники, при патриархе Фотии в 860-х годах Солунскими братьями Кириллом и Мефодием. Спор и гадание, в какой местности это могло произойти, идёт в историографии и богословии с девятнадцатого века. И ответ на этот вопрос может дать Тьмутороканьская лавра — в том случае, если найдутся желающие её раскопать... А сокрыты там, я думаю, очень интересные тайны русской истории... Ведь князя Ростислав Владимирович и Роман Святославич Красный похоронены здесь... Почему же этот легендарный древнерусский город оказался изгоем русской истории?..

Заступив в 1113 году на великое княжение, Владимир Всеволодович Мономах приказал переписать летописный свод «Повесть временных лет», а негодные потомкам Всеволода Ярославовича события и местности не упоминать. Отношения Мономаха с Тьмутороканью, на мой взгляд, прекрасно иллюстрируется в «Слове о полку Игореве», где говорится, как княживший там Олег Святославич «вступал в златое стремя в граде Тьмуторокане, ... а сын Всеволода, Владимир, каждое утро уши закладывал в Чернигове». Здесь автор «Слова...» в одном кратком предложении дважды обижает самолюбивого князя: во-первых, он умышленно не называет Мономаха по отчеству,

а во-вторых, что Владимир от страха закладывал уши — чтобы не слышать звон военных доспехов Олега из Тьмуторокани... И это — о таком воине как Мономах!

Кроме того, была у Мономаха с его сыном Мстиславом, руководителем написания летописного свода, идея норманизации Руси, желание отобразить в летописи зарождение древнерусского государства под влиянием народов Скандинавии и исключить упоминания о влиянии на Русь народов, входивших в Хазарский каганат. В действительности же оно было более значительным. Столицею русо-хазарского, точнее русо-степного союза был город Тьмуторокань — по имени княжества. Отсюда все его исторические беды. И не только...

Во второй половине XVIII века Российская империя, воспользовавшись упадком империи Турецкой, отвоевала у неё земли в Северном Причерноморье и Приазовье. Страны Европы были очень недовольны этими приобретениями Екатерины II. При наущении и денежной поддержке со стороны Турции, Швеция объявила войну России. В числе недовольных были также Англия, Пруссия, Франция. Императрица опасалась, как бы не началась «третья война». И тут один из её придворных, церемонимейстер А.И. Мусин-Пушкин, предложил идею: объявить, что земли в Причерноморье и Приазовье издревле были русскими, для чего «поместить» там и обосновать «историческими» документами Тьмутороканское княжество и город Тьмуторокань. Для проведения этой идеи в жизнь был создан тайный комитет, написаны «исторические» сочинения и изготовлен «Тьмутараканский камень», а сам А.И. Мусин-Пушкин срочно произведён в оберпрокуроры Святейшего синода. Стал он — ни много, ни мало — главою высшего органа Русской Православной церкви. Но сделано было это лишь для того, чтобы осмотреть монастырские летописи и, если понадобится, изъять из них упоминания о месте нахождения несчастного града — Тьмуторокань. Мы, очевидно, никогда не узнаем, что было найдено и уничтожено, но, как говорится, нет худа без добра: в результате этой «великой перлюстрации» было найдено «Слово о полку Игореве». Правда, не исключено, что какие-то части его текста, указывающие местонахождения Тьмуторокани, были также изъяты, и всё же она упоминается в «Слове...» четыре раза.

В Таманском музее хранится обломок мраморной колонны с надписью: «Свидетель веков прошедших послужил великой Екатерине к обретению исторической истины о царстве Тьмутороканском, найденный в 1792 г. атаманом Головатым. Свидетельство его свету сообщил граф Пушкин. Из былия извел Львов-Никольский 1803:4:17 при

начальстве майора Васюренцова, при пастырстве протоиерея Павла Демешко».

Этот обломок был установлен в городе Тамани в специальном сооружении-памятнике над другим, более важным камнем, «свидетелем веков прошедших» известным «Тьмутороканским камнем» с надписью гласящей: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тьмуторокани до Корчева 10000 и 4000 сажен».

Найденный при «туманных» обстоятельствах в Тамани этот камень и «послужил великой Екатерине к обретению исторической истины о царстве Тьмутороканском». «Исторической истины» заведшей средневековую историю Руси в логический тупик на последующие двести лет.

В те времена находились те, кто был не согласен с «обретённой истиной», однако же, они как-то вдруг очень кстати умерли. В этой связи следует упомянуть генерал-майора Военной коллегии Ивана Никитовича Болтина — лучшего историка своего времени и честнейшего человека, как свидетельствуют его современники. У него к тому времени был написан труд: «Критические примечания на второй том истории князя Щербатова». Болтин, основываясь на множестве фактов и аргументов, доказывал, что город Тьмуторокань нужно искать в верховьях Донца и Ворсклы в районе Белгорода. Но Болтин внезапно умер в 1792 году 6 октября — вскоре после находки «Тьмутороканского камня», а его сочинения и рукописи, по указу императрицы, были переданы в распоряжение А.И. Мусина-Пушкина, у которого они благополучно сгорели...

И всё же обезврежены были не все противники «обретённой истины». Впоследствии Мусин-Пушкин жаловался: «... даже до того неблагонамеренные доходили, что опоконную в Бозе почившую Екатерину осмелились уверять, что я её обманываю, что найденный Тьмутороканский камень мною выдуман: о чём были споры, но и повеления даны Таврическому губернатору Жигулину и профессору Палласу исследовать на месте. Жаль крайне, что весь сей странный процесс, бывший у меня, погиб... Теперь в сей истине уже не сомневаются неблагонамеренные, ибо государь-император именем своим указом повелевал именовать Тамань Тьмутороканью».

В одном из залов Государственного Эрмитажа находится мраморная плита с Древнейшей русской надписью XI века. Это знаменитый Тьмутороканский камень, надпись которого сообщает, что в 1068 году князь Глеб Святославич измерил по льду ширину Керченского пролива («мерил море по льду от Тьмуторокана до Корчева»). Результаты измерения дали 14 тысяч сажен.

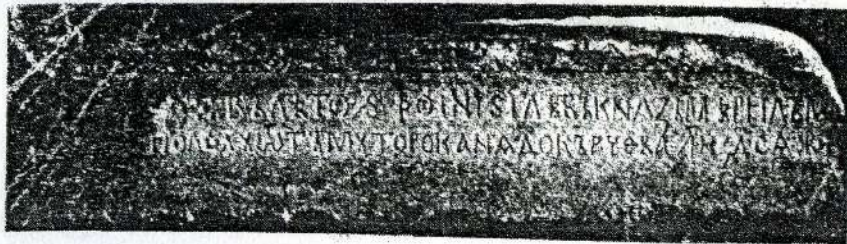

Рис. 2. В одном из залов Государственного Эрмитажа находится мраморная плита с древнейшей русской надписью XI века. Это знаменитый Тмутараканский камень, надпись которого сообщает, что в 1068 году князь Глеб Святославич измерил по льду ширину Керченского пролива («мерил море по льду от Тьмутарокана до Керчева»). Результаты измерения дали 14 тысяч сажен

Вот так... «странный процесс» погиб, сгорел... Хотя более странно то, что документы этого «исследования» оказались на «хранении» у автора подделки?! Что же касательно до именного указа государя-императора, то он прекрасно действует до сих пор: наши историки его очень уважают.

Чтобы рассеять это двухсотлетнее наваждение, нужны, конечно, очень и очень веские доказательства — сам город Тьмутарокань. И он теперь есть! Притом, городище прекрасно сохранилось. В археологическом смысле, разумеется. Пещеры засыпаны, законсервированы и ждут своих исследователей. Ждём и мы, когда найдутся на Руси великой исследователи, которым истина истории дороже всего. А, может, русская Православная церковь захочет поискать здесь свои изначальные корни — «Фотиево крещение»?

P.S. Осенью 1990 года «Белгородской правдой» был объявлен конкурс на лучшую патриотическую статью: время было «очень патриотическое» — рушили всё «до основания». Моя статья была написана в середине октября, и я отнёс её в редакцию «Белгородской правды» А.В. Литвинову (ныне покойному, Царство ему Небесное). И уже 8 ноября, в праздничном номере, она была напечатана. Премии я не получил, но благодарность редакции я сохраняю в душе до сих пор. В дальнейшем мне везло меньше, а чаще совсем не везло.

Итак, «бомба» была брошена, но она «не взорвалась». Земляки краеведы и историки на неё никак, ни письменно, ни устно, не откликнулись. По слухам же, суждения компетентных лиц были — да и есть до сих пор — такие: «Мало ли кому что на ум взбредёт».

Ещё до публикации статьи в «Белгородской правде», в июле месяце я послал письмо с описанием Крапивенского городища в журнал «Вопросы истории». А в начале декабря послал два письма с опубликованной статьёй «Тайна обретения Тьмутарокани» в Москву в редакции журналов «Советская археология» и «Вопросы истории». Ответ из «Советской археологии» у меня не сохранился, возможно, его и не было, а ответы из «Вопросов истории» на мои письма у меня хранятся, они такие:

«№ 656

20 декабря 1990 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Нас заинтересовала Ваша статья в «Белгородской правде». Как только вопрос о целесообразности постановки поднятого Вами вопроса на страницах журнала будет решён, редакция свяжется с Вами. Извините, что в июле редакция не ответила на Ваше письмо.

С наилучшими пожеланиями,

Заместитель главного редактора И. В. Созин».

«№ 28

23 января 1991 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Консультации, которые редакция провела с археологами и историками (включая и белгородских), показали, что пока нет оснований считать городище X–XII вв. в 30 км от Белгорода за местонахождение Тьмутарокани. Для того, чтобы доказать правоту Вашей гипотезы, необходимы раскопки указанного городища.

С наилучшими пожеланиями,

заместитель главного редактора И. В. Созин».

«№ 57

5 февраля 1991 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Дмитриевич!

Ваше письмо, в котором поднимается вопрос о необходимости сохранения и организации изучения Древнерусских городищ, редакция направила в Институт археологии АН СССР, директор которого академик В. П. Алексеев является членом редколлегии нашего журнала.

С благодарностью за внимание к журналу,
Ответственный секретарь О. Ф. Афанасьев».

Ещё два письма, отосланных в Москву, были адресованы производившему у нас раскопки, археологу кандидату исторических наук А.М. Обломскому и писателю историку А.Л. Никитину. Обломский мне ответил, примерно то же, что и журнал «Вопросы истории», что в мою гипотезу он не верит, но «естественно, без раскопок городища ни признать вашу правоту, ни отвергнуть вашу гипотезу невозможно».

А это из письма Никитина: «Что же касается „Тьмутороканьской авантюры“, то вы здесь, мягко говоря, не совсем правы ни в отношении Мусина-Пушкина, ни в отношении Болтина и Потёмкина. Тьмутороканей было много, и его не требовалось выдумывать, больше того, политика России на юге заключалась не в „русификации“ Турецких названий, а в их „эллинизации“ — отсюда Севастополь, Евпатория, Одесса, Феодосия и т.п. Название „Тьмуторокань“ не было нанесено на карты, и не играло никакой политической роли, это всё выдумали Монгайт и Зимин».

А это из неотосланного ответного письма: «Андрей Леонидович! Речь ведь идёт о древнерусском летописном княжестве „Тьмуторокань“! Не могло же быть на Руси „много“ княжеств „Тьмутороканей“?! Если здраво рассуждать — ну никак не могло... Да и одноимённый этому княжеству город мог быть только один — при этом княжестве, и больше нигде... Такое „мягко говоря“ несерьёзное суждение серьёзного писателя — удивляет!»

И на карту город «Тьмуторокань» наносили (на средневековые и сейчас наносят) и указ царь издавал: «считать Тамань Тьмутороканью» — в народе не прижилось, а историки помнят... но об этом я писал... и буду писать...

*Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдём их славный прах
С их славными делами.*

В. Жуковский

Тайны земли Бояновой

Очевидно, будет нелишним, для придания значимости затронутого нами вопроса русской истории, в качестве введения, привести несколько цитат заслуженных деятелей отечественной исторической науки, касающихся рассматриваемой в нашем повествовании темы.

«Научные результаты двухсотлетних дискуссий состоят в том, что ни одна из школ не может внятно объяснить, что такое „Русь“: если это социальная прослойка, то почему в целом ряде письменных источников, причём разноязычных, она фигурирует как этноним в ряду названий других народов; если же это этнос, то где он локализовался, в силу каких причин на определённом этапе усилился и куда в последствии исчез?».

В.И. Паранин

«Историческая география летописной Руси».

«О княжении Тьмутороканском, как в историях русских обстоятельно мест или урочищ не описано, а в давние времена не знающие пользы исторической, имена народов и земель оставя, по новооткрытым городам пределы именовали, прежние в забвение предали, что и с сим учинилось; а потом писатели, не зная где его сыскать, в различных местах сыскивали».

В.Н. Татищев

«История российская».

«Общая картина исторического процесса может лучше всего воссоздаваться там, где археологи и собственно историки совместно ко-

ординировано разрабатывают научные проблемы. К сожалению, такой полнокровной координации по всем отраслям исторической науки у нас пока не сложилось. Нередко историки плохо знают археологические материалы, а археологи — данные письменных источников. Проигрывает-то от этого историческая наука в целом».

А.П. Новосельцев

«Древнейшие государства на европейской части СССР».

«Гипотеза всегда на переднем крае событий, она рискует сообщать о чём-то пока не наблюдаемом, прогнозировать причину, управляющий им закон. Без вымысла, без умозрительных обобщений не обойтись. Иных ходов нет».

А.К. Сухотин

«Превратности научных идей».

1

И так, 8 ноября, 1990 года в «Белгородской правде» была опубликована моя статья: «Тайна обретения Тьмуторокани», (слово «царство» редакция из заголовка выбросила). В этой статье обосновывалась гипотеза о том, что древнерусским городом Тьмуторокань является Крапивенское городище, находящееся в низовье реки Корень (Шебекинский район Белгородской области) и, следовательно, Тьмутороканское княжество — это земли верховьев Северского Донца. А размещение Тьмуторокани на Таманском полуострове — это политическая фальсификация древнерусской истории в конце XVIII века екатерининскими вельможами. К сожалению, высказанное мною в этой статье опасение, что не найдутся у нас исследователи для этого городища, подтверждается — наша историческая наука десятилетиями селекционировала в своих рядах людей удивительно нелюбопытных, довольствующихся, как и прежде, общепринятыми догмами, часто совершенно абсурдными, но, скажем по секрету, «политически верными», и не важно, что в ущерб истине — истории собственного народа...

А может всё же есть у наших историков факты, доказывающие нахождение Тьмутороканского княжества на Таманском полуострове?.. Что ж, попытаемся по возможности документально, а в основном гипотетически вторгнуться в этот туманный вопрос русской истории.

В нашей исторической науке термин «тенденциозный» употребляется очень часто. И это не удивительно: история — наука в значительной степени субъективная. По словарю иностранных слов, термин «тенденциозный» означает — «подчиненный предвзятой мысли, пристрастный, сознательно намеренный, заранее предусмотренный вывод».

Нужно ли доказывать вредность смыслового значения этого термина для поиска исторической (как и всякой другой) истины? Очевидно, что нет... Но есть в исторической науке интересный нюанс: если этот зловерный, «сознательно намеренный, заранее предусмотренный вывод» существует очень долго, скажем, десятки лет без опровержения, то он превращается в... «постулат». Ещё один иностранный термин, означающий: «положение, не отличающееся очевидностью, но всё же принимаемое в данной науке за исходное без доказательств».

Так что «постулат» — это уже не какая-то субъективная «тенденция». И чтобы доказать его бездоказательность — требуются уже сверх доказательства... А тьмутороканьскому постулату — двести лет.

2

И, тем не менее, обратимся к официальной археологии. У нас имеется очень серьёзное издание — «Археология СССР с древнейших времен до средневековья» в 20 томах. (Правда, «в ужасные времена» СССР успели издать только 11 томов). Археологические сведения о Северном Кавказе находятся в томе: «Степи Евразии в эпоху средневековья». Здесь имеется статья А.С. Плетнёвой «Салтово-маяцкая культура», а в ней имеются, вернее, должны были бы быть, сведения о русской археологической культуре на таманском городище.

Но приведём текст, касающийся таманского городища: «Древняя Гермонасса — средневековая Таматарха (Тьмутаракань) располагалась у станицы Таманской. Культурный слой в ней более 12 м. Размеры её — 350×200 м. Жизнь на этом холме продолжалась в течение многих веков — с IV века до н.э. по XVIII век включительно. Слой салтово-маяцкого времени находится примерно на глубине 2 м от современной поверхности (в центре и на юго-западе) и 1 м — в восточной части городища. Слой ниже салтовского толщиной около 1 м относится к V–VII векам, а слой, перекрывающий его — к X–XV векам (в центре) и к XVIII веку всюду.

Основной состав находок — обломки керамики, аналогичной фангорийской и в целом — салтово-маяцкой. Очень хорошо прослежи-

вается бытование высоких красноглиняных кувшинов. Они появляются в слое в X—XI веках. Производство их увеличивается в несколько раз, а в XII веке резко сокращается, и затем они исчезают.

В культурном слое обнаружены куски кладок стен «в ёлочку» и остатки домов, как и в Фанагории, — двухкамерные.

Как можно понять из этого текста — об археологических изысканиях на таманском городище — Русью там и не пахнет. А взятая в скобки (Тмуторокань) — это ни что иное, как подтверждение автором своей верности «Тмутороканьскому постулату».

Имеются в этом томе прекрасные статьи В.Б. Ковалевской: «Северный Кавказ в X—XIII вв.» и «Западное Предкавказье». Приведу пару абзацев из них: «Изучение керамики городских слоёв Таматархи (Тмуторокани), которая после 1094 года уже не упоминается в древнерусском летописании и может с полным основанием считаться „зихским городом“, позволяет представить облик кухонной керамики».

Керамика, конечно же, «с полным основанием» представляется принадлежащей народам Кавказа и — не единого древнерусского черепка — это несмотря на «столетнее пребывание» там русского города, даже княжества. Но также в скобках — «Тмутороканьский постулат».

И ещё один абзац: «Слабая изученность раннесредневековых поселений ограничивает наши возможности в реконструкции хозяйства племён Прикубанья и Причерноморья. Однако непрерывность жизни на поселениях с римского времени, сохранение традиций в ряде ремёсел (в частности, в гончарном) не даёт оснований предполагать смену как населения, так и хозяйственного уклада».

Изучив указанные статьи, читатель приходит к выводу, что хозяйственный уклад Причерноморских кавказцев не изменялся и в Средние века, разве что добавились черепки от посуды приходящих кочевников. Вот только следов столетнего пребывания там русского населения не обнаруживается. Но, справедливости ради, следует заметить, что в статьях В.Б. Ковалевской тот же читатель обнаруживает завуалированное, но всё же хорошо угадываемое отрицание «Тмутороканьского постулата». Однако заявить прямо, что «король голый» она не решается.

И ещё один пример. В журнале «Советская археология» № 1 за 1987 год напечатана статья С.А. Плетнёвой: «Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина, из Тмуторокани». В этой статье С.А. Плетнёва на основании научных фактов убедительно доказывает себе и читателям, что эти вещи, найденные в Керчи и Тамани, принадлежат аланам, то есть хазарской салтово-маяцкой культуре. А вот заключительный вывод у Светланы Александровны в этой статье традицион-

ный, можно сказать — показательно-постулатный. Она пишет: «О постоянном общении населения Северного Кавказа с Причерноморьем и, в частности, с русской Тмутороканью в XI веке неоднократно писал, опираясь на различные источники В.А. Кузнецов. Об этом же свидетельствует, как указано выше, изучение керамических материалов: аланское присутствие в Тмутаракани фиксируется благодаря ему вплоть до середины XI века. Обломок великолепного начальника, принадлежавшего, очевидно, аланскому феодалу, свидетельствует, что не только рядовое население Алании, но и крупные феодальные владельцы этого государства посещали столицу (а возможно, и жили в ней) русского Тмутараканского княжества».

Очень интересное умозаключение!.. Но, Светлана Александровна, почему же — «а возможно, жили в ней», если дома с кладкой стен «в ёлочку» принадлежали ему — населению Хазария-Алании?! А славянских полуземлянок там не было, и быть не могло. Так почему же Тамань, а, следовательно, и весь Таманский полуостров наши историки продолжают считать древнерусским княжеством?.. Да ещё с «международной» столицей Тмутаракань?.. Ведь ни одного древнерусского черепка и никаких следов пребывания там русского населения нет... Кроме Мусин-пушкинских фальшивок, да притянутых за уши аргументов наших современников... ничего! Однако, «воз и ныне там».

3

В третьем номере «Советской археологии» за 1990 год опубликована посмертная опальная статья доктора исторических наук М.И. Артамонова: «Первые страницы русской истории в археологическом освещении». Он пишет, что в нашей исторической науке «...существуют две тенденции, одну из которых принято называть миграционистской, а другую — автохтонской. Особой нетерпимостью отличается вторая из них, стремящаяся из чувства ложного патриотизма максимально расширить пределы славянской прародины».

Но ведь это, извините, тот самый патриотизм, о котором наш великий классик сказал, что он есть последнее прибежище негодяев... А французский классик ему возразил, заявив: «Я категорически не согласен: не только последнее, но и первое...»

Вот такой получается вывод из нашей таманско-тмутараканской истории. А между тем, как справедливо написала С.А. Плетнёва, история русского княжества Тмуторокань и его одноименного города замечательно интересная и загадочная. А сокрыта она не на далёком

Северном Кавказе, а в нашей белгородской земле, под нашими ногами. Давайте внимательно посмотрим вокруг, подумаем, поговорим...

4

Не так давно, по меркам истории, при реставрации Софийского собора в Киеве в его апостольском приделе в южной галерее на столбе с изображением святого Онуфрия был расчищен древнерусский текст.

Историк С.А. Высоцкий опубликовал этот текст в следующем переводе на современный русский язык: «Месяца января в 30, на свято-

Рис. 3. Граффити на столбе в Святой Софии, сообщающая о покупке «земли Бояновой»

го Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софиею, перед попами, а были тут: попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьон, Михаил Елисавичин, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Капылович, Тудор Борзятнич; а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за неё семьдесят гривен собольих, а в том (заключается) часть семисот гривен».

Изучивший этот текст академик Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что особенности написания букв соответствуют

последней четверти XI века, и предположил, что «княгиня Всеволодова» — это жена великого князя Всеволода Ярославича. Боян же, судя по совпадению времени его жизни, очевидно, тот самый, о котором говорится и в «Слове о полку Игореве». А стоимость земли, которую купила княгиня, равна годовому доходу с семи городов — это стоимость небольшого княжества.

Очень интересный текст: если представить себе вторую половину XI века, между наследниками Ярослава Мудрого, сыновьями и внуками идёт жестокая междоусобица, в которой они друг за другом гибнут, а тут какой-то Боян, по какому-то праву владеет русской землёй

размером в целое княжество, и её у него не отнимают, а покупают... Трудная загадка, но попытаемся разгадать.

По этому поводу, не мудрствуя, высказываются предположения, что поскольку эта торговая сделка заключалась в Киеве, то и «земля Боянова» находилась где-то поблизости в Киевском княжестве. Но Киевское княжество — удельное владение великого князя было небольшим и никак не могло включать в себя ещё одно большое землевладение. А вот Черниговское княжество было довольно большое. Как раз из-за притязаний потомков Ярослава Мудрого на его земли и возникла междоусобица во второй половине XI века. К тому же, именно в Черниговское княжество входило самостоятельное землевладение — княжество Тьмуторокань с одноименным городом. Здесь следует заметить, что именно так: с мягким знаком, и с буквами «о» оно пишется в ранних письменных источниках и в «Слове о полку Игореве».

5

Странное звучание и непонятный смысл слова «Тьмуторокань» приобрело в современном русском языке уничижительный оттенок характеристики местности. В действительности же смысл слова совсем иной, и его этимология для историков, я думаю, никакой тайны не представляет. Состоит оно из двух слов: «тьму» и «торокань». Первое слово позаимствовано из лексики восточных кочевников, у которых слово «тумен» означало воинское подразделение в десять тысяч воинов. В русском языке — «тумен» превратилось в «тьму» и означало уже не только десять тысяч, но и военно-административную единицу — княжество. Вот что пишет об этом академик исторических наук Б.А. Рыбаков в книге «Злато слово» (М: «Молодая гвардия», 1986), в статье «Русские княжества XII — начале XIII вв.»: «Сколько на руси было вотчин? Союзов племён в IX—X вв. было 15. Во главе союза стоял „светлый князь“, упоминаемый договором 911 г.; союз племён (Вятичи, Кривичи, Древляне и др.), по условному десятичному делению, соответствовал „тьме“, т.е. 10 000. Термин „тьма“ в более поздних источниках соответствовал княжеству („Смоленская тьма“, „Киевская тьма“ и т.п.). Из этих строк следует, что «Тьмуторокань» означает «княжество Торокань» — княжество, где жили или кочевали торки. И сам собой вытекает простенький вопрос: а почему это названные академиком «Смоленская тьма», «Киевская тьма» и т.п., в нашей историографии с давних времён называются княжествами, а «Торокань-

ская тьма» так «тьмою» и остаётся? Более того, слова не разделяются, а написание искажается. Почему?!

А ответ получается тоже простенький: это потому, что нашей историографии очень невыгодно раскрывать этимологию слова «Тьмуторокань». А наоборот, его написание нужно исказить — чтобы никто не понял его смысла. Слово «этимология» происходит от греческого слова *etymon* — истина. И вот нашей бессовестной историографии (на личности указывать не будем) эту истину удаётся скрывать уже двести лет.

А жили и кочевали торки там же, где жили и кочевали печенеги — на бескрайних просторах азиатских, а потом восточно-европейских степей. И на Таманском полуострове никогда ни одна нога, ни одной скотины из их стад не ступала. Слияние этих двух народов началось ещё в Заволжье, и кто из них кто, летописи в том путаются. Некоторые историки утверждают, что торки — это осевшие у границ Руси печенеги. А, к примеру, Л.Н. Гумилёв утверждает, что торки — это «неверные гузы». То есть — гузы не принявшие ислам, и за это вытесненные своими соплеменниками из родных земель, и откочевавшие на запад. Где, вступив в союз с печенегами, они и оказались у границ Руси.

В каких отношениях эти народы были с Русью? Очевидно, что в разных. В «Повести временных лет» под 985 годом рассказывается: «Пошёл Владимир на болгар в ладьях с дядей своим Добрынею, а торков привёл берегом на конях: и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: „Осмотрел я пленных колодников: все они в сапогах. Эти — дани нам не дадут — пойдём поищем себе лапотников”».

Из этого следует, что торки были союзниками Руси ещё в языческие времена. И желательно бы признать «гипотетически», что располагался этот союз торков с Русью в загадочном для нашей исторической науки районе — в верховьях Донца и Оскола. Кстати упомянуть, на это место обитания торков в X веке указывает в своей «Истории государства российского» Н.М. Карамзин. И здесь ещё в X веке был построен (судя по археологическим материалам) большой русский город в низовье реки Корень. Основная масса населения верховьев Донца — были осевшие и полусевшие степняки и торки, очевидно, было их обобщающее название, и оно менялось в зависимости от господствующего в степи народа. Летописи XII века называют их города: Сугров, Балин, Чешуев, Шарукань. Города уже называются половецкими, а живут в них ясы, исповедуют христианство, говорят... во всяком случае, слушают проповеди русских священников. Об этни-

ческой принадлежности этого населения, с привлечением археологических материалов, мы поразмышляем позже.

6

В Арабских исторических источниках есть полуфантастические рассказы о каком-то острове руссов. А в Киево-Печерском патерике назван «остров Тьмутороканьский». Именно этот «остров» из патерика и стал основным аргументом для Мусина-Пушкина, чтобы водрузить Тьмуторокань на Таманском полуострове. В русском языке слово «остров» обозначает «часть суши со всех сторон окружённую водою», и ещё — «участок, выделяющийся чем-либо среди окружающий его местности». Таким, выделяющимся участком, был обширный массив дубового леса, занимавшего междуречье верховных рек Донца. Это хорошо видно на современных почвенных картах. Но ещё дело в том, что слово «остров» в древнерусские времена означало и место «оструемое» водами реки высокого берега и преграждающее проход — «крепкое место». Что мы и видим на Крапивенском городище.

Но первенство идеи помещения Тьмутаракани на Таманском полуострове принадлежит не А.И. Мусину-Пушкину. Ещё в 1736 году была опубликована статья профессора восточных языков, члена Петербургской Академии наук Г.З. Байера, в которой он писал: «Тьмуторокань есть самое то место, которое цесарь Константин Парфирородный Таматаркою называет и полагает против Босфора или Керчи. Ныне называется сие место на турецких ландкартах Темрюк и лежит против крепости Тамана в северо-восточной стороне подле Меотического [Азовского] моря».

Как можно понять из этого отрывка, профессор восточных языков плохо разбирался и в истории, и в географии, но идея его не пропала. Через пятьдесят лет о ней вспомнили екатерининские вельможи и, как говорится, «процесс пошёл».

Процесс, разумеет, политический. Политика, как известно, — это искусство управления государством. И наши предки управляли иногда искусно: как не удивительно, некоторые, даже будучи иностранцами, очень радели о прибавлении и благополучии Русской земли, в чём и преуспевали, не в пример нынешним «геростратам».

А фигурирование Тьмуторокани в русской государственной политике было не впервые. Русская летопись (ПСРЛ. Т. 13. С. 236) нам сообщает, что ещё более чем за два века до того, то есть в середине XVI века, к России было присоединено Астраханское ханство, что вызвало

недовольство со стороны Турции, Крымского ханства и ряда Ногайских муруз. И в ходе переговоров с послами Ногайского князя Измаила русские переговорщики — окольный Алексей Адашев и дьяк Иван Михайлов — дали походу на Астрахань такое поясняющее обоснование: «Астрахань — это ничто иное как древняя Тмутаракань. А Тмутараканью владел прежде предок Ивана IV — киевский князь Владимир, который передал её под управление своему сыну Мстиславу. Следовательно, русские государи раньше теми местами обладали».

В 1785 году на Таманский полуостров в «разведку» направляется академик П.С. Паллас. В августе 1785 года он представил в походную канцелярию Г.А. Потёмкина отчёт «Разные замечания, касательно до острова Тамана», в котором он пишет о предполагаемой Тмуторокани на месте Темрюка: «Город Темрюк лежит посреди болот и камышей, кои оттуда до самого Ачуева простираются, на небольшой площадке земли, и судя по малой его обширности и по малому пространству земли вокруг его находящейся, на коей нет никаких признаков от древних развалин, нельзя полагать, чтоб тут стоял пред сим древний „Тмутаракань“».

Так Темрюк был забракован. Нужно было искать другое место и его нашли на берегу Керченского пролива, на городище античной Гермонассы. Весною 1792 года А.И. Мусин-Пушкин издает «Книгу Большому чертежу», в предисловии к которой уверенно предсказывает, что «при помощи сея книги, о чём не умелю я показать, окажется в своём настоящем месте сие по мнению всех погибшее Тмутороканское княжение». И действительно, в августе того же года, прибывшими в Тамань военными поселенцами был найден... «Тмутороканский камень», это предсказание подтверждающий.

7

В 1985 году, за пять лет до находки городища на реке Корень, в замечательной исторической повести «Испытание „Словом... [о полку Игореве]» писатель-историк А.Л. Никитин предложил считать, что Тмутороканей было два (два одноименных города ещё могло быть, но два княжества?! — А.Ж.). Один, как упоминается выше — на реке Корень а другой, согласно логики событий XI века, должен находиться где-то в верховьях Донца (тоже сбывшееся предсказание). Вот только городище пока безымянное. Но мы, условно, примем предложение А.Л. Никитина и, рассматривая события XI века, будем сопоставлять их с этими географическими территориями.

Первое упоминание Тмуторокани в летописях содержится под 988 годом в перечне двенадцати сыновей Владимира Святославича и удельных княжеств, в которых он посадил их княжить. В Тмуторокани Владимир посадил Мстислава. Владел Тмутороканью Мстислав в течение 48 лет, до своей смерти в 1036 году. Как утверждают летописи: «Мстислав был полон, красив лицом, с большими глазами; был храбр на войне, милостив, очень любил свою дружину, не щадил для неё ни именья, ни еды, ни питья». В 1022 году Мстислав ходил на кософов, и, пожалев дружину, вступил в единоборство с косожским князем Редедей. В честь победы над Редедей Мстислав построил в Тмуторокани церковь св. Богородицы. Хотя, как утверждают исследователи летописей, записи о строительстве церквей в честь побед — часто всего лишь дань традиции. В 1023 году, когда Ярослав отлучился в Новгород, Мстислав из Тмуторокани пришёл к Киеву, но его киевляне не приняли. Тогда он пошёл и сел в Чернигове. Узнав об этом, Ярослав собрал войско из новгородцев и варягов и пошёл на Мстислава. Войска братьев сошлись при Листвине. Была жестокая ночная сеча. Войско Ярослава было разгромлено, и он бежал в Новгород. Летопись повествует: «Мстислав же на рассвете, увидя трупы своих северян и Ярославовых варягов, сказал: „Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина моя цела“».

Умозрительные утверждения наших историков того, что Мстислав княжил на Северном Кавказе, и дружина его состояла из воинов кавказских национальностей, и даже евреев... оставим на их совести. Для себя же отметим, что северяне (а это славянские племена днепровского левобережья, и Донец у нас Северский) были в войске Мстислава так же своими, хотя гибель их он и предпочел гибели любимой дружины.

Но, я думаю, для иллюстрации богатого воображения историка Л.Н. Гумилёва стоит привести несколько строк из его книги «От Руси к России»: «А что происходило в Тмутаракани, где мы оставили шестилетнего Мстислава Владимировича? Как и всякий ребенок, он играл на морском берегу цветными камешками, встретил ровесников и подружился с ними. Друзья детства и юности Мстислава были евреи, осевшие в Тмутаракани после гибели Хазарии и ставшие называться хазарами. ...Будучи правителем далёкого от Киева южного города, Мстислав никогда не забывал, что он сын великого русского князя Владимира. Мстислав собрал степняков, ... и в 1023 году, соединив эти силы с иудо-хазарским войском Тмутаракани, отправился искать „золотого стола киевского“». Итак, по Гумилёву, Мстислав вырос и жил среди инородцев-иноверцев... Интересно, знал ли он русский

язык?.. Но это лишь один из самых простейших вопросов, которые возникают при чтении таких историко-фантастических сочинений.

После победы при Листвине Мстислав послал гонца к Ярославу в Новгород, чтобы сказать: «Сядь в Киеве: ты старший брат, а мне будет эта сторона». Братья сделали границей между своими владениями Днепр, заключили мир, усобицы прекратились до возмужания следующего поколения князей.

8

К этим общеизвестным событиям из русской истории следует добавить несколько, на мой взгляд, важных фактов, которые хорошо известны по летописям, но редко упоминаются историками, очевидно, по причине их логической несовместимости с общепринятым построением событий.

Факт первый: в 1022 году Мстислав боролся с Редедей, а в 1023 году он ходил в Киев к Ярославу требовать прибавления себе владений и получил отказ. Очевидно. Чувствуя свою силу, он требовал или просил у Ярослава себе в княжение всё левобережье. Затем уже последовали вышеизложенные события 1024 года. Активная деятельность Мстислава в коренной русской земле в эти годы указывает на то, что никакие земли Редеди его не интересовали, а Редедя сам пришёл к границам земель Мстислава.

Факт второй: летописи сообщают, что Мстислав до 1024 года владел не только Тмутороканью, но и Рязанью, и Муромом. То есть, пограничными княжествами Руси. И сживать на таманском полуострове ему было совсем недосуг. Этими же пограничными княжествами — Тмуторокань — Рязань — Муром — владели и все последующие Черниговские князья. Кстати, не с тех ли пор название «муром» попало в наши края? Есть у нас село Муром и речка Муром — приток реки Харьков. Но это, очевидно, отдельный разговор.

В 1036 году Мстислав разболелся и умер. Положили его в церкви св. Спаса в Чернигове. Наследников он не оставил и владения его перешли к Ярославу. Но сразу же после смерти Мстислава на Киев пошли печенеги-торки. Этот факт в нашей истории считается «интересным», но он просто закономерен: Мстислав владел Левобережьем, а через Тмуторокань (не Таманскую, разумеется) — и Степью. Естественно, что при смене власти, подвластные попытались от неё избавиться. Но выступили, очевидно, не дружно и были Ярославом побеждены. Никаких серьёзных инцидентов у Руси со Степью при

Ярославе больше не было. Кто при нём княжил в Тмуторокани — неизвестно. Но известно, что после смерти Ярослава в 1054 году она досталась вместе со всей Черниговской землей его сыну Святославу.

9

Нам, для того чтобы уяснить политическую обстановку в Киевской Руси XI века, нужно вернуться к княжению Ярослава Мудрого. Летописи сообщают: «При нём начала вера христианская плодиться и распространяться, и чернецы стали множиться, и монастыри появляться. Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читал их и днём, и ночью. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг... Ярослав же, как мы сказали, любил книги и, много их переписав, положил в церкви Святой Софии, которую сам создал».

Так вот, известно, что эта библиотека Ярослава пропала ещё в XI веке. По этому поводу высказываются предположения, что возможно она замурована где-то в тайниках Святой Софии? Но мы, несколько ниже, предложим свою интересную и аргументированную версию местонахождения библиотеки Ярослава Мудрого.

Из множества черноризцев-книгописцев Ярослава история сохранила нам три имени, получившие ещё при жизни титул «великие». Это Антоний, считающийся основателем Киево-Печерского монастыря, Илларион — автор «Слова о законе и благодати», и Никон, о трудах которого исследователи только догадываются по включённым в разные летописи фрагментам и отрывкам, по которым можно судить о свободных и независимых взглядах этого книгописца, о том, что писал он, «свивая славу обеих половин сего времени», то есть, в равной степени справедливо описывал времена язычества и христианства. И ещё Никон считается основателем монастыря в Тмутаракани, что для нас очень важно,

Был ещё при этих великих черноризцах послушником Феодосий. В «Житии Феодосия Печерского», написанного Нестором, большой заслугой Феодосия считается то, что он пряд нити для сшивания книг, которые писал Никон. «Многожды же Великому Никону сидящу и строащу книги и блаженному Феодосию вскрай его сидящу и прядущу вервие еже на потребу таковому делу».

В 1054 году умирает Ярослав Мудрый и для его книжников наступают трудные времена. Дело в том, что в том же году произошел окон-

чательный раскол Римско-Византийского христианства на западное — католическое и восточное — православное, а также обострение в их отношениях. А в Киеве на великокняжеский стол сел старший сын Ярослава Изяслав, который был женат на польской княжне и питал симпатии к своему шурину католику, польскому королю Болеславу II. По этой причине у Изяслава возникли серьезные трения со служителями православного культа, к которым относились и Ярославовы книжники. На волне этих трений, став на сторону Изяслава, сумел выделиться, оттеснив великих, монах Феодосий. При поддержке Изяслава он стал игуменом Киево-Печерского монастыря. А по установившейся в те времена традиции, епископы в города и удельные княжества Руси назначались только из Печерских черноризцев. И не последнее слово было в этом за игуменом. Он же контролировал их деятельность на местах. Таким образом, получалось, что игумен Киево-Печерского монастыря был как бы главным идеологом государства. И Феодосий не преминул ввести свою идеологию. Не обладая большой грамотностью и начитанностью, он объявил невежество богоугодным, а книжное чтение вредным, и что главное в служении Богу — это истязание тела постом и молитвы днём и ночью. Это нововведение он укрепил позаимствованным в византийских монастырях строго-аскетическим Студитским уставом.

Что случилось с Ярославовыми книгописцами? Им пришлось перебраться в Чернигов и писать книги для княжившего там Святослава. Но, как можно понять из источников, Феодосий нашёл их и там. Он ходит в Чернигов и поносит Святослава устно и письменно. В результате, в начале 1061 года Никон Великий уходит, очевидно, не один... в Тмуторокань. Чем занимался Никон в Тмуторокани?.. Об этом — несколько позже, а сейчас нам нужно ещё раз вернуться к княжению Ярослава и, по возможности, проследить судьбу ещё одной замечательной личности того времени — Бояна Вещего.

10

Как показывают исследования лингвистов, культура певцов-сказителей была позаимствована Русью у скандинавов, то есть варягов. У которых певцы-воины скальды занимали в общественной иерархии одно из последующих мест после короля. Ярослав был женат на шведской принцессе и его двор имел обширные связи со Скандинавией. В песнях-сказаниях русских певцов, по утверждению исследователей «Слова о полку Игореве», содержались отголоски скандинав-

ской мифологии, вкрапленные в сказы и былины русской истории. Очевидно, что Ярославовы певцы-сказители, как и книгописцы, получали образование в монастырских «университетах» и проходили через монашество: иного пути к образованию у простолюдина тогда не было. И поэтому современники Никон и Боян могли быть иноками одного монастыря и, как говорится, сидеть за одной партией.

После смерти Ярослава Мудрого культурное наследие его двора, по причинам, изложенным выше, перешло в Чернигов к Святославу, который, как и отец, был женат на принцессе из Скандинавии. О том, что Никон и Боян могли встречаться при дворе Святослава мы имеем уже документальное подтверждение. Кроме почти утраченного летописного свода, который Никон писал для Святослава, им был написан и дошёл до нас «Изборник Святослава 1073 г.». О присутствии же при дворе Святослава Бояна нам сообщает строка из «Слова о полку Игореве»: «Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы старого времени Ярослава».

Ещё одно указание на присутствие при дворе Святослава певцов и музыкантов находится в «Житии Феодосия Печерского», где рассказывается о том, как Феодосий придя к Святославу, застал его сидящим и слушающим игру на гусях и пение. И сказал Феодосий, с горечью опустив глаза: «То ли ещё будет на том свете?!» И Святослав, увидев его и услышав его слова, умилился и прослезился, повелел перестать петь и играть, и с тех пор, при появлении в Чернигове Феодосия, игры запрещались. Из приведенного рассказа можно сделать вывод, что певцы-сказители подвергались гонениям со стороны ортодоксов Феодосия, очевидно, ещё большим, чем книжники. О том, что Боян Вещий оказался в Тмуторокани, мы можем сделать вывод из строк «Слова о полку Игореве», где говорится, что Боян пел песни только тем князьям, чьи судьбы были связаны с Тмутороканью. А Красному Роману Святославичу он мог петь только в Тмуторокани, потому, что нигде больше этот князь не княжил.

Итак, мы установили, что жизненные пути Никона и Бояна соприкасаются в Чернигове и Тмуторокани. Мы знаем, что их творчество тоже родственно: Никон писал прозаические произведения на историческую тему, а Боян на ту же тему писал произведения поэтические. Сочинения Бояна не сохранились и лишь гипотетически исследователи считают, что в «Слове о полку Игореве» содержатся фрагменты из его творчества.

И здесь, естественно, возникает вопрос: а не один ли это человек? В монашестве он — Никон, а в миру — Боян... Очень даже может

быть... Но условимся так: если в нашем повествовании их пути сойдутся ещё раз — в третий раз, то будем считать нашу догадку аргументированной и заслуживающей серьёзного внимания и изучения... Правда, неизвестно кем?..

11

Что нам известно о трудах, написанных Никоном Великим? Здесь мы можем сослаться лишь на выводы таких серьёзных исследователей летописей как: М.Н. Тихомиров, А.А. Шахматов, Д.С. Лихачёв. В составе новгородской первой летописи в древнейшей её части содержится свод южно-русского происхождения. Исследователи обратили внимание на такое обстоятельство — с 1061 года в летописи появляются точные даты светских событий, что может свидетельствовать о начале составления какого-то свода именно в это время. Ещё в летописи между 3 февраля 1061 года и 3 марта 1067 года нет точно датированных киевских записей, и есть записи Тьмутороканские. А это как раз те семь лет, до посещения им Киева, в течение которых Никон находился в Тьмуторокани. Поэтому исследователи решили, что эта часть летописи южно-русского происхождения написана Никоном Великим. Ещё, по мнению Д.С. Лихачёва, Никон первым ввёл в летописание погодную сетку, то есть, придал летописи ту форму, которая стала для неё традиционной.

Здесь нужно заметить, что в Тьмутороканских записях Никона ни единого слова не говорится о светских событиях на Северном Кавказе. Все эти записи сообщают о погоде и светских событиях в южных краях Руси. Как мог Никон, сидя на Таманском полуострове, это записывать?! Ну... такие «наивные» вопросы у серьёзных исследователей обычно не возникают, очевидно, они оставляют их для тренировки воображения дилетантов. Но для нас главное — установить, что Никон в нашей Тьмуторокани писал летописный свод. Что мы и сделали с помощью серьёзных исследователей.

Для того чтобы писать летописный свод Никону требовалось какое-то количество (вероятно, немалое) подсобной литературы — первоисточников. И их Никон должен был привезти с собою из Киева и Чернигова... Ну, а не является ли уход Никона в Тьмуторокань по причине спасения книг из библиотек Ярослава и Святослава?... Ведь им грозила со стороны Феодосия ревизия и уничтожение... И эти книги, спрятанные где-то в Тьмутороканьской пещере, отсчитывают уже десятый век... Любопытная версия. Пока что только для автора, к сожалению.

Наконец мы уже подошли к событиям 1067 года. Под этим годом Киево-Печерский патерик сообщает, что ушедший из Киево-Печерского монастыря «в остров Тьмутороканьский» Никон «умершю Ростиславу князю острова того, умолен бысть... от люди техъ приити к Святославу князю и молити, да пустить имъ своего сына, да сядеть на столе том». Святослав просьбе внял. Далее в Патерике говорится: «Дошедшее бо с князем Глебом острова того, и оному седшю на столе в граде том, Никон же возвратился вьспясть».

Нужно отметить, что этому событию предшествовали ещё события 1065 года, когда из Владимира-Волынского пришёл в Тьмуторокань князь Ростислав Владимирович — самый старший внук Ярослава, сын старшего из Ярославичей Владимира, который построил в Новгороде св. Софию и умер там в 1052 году. Ростислав выгнал княжившего здесь Глеба, своего двоюродного брата, сына Святослава Черниговского. Святослав пришёл в Тьмуторокань и восстановил княжение сына, но едва он ушёл, как Ростислав вернулся и опять выгнал Глеба, который и ушёл в Чернигов к отцу. Видимо Ростиславу после смерти отца не досталось никакого удела, и он решил отобрать у Святослава Тьмуторокань, а Святослав смирился с потерей.

Но 3 февраля 1067 года Ростислав был отравлен греком Котупаном. Вот тогда, похоронив Ростислава, жители Тьмутороканьской земли и города упросили епископа Никона пойти в Чернигов и просить Святослава возвратить Глеба на княжение к ним. Ведь в степи уже господствовали половцы и, очевидно, очень их беспокоили. И Никон пошёл в Чернигов, но Святослава там не застал: он с братьями, Изяславом и Всеволодом готовились в Киеве в поход на Всеслава Полоцкого, чтобы наказать его за нападение на Новгород. В Киеве Никон и застал Святослава с Глебом. Затем он проводил Глеба в Тьмуторокань и «възвратился вьспясть», как о том и рассказано в Киево-Печерском патерике. Обстоятельства в Киеве для Никона несколько изменились, и нужно было, очевидно, предъявить князьям (ещё дружившим) претензии за их плохую охрану русской земли.

Здесь, попутно, хорошо бы нам решить одну простую, так сказать, логико-арифметическую задачу, лишней раз указывающую, на каком расстоянии находилась Тьмуторокань от Киева. В приведенном выше отрывке из патерика, имеются две совершенно точные даты. Это смерть Ростислава (3 февраля 1067 года) и битва братьев Ярославичей с Всеславом Полоцким на реке Немиге (3 марта 1067 года).

Между этими событиями имеется 28 дней. Если учесть, что войску братьев, чтобы дойти из Киева до места битвы на Немиге (а перед этим они ещё штурмовали Минск) по глубоким февральским снегам, самое мало нужно две недели, то у Никона, похоронившего Ростислава, остаётся на дорогу от Тьмуторокани до Киева самое много десять дней. Вопрос: можно ли с Северного Кавказа по безлюдным заснеженным степям добраться до Киева за десять дней? Ответ: не доберёшься и за месяц: замерзнешь в степи, как ямщик из песни. Но ведь Никон в феврале-марте прошёл этот путь трижды!.. Да, но он ходил, а скорее ездил из нашей Тьмуторокани. Проехать же 400 километров за десять дней на гужевом транспорте по населённой местности, где можно обогреться и покормить лошадей — это нормальное расстояние.

13

Летом 1067 года произошло ещё одно важное событие, которое, можно сказать, явилось ключом к последующим смутным событиям в истории Руси и в нашем княжестве Торокань. Победившие Всеслава Полоцкого, братья Ярославичи уговорили его прийти к ним на переговоры, поклявшись целованием креста, что не тронут его. Но когда он пришёл, они схватили его, увезли в Киев и посадили в поруб — деревянную тюрьму (из кирпича на Руси тогда ещё строили только церкви).

К тому времени половцы уже серьёзно беспокоили население, пограничного со степью владения Всеволода Ярославича, Переяславского княжества. Изяслав, Святослав и Всеволод в конце лета 1068 года, ополчившись, выступили против них. Но в ночной битве на реке Альте, недалеко от Переяславля, потерпели жестокое поражение и бежали: Изяслав и Всеволод в Киев, а Святослав — в Чернигов. Поскольку в те времена победы и поражения в войне считались исключительно расположением к воюющим сил небесных, то и виновными в поражении стали князя клятвопреступники крестоцелования, и в первую очередь нелюбимый священнослужителями великий князь Изяслав. Подогреваемая ими, в том числе и великими Антонием и Никоном, в Киеве началась смута. Князья были изгнаны из Киева киевлянами, а Всеслав Полоцкий выпущен из поруба и посажен на великое княжение — «золотой киевский стол». Интересный был момент в русской истории — торжество демократии: народ сам избрал князя. Но что было делать этому народу и этому князю?.. С одной стороны свой князь, а с другой — половцы. Однако они действовали и небезус-

пешно. Во-первых, им нужно было привлечь на свою сторону хотя бы одного из князей, не бескорыстно для него, разумеется. И таким князем был Святослав. А во-вторых, заключить мир с половцами. Эти драматические события русской истории отражены в знаменитых строках из двух десятков слов в «Слове о полку Игореве»: «Всеслав князь людемь судяше, княземь грады рядяше, а самь в ночь волком рыскаше; из Киева дорыскаше до курь Тьмутороканя, великому Хорсове волком путь перерыскаше».

И если с Хорсом, курами и волком фантазия наших историков как-то справляется, представляя Всеслава скачущим за тридевять земель, через вражеские степи за море на Таманский полуостров, чуть ли не на сером волке, то — зачем он туда скакал в критические для себя дни и ночи, фантазия у них не срабатывает, а здравый смысл отвечать отказывается. В одной из своих статей академик Б.А. Рыбаков с горечью признаёт, что загадка: зачем Всеслав скакал в Тьмуторокань, нашей исторической наукой до сих пор остаётся неразгаданной, но добавляет: «очевидно, за подмогой». Но, так же очевидно, у историков не должно вызывать сомнения и то, что на Северном Кавказе половцы господствовали лет за пять до того, как они появились у границ Руси. Какая ж там подмога?.. Подмога нужна нашим историкам, чтобы избавить их от ложных консервативных концепций и амбиций.

Итак, 15 сентября 1068 года на Киевский стол был посажен Всеслав Полоцкий. Он был заинтересован в укреплении своей власти, но ещё больше в этом были заинтересованы киевляне, потому что в случае изгнания Всеслава не сносить им было буйных голов. Поскакали гонцы в Чернигов к Святославу, поскакала разведка в степь искать резиденции половецких ханов. Отлучаться из Киева Всеслав мог только тайно, потому что Изяслав находился где-то поблизости и в любой момент мог вернуться в Киев. Вот и отправился князь Всеслав в путь ночью в предрассветный час, когда разбегаются в дневные логова ночные охотники — волки, и до крика петухов в предрассветный час другого дня был уже в Тьмуторокани. То есть — был в пути одни сутки, с чем и запечатлен на века в «Слове о полку Игореве». Возможно ли проскакать за 24 часа 400 километров? Для сравнения — такое расстояние за это время в эстафете могут пробежать одиннадцать марафонцев. Лошадей потребуется в половину меньше. Главное — удержаться в седле, а Всеслав, по рассказу самого Владимира Мономаха, был великий наездник.

О чём говорил Всеслав с Шаруканом мы (пока не вскрыты Тьмутороканские пещеры) не знаем, но результат известен по Новго-

родской первой летописи, и он удивительный... Шарук с двенадцатью тысячами воинов пошёл на... Чернигов. Святослав навстречу Шаруку (зачем бы ему покидать укрепленный город?) вышел из Чернигова с тремя тысячами воинов и «разгромил» 1 ноября под Сновском непобедимых до того половцев. А хана Шарукана вместе со всем его родом взял в плен, привёл в Чернигов и они... сыграли свадьбу. Да — всё верно: Святослав с Шаруканом заключили мир, и Святослав взял за своего сына Романа дочь Шарука. Половцы удалились, а Всеслав подарил Святославу, принадлежавший ему по праву великого князя, Новгородский стол. Красный Роман Святославич с женою половчанкой поехал княжить в нашу Тьмуторокань (поближе к сватам), а Глеб Святославич был переведён из Тьмуторокани в Новгород. Укрепилась сила и слава Святослава и как-то отразилась в Киеве на Всеславе. Изяславу с сыновьями пришлось на зиму уйти к сватам в Польшу.

14

Но весной 1069 года Изяслав с польским войском пошёл на Киев. Всеслав с киевлянами вышел ему навстречу в Белгород киевский, но ночью 15 апреля, оставив киевлян, ускакал в свой Полоцк. Святослав и Всеволод посылали к Изяславу гонцов с просьбой не вести в Киев поляков, не срамить отчий стол. Изяслав сам поотстал, а вперёд с поляками в Киев пошёл его сын Мстислав и устроил жестокую расправу над киевлянами: 70 человек было казнено, много людей подверглось ослеплению и другим карам.

Киево-Печерский патерик сообщает, что за Антония заступился Святослав и укрыл его в Чернигове. Можно предположить, что там же оказался и Илларион, а Никон, вероятно, ушёл опять в свой Тьмутороканьский монастырь.

Но эти события сильно пошатнули авторитет Изяслава, как великого князя. 22 марта 1073 года он вновь был изгнан из Киева в Польшу. Великокняжеский стол занял Святослав Ярославич. Во Владимиро-Волынском — на пути следования Изяслава из Польши — он посадил княжить своего сына Олега. В Новгороде с 1068 года продолжал княжить Глеб, а у нас, в княжестве Торокань княжил Красный Роман. Где-то здесь, неподалеку, основал свою летнюю ставку — город Шарукань — его тесть половецкий хан Шарук. Высказываются предположения, что возможно находился этот город у слияния рек Лопани и Харьковка — в центре современного города Харькова.

Княжил в Киеве Святослав недолго, 27 декабря 1076 года он умер во время удаления какой-то опухоли. Киевский стол временно занял младший Ярославич — Всеволод. Для сыновей Святослава настали трагические времена. Весной 1078 года Всеволод получил известие, что Изяслав готовится с польским войском идти на Киев. Он выехал ему навстречу. На Волыни они встретились и помирились, а 15 июня Изяслав занял Киевский стол. Но в то время, когда он вёл переговоры со Всеволодом, в Новгород с поляками пошёл его сын Святополк и, убив 10 мая, княжившего там Глеба Святославича, сел на Новгородское княжение. А Всеволод из Волыни приехал в Чернигов и привёз с собою, княжившего там, Олега Святославича. Здесь следует напомнить, что Святослав, садясь на киевский стол, уступил Всеволоду (очевидно, чтобы расположить его к себе) свою отчину — Чернигов, в котором Всеволод посадил княжить своего сына Владимира, будущего Мономаха. 10 апреля, на Пасху, Всеволод и Владимир пригласили на Красный двор для беседы, гостившего у них Олега Святославича, после которой он, по сообщению летописей, бежал в Тьмуторокань к брату Роману. В Тьмуторокани оказался и обиженный дядьями их двоюродный брат Борис Вячеславович. Братья собрали войско из своих и половцев, пошли в Чернигов и выгнали оттуда Всеволода с сыном. Пришлось им идти в Киев и просить помощи у Изяслава. Изяслав, простив им прежние обиды, повелел собирать войско от мала до велика. Войска дядьей Ярославичей и их Тьмутороканьских племянников сошлись 3 октября у села Нежатины нива (ныне город Нежин), и половецкое войско племянников было разбито. Убит был Борис Вячеславович, а Олег опять бежал в Тьмуторокань. Участвовал ли в битве Роман — неизвестно. Но в этой битве был убит и сам великий князь Изяслав Ярославич. Киевский стол, теперь уже законно занял Всеволод.

Вступать в открытую вооружённую борьбу с Тьмутороканьскими племянниками он больше не захотел. В 1079 году Всеволод заключил с кочевавшими у Переяславля половцами мир, подкупил их. Они пошли к Тьмуторокани и 2 августа убили Романа Святославича. Другой отряд наёмников, названный в летописи «козары», схватил где-то Олега и отправил в плен в Константинополь, где царствовал родственник княгини Всеволодовой Никифор Вотанид. Там Олег был сослан на остров Родос. С сыновьями Святослава было покончено — Тьмуторокань осиротела. И здесь мы подошли к вероятному времени покупки «земли Бояновой».

Ознакомившись с текстом о продаже «земли Бояновой», мы видим, что, как ни странно, в тексте перечислено двенадцать свидетелей из священнослужителей, но не указано ни одного лица, продавшего землю и получившего огромную сумму денег. Поэтому вывод здесь может быть однозначным: деньги получили сами же священнослужители, не перечисленные свидетели, разумеется, а их высшее духовенство. За что?..

Садысь в начале января 1079 года на великое княжение, Всеволод, конечно же, совершил традиционный ритуал — богослужения и пожертвования в монастыри и церкви. Но осенью того же года, в связи с разгромом сыновей Святослава в Тьмуторокани, он оказался в очень непростом положении. Дело в том, что сразу же после смерти Изяслава Киево-Печерская монашеская братия отстранила от игуменства ставленника Феодосия и Изяслава (Феодосий умер в 1074 году) — Стефана и избрала игуменом Никона Великого. Таким образом мы видим, что в монастырско-церковной иерархии власть перешла к сторонникам Святослава и его сыновей. Ведь Никон, основавший в Тьмуторокани монастырь, и бывший здесь епископом, был духовным наставником этой земли и княживших здесь сыновей Святослава.

Что было делать Всеволоду?.. Хитрости ему не занимать. Да и богатства тоже: всё состояние Святослава было захвачено им. Нужно было принести хорошие пожертвования в Печерский монастырь и в традиционный оплот сторонников Святослава — церковь Святой Софии. Эти деньги были вручены «перед Святою Софиею, перед попами» под предлогом покупки осиротевшей тьмутороканьской земли, единственным представителем которой остался тогда игумен Никон Великий. А на столбе в церкви Святой Софии какой-то грамотей мирянин или монах начертал, что «княгиня Всеволодова купила землю Боянову». Это в третий раз подтверждает нашу версию о том, что Никон Великий и Боян Вещий — это один человек и наш великий земляк.

Можно с большой вероятностью предположить и суть этой «торговой» сделки княгини Всеволодовой с монашеско-церковным клиром: деньги, полученные клиром за «землю Боянову», предназначались для строительства женского Свято-Андреевского монастыря, в котором впоследствии станет игуменьей дочь Всеволода Ярославича, Анна (Янка). И монастырь станет называться — Янчин монастырь. Так получается, что женская провизантийская половина Всеволодова дома (похоже, что управляла она не только домом, но

об этом мы поговорим в отдельной главе) «убивала сразу двух зайцев»: строила для себя монастырь и, посредством якобы покупки, приобретала власть над мятежной «землей Бояновой» — Тьмутороканью.

Что было с Тьмутороканью потом?.. Всеволод назначил сюда наместником Ратибора. Но его в скором времени выгнали князья: Давыд Туровский и Ростислав Перемышльский. А в 1081 году в Константинополе произошёл государственный переворот, в результате которого, родственники княгини Всеволодовой были отстранены от власти, и в 1083 году Олег Святославич вернулся из Родосской ссылки в Тьмуторокань. Он с миром отпустил находящихся здесь князей в их владения, как сказано в летописи — «за Днепр». Опираясь на это указание летописи, историк XVII века И.Н. Болтин пытался доказать екатерининским вельможам, что Тьмуторокань находилась с восточной стороны Днепра, за что и заплатился жизнью вместе со своим патроном светлейшим князем Г.А. Потемкиным. Но это события произошли семь веков спустя. Олег же, заняв Тьмутороканьский стол, поехал в Киев к начальству — к великому князю Всеволоду и игумену Никону Великому. Разговор между ними был, конечно, интересный, но история нам его не сохранила, к сожалению.

Вернувшись из Киева, Олег Святославич княжил в Тьмуторокани десять лет и никаких конфликтов у Руси со Степью в это время не было: ведь Константинополь назначил его архонтом вассальных ему степняков-половцев. И это ещё одно из логических указаний на местность, где располагалась Тьмуторокань. После смерти Всеволода в 1094 году, Олег Святославич пошёл в свою вотчину Чернигов, выгнал оттуда Владимира Мономаха и стал княжить в Чернигове. 1094 год считается в нашей историографии последним в связи с упоминанием Тьмуторокани. Но историкам XVIII века был известен ещё какой-то, не дошедший до нас, источник, в котором рассказывалось, как княживший в Тьмуторокани Всеволод Олегович в 1127 году внезапно пришёл с войском к Чернигову и выгнал из него своего дядю Ярослава Святославича.

Очевидно, этот поход Всеволода Олеговича на Чернигов был не военным походом, а исходом русского населения из земель верховьев Донца. Такой же, как за десять лет до того, в 1117 году был исход русского населения из Белой вежи и основания им в черниговской земле нового поселения — Белая вежа.

О том, что исход из Тьмуторокани был не поспешным, а хорошо организованным, можно судить по тому, как тщательно были засыпа-

ны входы в пещеры монастыря, так сказать, законсервированы на века. И, очевидно, не одна заговорная молитва прозвучала здесь в своё время, и витает их дух, охраняя тайну, не только над этой местностью, но и над всей Россией до сих пор... Ну, скажем — такой забавный факт: от года, когда была покинута Тьмуторокань, и до года, когда она была помещена в Тамани прошло 666 лет! Что это?.. Козни дьявола?.. И ещё, можно сказать, эпохальная загадка: обошедшая весь мир странная «Влесова книга» имеет с этим городищем самую непосредственную, но тайную связь. Но это для любителей мистики. Для серьёзного же разговора обратимся к источникам историческим.

16

В «Повести временных лет» рассказывается, как умирающий в 1074 году игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий просит Печерскую братию избрать на своё место игуменом монаха Иакова. Но Печерские монахи отказываются выполнить его просьбу по той причине, что Иаков «не здесь пострижен». Он был пришельцем из монастыря Переяславского княжества — вотчины Всеволода Ярославича. Феодосий же им сказал: «Вот я вам, по Божию повелению, назначил Иакова, а вы по своей воле хотите сделать. Ступайте без меня стоворитесь, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих кого хотите от старейших до меньших». Братья избрали Стефана, и Феодосий благословил его на игуменство.

В этом рассказе содержится немалая информация о политической жизни Руси того времени. Мы видим, что хотя на великом княжении в Киеве сидит Святослав, а Изяслав находится в изгнании в Польше, умирающий Феодосий настойчиво пытается водворить на игуменство человека Всеволода. За Всеволодом же, женатым якобы на дочери Константина Мономаха, таится сама великая Византия. Конечно же, Печерская братия всё это знает и понимает, и видно, что антивизантийские настроения «Ярославова времени» в них неистовым Феодосием ещё совсем не сломлены. Именно поэтому, через четыре года, после гибели Изяслава в 1078 году, Киево-Печерские монахи отстранили от игуменства Стефана и избрали игуменом тьмутороканского епископа Никона Великого, а в Тьмуторокань назначили епископом того самого, отвергнутого Феодосием, Николу. Об этом рассказывается в Патерике в «Послании Симона к Поликарпу» и «О Никите затворнике».

Из вышеизложенного следует вывод, что Тьмуторокань была оплотом и убежищем сторонников христианской идеологии «старого

времени Ярослава», когда русская церковь пыталась избавиться от византийской зависимости и сохранить оптимистический вариант своего христианства: его либерализм в отношении к язычеству, так называемое «двоеверие».

И опять же из вышеизложенного возникает вопрос: как могли противники зависимости русского христианства от Византии обосноваться, можно сказать, в самой Византии? Ведь Таманский полуостров, а тем более — Керченский, где помещают наши историки княжество Тьмуторокань, с Античных времен находились во владении, или непосредственной зависимости от Византии... Нет, что-то не ладно в нашем историческом «королевстве».

Итак, у нас имеются безупречные источники, утверждающие, что во второй половине XI века существовала Тьмутороканьская епархия. Известны два епископа — Никон Великий и Николай. Был в Тьмуторокани и Пещерный монастырь с монахами. В епархии, естественно, должно быть какое-то количество церквей со священниками и прихожанами, говорящими по-русски, и в большинстве своём они, очевидно, должны быть славянами. Имеются ли следы их поселений в верховьях Донца? И что сообщает об этом наша археология? Ответом на эти вопросы, в какой-то мере, может быть выдержка из статьи С.А. Плетнёвой, напечатанной в журнале «Советская археология» (№ 2, 1990 г.) «Хазарские проблемы в археологии»: «Самым деятельным археологом, изучающим в последние 20 лет памятники салтово-маяцкой культуры верховий Северского Донца, является В.К. Михеев. Именно ему принадлежит одно из наиболее значительных открытий на этой территории: могильников с трупосожжением в урнах, которыми служили обычно салтово-маяцкие сосуды и рядом с которыми нередко помещались так называемые тайнички с оружием, сбруей, боевыми поясами и пр. ... Между тем известно, что В.К. Михеев обнаружил несколько аналогичных могильников на исследуемой им территории верховий Северского Донца. ... Вопросы, возникающие в связи с этими памятниками, не только не решены, но пока многие из них даже по-настоящему не поставлены. Неясны их хронология, этнокультурная принадлежность, социально-экономические отношения внутри этого сообщества, отношения с населением каганата, с центральной властью, с соседями и пр. Далеко не полный перечень возникающих вопросов свидетельствует, по-видимому, прежде всего о том, что В.К. Михеев обнаружил новый этнос, ранее нам не известный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся завершённой

ной картину жизни Северо-Западной Хазарии. Это тема большого проблемного исследования».

Здесь, очевидно, следует пояснить, что значительность открытия В.К. Михеева заключается в том, что культура могильников с трупосожжением и помещением праха в глиняных урнах принадлежит так называемому Черняховскому населению, проживавшему в верховьях Донца во II–IV веках. И урнами в их захоронениях в то время служили их же Черняховские сосуды.

Кстати, эти сосуды свидетельствуют о том, что это население пришло в наши края во II–III веках из южной Польши, из области, так называемой Пшеворской культуры, принадлежащей славянам. Поэтому есть все основания считать население Черняховской культуры верховьев Донца славянским. Захоронения же их с трупосожжением в сосудах салтово-маяцкой культуры свидетельствуют о том, что это население в IV веке, уйдя от готов, вступило в союз с гуннскими племенами, основавшими впоследствии Хазарский каганат.

Об этом историческом событии свидетельствует и письменный источник, он интересно записан готским историком Иорданом в сочинении «О происхождении и деяниях гот»: «Германарих, король гот, хотя, как мы выше сообщили, и был победителем многих племён, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которые в те времена служили ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину, по имени Сунильда, за изменчивый уход от короля её мужа, Германарих, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав её к диким коням и пустив их вскачь. Братья же её, Сар и Амий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечём. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о его несчастье, Баламбер, король гуннов двинулся войной...».

Росомоны — в переводе с германского — люди росы. Это, очевидно, тот самый, как пишет С.А. Плетнёва, «ранее нам не известный» или «неосознанный» этнос Русь. К нашему стыду — утерянный в степях и веках наш «корень». Как его найти, восстановить?.. Как утверждает выше, специалист номер один в этом вопросе — С.А. Плетнёва: «Это тема большого проблемного исследования». Добавим — никем не начатого и даже «неосознанного». А может наши рассуждения и станут толчком к осознанию этого вопроса?.. Его рабочей гипотезой?..

По выражению венгерского поэта Дюлы Ййеша: «Прошлое тоже надо создать. Эпоха становится прошлой, когда она запечатлена... Для

создания на что-то пригодного прошлого иногда нужно больше сил, чем для создания настоящего: всё надо точно расставить по местам. Плохо сгруппированное, неточно запечатлённое прошлое воскресает, возвращается, постоянно мешает человеку. А неопианное время просто не уходит. Оно воцаряется вокруг в виде тумана, оседает в сознании. Оно становится варварским, как тьма до сотворения мира».

Будем надеяться, что туман в нашем сознании, наша «тьма» когда-то всё же станет не варварской, а «Тороканьской».

19.06.1993 г.

P.S. Статья «Тайны земли Бояновой» писалась для краеведческого сборника «Истоки», издание которого было объявлено Белгородским краеведческим музеем в 1992 году. Откровенно говоря, надежды на то, что эта статья будет напечатана, у меня не было: она оказалась слишком велика для сборника. Но я рассчитывал ознакомить со своей гипотезой редколлегию, которая состояла из историков и краеведов, и кого-то, может быть, заинтересовать... Найти поддержку... Поэтому и написал подзаголовок «Приглашение к воссозданию истории княжества Торокань».

Машинописный текст статьи пролежал у редактора сборника Фёдора Петровича Тройно больше года. На мои вопросы о судьбе статьи, он советовал мне отрецензировать её — «ну, хотя бы у моих знакомых московских археологов». Тогда я понял, что ни интереса, ни поддержки мне в редколлегии сборника «Истоки» не найти, и попросил вернуть статью. Но Фёдор Петрович сказал, что статьи у него нет... Она пропала... И подарил мне, вместо неё, свою книгу с автографом. Так что, может быть, моя статья всё-таки кого-то заинтересовала?..

Посылать же статью в Москву на рецензию знакомым археологам у меня резона не было: мнение А.М. Обломского мне было известно, а к А.В. Кропоткину у меня не было доверия. Потенциал его исторических интересов мне известен — «накопать и издать» — не более того.

Здесь, я думаю, уместно привести мои записи хотя бы о начальных временах моего сотрудничества со специалистами-археологами, белгородскими и московскими.

17 апреля 1985 г. Третий день в отпуске. В поле не ходил ни разу: плохое самочувствие, ещё не отдохнул от работы. Сегодня был в Институте у Евгения Николаевича Петренко, куда был приглашён во

время случайной встрече на улице. Прошлогодние черепки мои лежат под столом в ящике, ими действительно никто не занимался. Так что, нести к ним остальные мои «сокровища» не имеет смысла. Договорились об осмотре найденных мною Черняховских поселений. Энтузиазма у него никакого: мало времени. Но, может быть, в воскресенье поедем в Угрим. Договорились уточнить в субботу. В субботу нужно отобрать черепков поинтереснее, и попробовать заинтересовать его, и может кого из студентов исторического факультета.

4 мая 1985 г. Отпуск кончился, 8-го — на работу. 25 апреля состоялся первый выход в поле с Е.Н.Петренко. Трижды ходил в институт, чтобы договориться, как встретиться и куда идти. Договорились встретиться в Долбино — он приедет из Харькова на электричке — и идти в Угрим. Но мне захотелось сначала показать ему курган, который с восточной стороны села и на котором есть керамика. Там застал нас дождь с грозой. Укрылись пленкой. Пока пережидали дождь, он спросил меня, когда я заинтересовался археологией, и рассказал мне о культурах неолита. Курган, возможно, относится к ним. Угрим ему, кажется, понравился, хотя эмоций он не проявлял. Фотографировал, зарисовывал, записывал. Собирали керамику, показал ему курган с предполагаемыми мною захоронениями. Он не согласен. Затем вышли через лес к южным курганам. На одном из них, по рассказам старых угримцев, ещё перед войной стояла каменная «половецкая баба». Е.Н. утверждает, что черняховцы курганы не насыпали. До этого он говорил, что курганы насыпали позже. А какие-то, могли быть насыпаны ещё и в доскифское время. А это всё мне совсем не интересно: мне нужны следы каких-то культур между черняховцами и Русью — IV–X веками. А их почему-то нет...

20 апреля 1986 г. В прошлом году, 25 апреля был единственный выход в поле с Е.Н. Петренко. Дальнейшие мои многочисленные обращения в институт с просьбой осмотреть и паспортизировать найденные мною древние поселения, результатов не дали. И тогда Юрий Николаевич Шмелёв посоветовал мне нанести их на карту Белгородского района, а он отвезёт её в Москву в институт археологии. Что и было сделано. В марте 1986 года ко мне приехал Андрей Михайлович Обломский, осмотрел керамику и сказал, что «это очень интересно. В конце апреля приеду с экспедицией, и будем изучать, паспортизировать».

1 мая 1986 г. В отпуске с 21 апреля. Приехали они в субботу вечером 26 апреля — в день Чернобыльского взрыва. Отвёз я их в Дубо-

вое. Лагерь разбили в посадке и отметили начало полевого археологического сезона. Я ушёл домой пешком в 20.45. Утром к девяти часам пришёл к ним. Их коллектив: археолог кандидат исторических наук Андрей Михайлович Обломский, шофёр Владимир Ильич и рабочие — Сергей и Андрей. В воскресенье 27-го сняли план. Очень интересный факт для меня: на горе, возле разрушенного «Жареного кургана» оказывается — керамика славянская. В 15 часов пошли в Таврово.

А.М. несколько раз указывал мне на характерность местности для Черняховских поселений. Я же подсказал ему, что для данного места главное — дорога и, затопленный теперь прудом, родник. Кажется, подсказку принял и что-то записал. В общем, его не интересуют ни курганы, ни дороги и даже поздние поселения. Съёмку их мы делать не будем. Я ушёл из Таврово в 17.45, шёл напрямик через дубовской сад. Далеко. Устал. В понедельник не работали, они были в городе, я ездил в деревню. Во вторник работали у Бродянского пруда. Остановились на дороге у курганов, я попытался увязать поселения с курганами, а курганы с дорогами, А.М. слушал меня с неохотой. От бродянского пруда поехали в Шагаровку. В 16 ч. я ушёл в Майский на автобус. Вчера, 30 апреля, доделали Шагаровку и переехали в Угрим. Да, оказывается, у бродянского пруда, в вершине, на крайних дачах — тоже участок славянской керамики. Интересно!

В Угриме они будут четыре дня, снимут и спиртзаводское поселение, а в понедельник, 5 мая, встретимся на станции Долбино и поедем в Головино и Болдыревку. Поселения отдавать им мне жалко, но взамен получаю кое-какую информацию. В праздничные дни буду в деревне копать огород. Уезжая из Шагаровки, я повёл А.М. к курганам. Он сначала возражал, что длинная насыпь — курган. Но нашли лепкую керамику и он, как-то смущённо, согласился. Сегодня перечитал статью о длинных курганах и воспрянул духом, ведь это зацепка: датируются «длинные курганы» VI–X веками.

В понедельник нужно будет поговорить об этом с А.М. Обломским.

Тьмуторокань — русская Атлантида

Около десяти лет назад, 8 ноября 1990 года, в одной из областных газет была опубликована моя статья: «Тайна обретения Тьмуторокани». В ней обосновывалась гипотеза о том, что древнерусским городом Тьмуторокань является Крапивенское городище, находящееся в низовье реки Корень (Шебекинский район Белгородской области) и, следовательно, Тьмутороканьское княжество — это земли верховьев Донца.

А размещение Тьмуторокани на Таманском полуострове — это политическая фальсификация древнерусской истории в конце XVIII века екатерининскими вельможами. К сожалению, высказанное мною в этой статье опасение, что не найдётся у нас в России исследователей для этого городища, подтверждается: наша историческая наука за последние годы селекционировала в своих рядах людей удивительно нелюбопытных, довольствующихся, как и прежде, общепринятыми догмами, часто совершенно абсурдными, но, скажем по секрету, «политически верными». И не важно, что в ущерб истине — истории собственного народа... Особенно чувствительный ущерб наносится истории земель верховьев Донца, о котором я и хочу напомнить землякам ещё раз.

Как известно, евангелист Иоанн утверждает, что в начале сотворения мира было слово. Так вот... слово Тьмуторокань было ещё в начале «сотворения» Русского государства. Оно было записано первыми русскими летописцами — один из них тьмутороканьский Никон Великий — в первые русские летописи... Так что ему, как и нашему государству, больше тысячи лет. Правда, только первые пятьсот лет оно употреблялось в его истинном смысле, а остальные пятьсот, вплоть до наших дней — в искажённом. А поскольку «Слово о полку Игореве» — это изложение безымянным патриотом в конце двенадцатого века тьмутороканьского вопроса, актуального его времени, то и оно, это бесценное свидетельство нашей истории, истолковывается неверно в самой своей основе, в своей сути. И обращение автора «Сло-

ва...»: «Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду сего времени, за землю русскую» — призывает к освобождению от половцев очень конкретной русской земли в верховьях бассейна Донца, а не всей русской земли, как это преподносится нам толкователями «Слова...». И вот уже девятый век словами безымянного патриота эта земля взывает к освобождению от обиды сего времени, от исторического поругания. Земля благодатная, не пустыня... А вот господа «глас» не слышат, не до того...

Историк девятнадцатого века М.Т. Каченовский в критической статье на предисловие к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина написал замечательную фразу: «В истории всё то любопытно, что принадлежит к связи происшествий, что служит к объяснению действий и характеров: цель её — доставить нам сведения о том, что было и каким образом было».

Вот с этих трёх предпосылок, а именно: связи происшествий, объяснение действий и характеров, что было и каким образом было — мы и рассмотрим события последней четверти восемнадцатого века. Выясним, каким образом эти события связаны с находкой рукописи «Слова о полку Игореве», и какое отношение они имеют к белгородской земле.

1762–1796 годы — «Золотой век Екатерины». Первое и главное его событие именуется «Турецкая кампания» — успешная война с Турцией, результатом которой явилось овладение причерноморскими землями и черноморскими берегами.

В связи с этим событием Европа стала выражать своё недовольствие приобретениями России. Заметим, времён, когда бы Европа выражала удовольствие по отношению к России, в истории не записано, да и не будет никогда...

Екатерина II, женщина с характером чувствительным и честолюбивым, к тому же далеко не равнодушная к мнению Европы, занялась поисками оправданий действий своего государства. Хотя аргументы, доказывающие справедливость акции России, очевидны: во-первых, народ, живущий на земле, именуемой Восточная Европа, вправе владеть и её морскими берегами; во-вторых, с этих берегов на него не одно столетие совершались разбойные набеги и, в-третьих, у Турции есть берег турецкий и обретаться ей на чужих заморских берегах ни к чему.

Вместо этих убедительных аргументов императрицею и её свитой, состоящей, как и положено, из первоклассных интриганов, была задумана и осуществлена фальсификация истории собственного государства.

И это, второе по значимости, событие «Золотого века Екатерины» должно было бы именоваться в нашей истории «Тьмутороканская Кампания». Но поскольку эта кампания совершалась под покровом государственной тайны, то она и остаётся тайной до сих пор.

А суть её в том, что вельможное окружение царицы, не то, которое штурмовало турецкие крепости, а то, которое было ближе к её покоям, решило оправдать причерноморские завоевания России историческим прецедентом, для чего документально и материально обосновать на полуострове Таманском существование древнерусского княжества Тьмуторокань.

Очевидно, инициаторы авантюры вначале и не подозревали, какую огромную работу им предстоит проделать: нужно было ревизовать государственные архивы и хранилища монастырей на наличие в них древних рукописей, поискать в этих рукописях сведения об истинном местонахождении Тьмуторокани, и, если таковые найдутся, изъять и уничтожить.

Руководил этой тайной компанией дворцовый церемониймейстер граф А.И. Мусин-Пушкин. Работа шла не споро: настоятели монастырей сопротивлялись изъятию рукописей. Приходилось вмешиваться царице, упразднить монастыри и отправлять на пенсию настоятелей. Так был упразднен Спасо-Ярославский монастырь, его архимандрит Иойль Быковский отправлен на пенсию, а интересующие Мусина-Пушкина книги, в их числе Хронограф со «Словом о полку Игореве», были изъяты из его ризницы. Произошло это в 1787 году... Так что, «свет» рукопись «Слова...» увидела лишь через тринадцать лет, после того, как умерли свидетели её приобретения: Иван Болтин, Иван Елагин, Иойль Быковский, Арсений Верещагин, и Екатерина II. Некоторым из них в переселении в Царство Небесное была оказана «помощь». Так, в назидание прочим несогласным, демонстративно был отравлен Иван Никитович Болтин: его смерть ровно через год, день в день была приурочена к смерти его патрона Г.А. Потёмкина.

Можно с большой уверенностью утверждать, что по найденным в монастырях летописям Тьмутороканское княжество было найдено (тому много свидетельств на городище) в его истинном месте. И поэтому возникла необходимость более тщательного поиска и изъятия из хранилищ рукописей, содержащих о нём сведения. Эти изъятия, как и прокатившиеся в те годы по монастырским хранилищам страшные пожары, в нашей истории хорошо известны. А сроки поджигали: кубанские земли давно нужно было заселять.

11 августа 1791 года Екатерина II издаёт указ о назначении А.И. Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода, для удобства сбора в церквях и монастырях всех имеющихся исторических рукописей и о присылке их в Синод: «... летописцы при особых реестрах доставлять на рассмотрение синодальному обер-прокурору и кавалеру и что от него приказано будет, по тому и поступать».

Работа к тому времени была проделана большая: из госархивов были изъяты все карты государства Российского и изготовлена одна — «Чертёж, изображающий часть древней России до нашествия татар», конечно же, с городом Тьмуторокань на Таманском полуострове. Готовилась к напечатанию отредактированная Мусиным-Пушкиным «Книга, большому чертежу», в предисловии к которой редактор написал: «При помощи сия книги, о чём не умедлю я показать, окажется в своём настоящем месте, сие по мнению всех погибшее Тьмутороканское княжение». Шла работа по изготовлению «Тьмутороканского камня». А с уехавшим в действующую армию Г.А. Потемкиным поехал очень надежный подчиненный обер-прокурора Синода — войсковой судья Антон Головатый, и главный противник тьмутороканизации Причерноморья, светлейший князь Потёмкин, который до армии не доедет, умрёт в степи под Яссами 5 октября 1791 года. Войсковой судья будет осыпан большими милостями, станет казачьим атаманом и построит в Тамани, очевидно, в отпущение грехов заговорщиков, церковь Пресвятой Богородицы, которая стоит там по сей день.

В 1794 году будет напечатан «учёный труд» Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местонахождении древнего российского Тьмутороканского княжения». Так была поставлена точка в тьмутороканской загадке, а, в сущности, — жирная клякса, расплзающаяся по сей день по страницам истории нашего Отечества, как ни при-
скорбно...

Как известно, историки восемнадцатого века располагали несколько большим количеством летописей, чем располагают историки современные. И всё же отец русской истории В.Н. Татищев в примечании к «Истории Российской» писал: «О княжении Тьмутороканском в историях русских обстоятельно мест или урочищ не описано... По всем же обстоятельствам видно, что сей град был в княжении Рязанском. Стрыйковский на неких местах кладёт Тьмуторокань, а в других списках тоже Рязань. Святославовым сынам, Ярославу и Святославу, досталась Тьмуторокань, но они писаны князи Рязанские: оное принадлежало ко княжению Черниговскому, к нему же и Муром, как ниже точно сказано».

После Татищева очень серьёзно занимался поиском Тьмуторокани, за что и пострадал, упомянутый выше, И.Н. Болтин. В книге: «Критические замечания на второй том истории князя Щербатова» он пишет: «О местоположении Тьмуторокани мнения различны; но мнение тех, кои полагают где ни есть в пределах Малороссии или по близости оных, всех прочих сходне, потому что оно многими местами из летописей подтверждается. Давид Туровский с Ростиславом Перемышльским, внезапно пришед, Тьмутороканью овладели. Сии события показывают, что Тьмуторокань была где ни есть неподалеку от Днепра; однако ж на восточной его стороне; ибо в летописях стоит, что Олег Тьмутороканьский, возвратясь из Царьграда и нашед во Тьмуторокане князей Туровского и Перемышльского, помирясь с ними, отпустил их за Днепр в их владения».

Ещё один, не стесненный летописными источниками историк восемнадцатого века — Екатерина II в своём историческом труде «Родословник» записала: «Всеволод Ольгович был сын князя Ольга Святославича Тьмутороканского. Он княжил от 1114-го по 1125-й в Тьмутаракане и Рязани; от 1127-го по 1139-й в Чернигове; от 1139-го по 1146 в Киеве». Интересно заметить, что слово «тьмуторокань» императрица пишет по-разному.

В том, что сыновья и внуки Святослава Ярославича Черниговского (в Киеве он княжил с 1073-го по 1076-й год) княжили в Тьмуторокани, Рязани и Муроме, не сомневаются и современные историки.

Возьмем для примера фразу из замечательной книги О.М. Рапова: «Русская церковь в IX — первой половине XII вв.», вышедшей к 1000-летию крещения Руси: «Из письменных источников нам известно: уже во второй половине XI — начале XII вв. в Муроме постоянно княжили сильные князья: Роман Красный, Давид, Олег и Ярослав Святославичи — сыновья великого Киевского князя Святослава Ярославича». Подчеркнём — «постоянно княжили».

Прекрасно... Но братья Роман Красный и Олег «Гореславич» — это одни из героев «Слова о полку Игореве», а там «они писаны князи» Тьмутороканские... Связи между этими фактами О.М. Рапов не рассматривает. Очевидно, в отличие от Каченовского, они ему не любопытны. И не найдёте даже попытки объяснения этих связей во всей нашей несвязной истории: как мог князь княжить одновременно в Рязани и на Таманском полуострове, не имея самолёта или хотя бы радиотелефона?.. А степи между этими географическими пунктами были заняты бесчисленными ордами враждебных кочевников...

Один умный историк как-то заметил, что очень существенная часть истории, к тому же малоизменяемая, — это география. Так вот, согласно исторической географии, в Рязанское княжество входили земли верховьев Дона и Даже Оскола. То есть — земли современной Воронежской области и восток нашей Белгородской области. А рядом, согласно географии, с верховьями Дона находятся земли верховьев Донца. Земля, скажем так, самых активных исторических процессов во все времена: «Ворота Поля», «Белгородская черта», «Огненная дуга». Этому способствовала, опять же, география — пролегающие в направлении север-юг водоразделы.

Хорошо была заселена земля верховьев Донца и в интересующие нас времена — XI–XII века. Археологам здесь известны древнерусские городища: Холки, Крапивенское, Белгородское; и на реке Уды: Карачевка, Хорошево, Водяное. Археологическая культура этих городищ идентична археологической культуре старой Рязани. А по русским летописям, здесь же находились города со смешанным населением: Сугров, Балин, Салтов, Чешуев, Шарукань. Судя по размерам и по расположению в центре, столицей земли был город на реке Корень — Крапивенское городище.

Странное звучание и непонятный смысл слова «Тьмуторокань», а именно так — с мягким знаком и буквами «о» оно пишется в ранних источниках и в «Слове о полку Игореве», приобрело в современном русском языке уничижительный оттенок характеристики местности. В действительности же смысл слова совсем иной, и его этимология, я думаю, для историков никакой тайны не представляет. Состоит оно из двух слов: «тьму» и «торокань». Первое слово позаимствовано из лексикона восточных кочевников, у которых слово «тумен» означало воинское подразделение в десять тысяч воинов. В русском языке «тумен» превратился в «тьму», и означало уже не только счёт — десять тысяч, но и военно-административную единицу — княжество. Из этого следует, что «Тьмуторокань» означает «княжество Торокань» — княжество, где жили торки. А то, что торки — это осевшие на южных границах Руси и вступившие с нею в вассальные отношения племена степных кочевников, сказано и в школьных учебниках истории. К сожалению, в них не сказано, что к оседлости кочевников вынуждало принятие христианства и что на Таманском полуострове торки никогда не жили. А для того, чтобы отыскать Тьмуторокань — а это необычайно интересные страницы нашего края — в отличие от Атлантиды, не требуются ни акваланги ни батискафы, хотя и есть версия, что она утонула в Азовском море.

Но вышеизложенное лишь присказка, а сказка заключается в том, что в XI веке на Руси было два пещерных монастыря. Один основанный монахом Антонием в Киеве. Второй — основанный монахом, а потом епископом и игуменом Никоном великим в Тмуторокани. Мы знаем, что Киевский пещерный монастырь — Киево-Печерская Лавра — это величайший памятник не только истории Руси, но и всего человечества. А вот пещерный монастырь Тмутороканский из поля зрения русской истории исчез. Сооружение должно быть значительное и интересное, но — никаких следов и — никаких поисков...

Заметим, что на Таманском полуострове по причине низменной болотистой местности пещер выкопать нельзя. А следы Тмутороканского пещерного монастыря находятся совсем в другой земле, и пещеры его выкопаны в меловом грунте. Монастырь был тщательно засыпан, захоронен ещё в XIII веке и представляет собой саркофаг русской истории. Память о нём, как и обо всей Тмутороканской земле, из летописей тщательно вычищалась. Что в нём хранится вот уже семь веков?.. То, что в нём спрятана тайна истории нашей белгородской земли — несомненно. А может, пора положить конец сроку хранения этой тайны?.. Передавать её на хранение третьему тысячелетию — значит, выказывать свою ущербность в отношении к собственной истории... К тому же, в России теперь — это самый древний памятник христианства.

Хотелось бы узнать мнение земляков, равнодушных к истории края. Возможно, и кафедра истории Белгородского госуниверситета выскажет своё мнение по этому поводу на страницах областной газеты... Как говорится, «быть или не быть» истории белгородской земли средних веков — «вот в чем вопрос».

*«Вступите же, господа,
В золотые стремени
За обиду сего времени,
За землю Русскую...»*

Июнь 1999 г.

*За родником — белый храм
Кладбище старое,
Этот забытый край
Русь нам оставила.*

(Из песни Ж. Бичевской)

Этот забытый край Русь нам оставила

В Древнем Риме было два вида торжественного вступления полководца-победителя в Рим — это «овации» и «триумф». При овации он вступал пешком или на коне, а при триумфе — в колеснице-квадриге, что считалось особенно почётным. Актавиан Август праздновал тройной триумф 13, 14 и 15 числа восьмого месяца 29 года до н.э. После этого восьмой месяц в Риме стал называться — август. Но если «ликует буйный Рим» — это значит, что кто-то пребывает «во прахе и крови». А эти «кто-то» чаще всего были племена, так называемых, варваров, среди которых были и наши далёкие предки. И вот, может быть, с тех пор на рубежах тысячелетий в августе нам и не везёт.

Не минула нас чаша сия и в августе знаменательного 2000 года от Рождества Христова. Погибла атомная подводная лодка «Курск», а с нею больше ста человек моряков. Но говорить мы будем не о трагедиях произошедших в этом году в августе месяце, а о не многими замеченном, но, по-моему, знаковом происшествии.

В самом начале всё того же августа 2000 года по российскому радио несколько раз передавали сенсационное сообщение. Заключалось оно в том, что на археологических раскопках в Новгороде Великом впервые была найдена деревянная книга, возраст которой — тысяча лет. Прокомментировал это событие и сам академик Валентин Янин, много лет руководивший археологическими раскопками в Новгороде. Он поведал о том, что книга эта состоит из трёх дощечек, покрытых воском, а частично сохранившийся процарапанный на них текст — это текст псалтыри, и что найдены эти дощечки в культурном слое конца X века, и их изготовление можно датировать первыми годами новгородского христианства. В заключение Янин напомнил, что подобные дощечки были известны в Древнем Риме и назывались они там «церь». Академик ничего не сказал о размерах дощечек... И тут же у меня мелькнул вопрос: не совпадают ли они?.. Да, я думаю, что

человек, мало-мальски интересующийся отечественной историей, тут же вспомнил, что нечто подобное уже было явлено «городу и миру», а именно «Влесова книга». Издания её, обошли за три десятка лет континенты Америки, Европы и даже Австралии.

Рис. 4. По утверждению пропагандистов «Влесовой книги» — это, якобы, фотография одной из её дощечек

И вот, едва умолкли дилетантские споры и научные дискуссии, как ответ на вопрос поставленный, например, в статье доктора филологических наук О. Творогова: «Что стоит за «Влесовой книгой»? («Литературная газета», № 29 от 16 июля 1986 г.) и «Как могли уцелеть столь древние дощечки без специальных условий хранения?», теперь получен. Хотя в условиях Новгорода он был известен раньше — и доказано, что в природе могут быть такие условия, при которых дерево сохраняется тысячу лет. Это, во-первых. А во-вторых, что более важно, именно такая письменность — на деревянных дощечках, покрытых воском — на просторах Руси имела место быть. И идея фальсификации возникла не на пустом месте, а где-то эти дощечки были найдены и раньше, примерно в середине XIX века, но при неумелом обращении они, конечно, рассыпались, а впоследствии дали пищу для фантазии фальсификаторов. И такое место находки дощечек с древ-

ней письменностью мы позволим себе предположить и аргументировать на белгородской земле.

Проведенное на западе исследование «Влесовой книги» на компьютере показало, что тексты её составлялись тремя авторами. Против этого не возражают и сами толкователи-популяризаторы «книги». В их сочинениях можно прочесть следующее: «Анализируя тексты, исследователи приходят к заключению, что писали их, по крайней мере, трое различных авторов, которые работали параллельно, что объясняется многочисленными повторами и грамматическими различиями. Создаётся впечатление, что авторы были пожилыми мудрыми людьми, типа дравидов, которых на Руси называли волхвами».

Но в прилагаемом к «Влесовой книге» комментарии-легенде просматриваются только два «волхва» — это, якобы нашедший дощечки, Ф.А. Изенбек и переписчик-расшифровщик дощечек Ю.П. Миролубов. Третий же «волхв» находится в тени, хотя именно он является автором легенды о находке Изенбеком дощечек в усадьбе Задонских в Великом Бурлуке, и вся идея этой авантюры принадлежит, очевидно, ему — нашему земляку, уроженцу слободы Шебекино Борису Александровичу Ребиндеру. И возникла она, как было уже сказано, не на пустом месте, а место это — загадка русской истории Крапивенское городище.

Есть ли какая зацепка, чтобы предполагать, что в середине XIX века на Крапивенском городище были найдены «дощечки»? Ну, во-первых, здесь было найдено «писало», о чём мы поговорим ниже, а во-вторых, есть интересное совпадение в описании «дощечек» в книге популяризатора «Влесовой книги» Сергея Лесного с информацией В. Янина. В книге «Русь, откуда ты?» С. Лесной пишет: «Что представляют собой „дощечки Изенбека“? На вопрос автора этих строк Ю.П. Миролубов в письме от 11.11.1957 г. ответил следующее (дается в извлечении): „Первые «дощечки» я видел вот при каких обстоятельствах в двадцать пятом году. Встретились мы с Изенбеком у церкви на р. Шевалье в Брюсселе, и он пригласил меня к себе в ателье посмотреть картины... Я заговорил о том, что мы живём за границей, и что нет у нас под рукой никаких источников, а что мне нужен «язык эпохи», что я хотел бы писать эпическую поэму о «Святославе Хоробром», но ничего нигде не могу о нём даже приблизительно похожего на упоминание найти!..

— А зачем тебе «язык эпохи», — спросил он.

— Как же, ты пишешь, тебе нужны мотивы орнаментов Туркестана, а мне нужен «язык эпохи».

— А что тебе именно нужно?

— Ну, хотя бы какие-либо хроники того времени, или близко того... Здесь даже летописей нет!

— Вон там, в углу видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть...

Так началась моя работа. В мешке я нашел «дошки», связанные ремнём, пропущенным в отверстия (два, как на фотографии «Влескниги»), посмотрел на них и онемел!..»

Вот о таких же двух отверстиях в дощечках и о предполагаемых ремнях, которыми они, очевидно, связывались, говорил и академик Валентин Янин, когда рассказывал о находке.

Интересная «зацепка», хотя фальсификаторы могли видеть и римские «щеры» в музеях Европы... Но совпадает ли их форма с древнерусскими?..

В вышеупомянутой статье О. Творогова мы находим такую характеристику «Влесовой книги»: «Перед нами сочинение крайне примитивное, свидетельствующее не только об ограниченности знаний его создателя, но и об отсутствии у него чисто литературной фантазии: не случайно мы встречаемся с постоянными обращениями к одним и тем же коллизиям, к одним и тем же именам, не случайно „Влесова книга“, претендующая на описание событий за восемнадцать веков, упоминает лишь два десятка имен, почти лишена географических ориентиров, в ней отсутствуют какие-либо детали в описании быта, походов, жизни царей и князей».

А академик Д.С. Лихачёв в «Книге беспокойств», в статье «Предварительные итоги тысячелетнего опыта», на вопрос корреспондента журнала «Огонёк»: «А могла ли существовать русская дохристианская литература? И что вы думаете о „Влесовой книге“?» отвечает: «Это подделка. Ясно, и когда, и как появилась эта примитивная фальсификация, и почему она становится популярна в белоэмигрантской среде. „Влесова книга“ — это неинтересно. Давайте о чём-нибудь настоящем...!»

Вот так... Академику всё ясно и неинтересно... Но, как говорится, богу — богово, а кесарю — кесарево. И нам — некоторым «кесарям» Белгородской земли — не всё ясно и неинтересно. Тем более, что касается это истории нашего родного края.

В Шебекинском краеведческом музее хранится подарок ныне покойного Бориса Ребиндера — это изданная во Франции «Влесова книга» с его личными обстоятельными комментариями, и его же исторический труд — «Жизнь славян по „Влесовой книге“». Так вот, даже

беглое знакомство с этими историческими трудами — без исследования на компьютере — выдаёт причастность Бориса Ребиндера к сочинителям «сенсации века». Но вот упреки исследователей «книжки», что она «почти лишена географических ориентиров» не совсем верны: кое-какие географические ориентиры есть... но они засекречены.

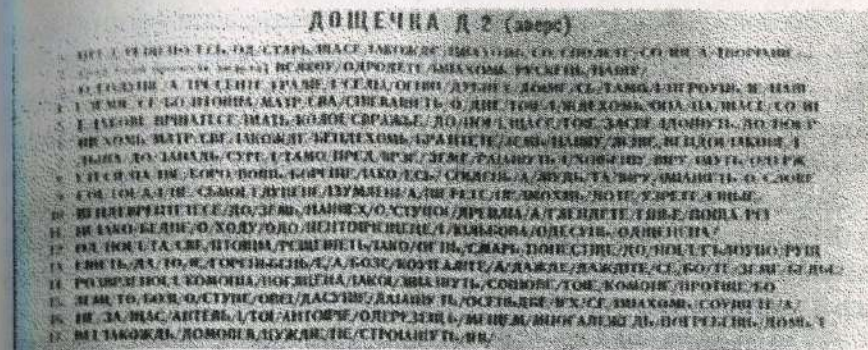

Рис. 5. Дощечка Д 2 (аверс)

Вот, например, ДОЩЕЧКА Д 2 (аверс), строки 10 и 11 переводятся Б. Ребиндером так: «ВЕНДЫ, воротитесь в земли наши в бывшие степи и поглядите на вспаханные поля какими они были до отхода нашего из Пятиречья». К этой фразе у него есть следующее примечание № 9: «Для Лазаревича ПЯТИРЕЧЬЕ должно быть ПЭНДЖАБ в Индии. Почему нельзя определить пять рек в славянских землях? — Какие реки?». Вот тут, как говорится, «не вынесла душа поэта»... Ведь это его родные реки... Борис Ребиндер прекрасно помнит географию своей родины, он в подробностях описывает дороги, имение своё и соседей, но это всё к югу от Шебекино. Он помнит, конечно, реки верховьев Донца похожие на пять пальцев правой руки — это реки: Донец, Разумная, Корень, Короча и на месте большого пальца — Нежеголь. А предложение о «вендах» можно прочесть и так: Ребиндеры, воротитесь в земли наши и поглядите на вспаханные поля, такими ли они были до отхода нашего из Пятиречья? Но тайна, есть тайна... Причём тайна государственная, переросшая в тайну семейную: приходится сочинять «дощечки» и ставить вопросительные знаки.

А началась она, эта тайна, давно: более двухсот лет тому назад. 24 августа 1785 года в походную канцелярию Г.А. Потёмкина был представлен отчёт академика П.С. Палласа о его исследованиях в предыдущем году, поименованный: «Разные замечания, касательно до ост-

рова Тамана». В этом отчёте П.С. Паллас пишет: «Город Темрюк лежит посреди болот и камышей кои оттуда до самого Ачуева простираются на небольшой площадке земли, и судя по малой его обширности и по малому пространству земли вокруг его находящейся, на коей нет никаких признаков от древних развалин, нельзя полагать, чтоб тут стоял пред сим древний „Тмутаракань“».

Этот документ мы приводим для иллюстрации того факта, что в 80-х годах XVIII столетия в России на государственном уровне секретно проводились поиски загадочного (по сию пору) летописного княжества Тьмуторокань с его одноимённым городом. Искали на земле, искали в церковных и монастырских архивах. Но искали не для торжества истины, а для её сокрытия. Финалом этих поисков был указ Екатерины II от 11 августа (опять август) 1791 года о сборе в церквах и монастырях всех исторических рукописей и о присылке их в Синод.

В результате этой ревизии какая-то часть исторических рукописей, в их числе «Слово о полку Игореве», бесследно исчезла. Городище Тьмуторокани на реке Корень было засажено лесом. Именно в 1785 году его земля, очевидно, с определённой целью, была приобретена князьями Барятинскими. Вернее — екатерининским завхозом Фёдором Сергеевичем Барятинским, который принимал активное участие в возведении на престол Екатерины II, и на всём протяжении её царствования находился в её свите в должности Гофмаршала: заведующего дворцовым хозяйством. А в его подчинении находился граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин в должности церемонимейстера. Но основной «церемонией» всей жизни графа — разумеется, по указке свыше — был поиск, а вернее, сокрытие местонахождения древнерусского княжества Тьмуторокань. Правда, ещё помогала ему в этом очень серьёзная тайная организация того времени — высший масонский орган «Капитул Феникса», куда входила значительная часть, претендующей на учёность, знати России.

С 1836 года земли слободы Шебекина стали владениями Алексея Максимовича Ребиндера. Знали ли Ребиндеры о засекреченном городище в их землях? Несомненно, знали: об этом свидетельствует умалчивание их об археологических находках на городище в их имении.

Да и сочинения правнука Алексея Максимовича Ребиндера — Бориса Александровича — это косвенно подтверждают.

И всё же, очевидно, зная — а скорее всего в их обязанность входило охранять тайну городища — они открыли на его южном склоне меловой карьер. Хотя не исключено, что карьер был открыт для того,

чтобы уничтожить на меловом склоне известные местным жителям «турецкие погреба». Это были, выкопанные в материковом мелу глубокие пещеры с покоящимися в некоторых из них человеческими останками. При останках находились и какие-то вещи... А среди этих вещей и были те самые дощечки — «церы». Остатки этих пещер, как и человеческие останки можно найти на городище и сейчас.

А при пробных раскопках на городище в 1995 году археологом А.Г. Дьяченко было найдено «писало» — металлический стержень для писания на бересте, а так же, как теперь стало известно, и на дощечках покрытых воском — такое же, какие находят и в Новгороде.

Борис Ребиндер родился в 1909 году. Родители, очевидно, поведали ему старинную тайну городища, и он всю жизнь хотел о ней рассказать, и рассказал, но получилась «Влесова книга» и «Жизнь славян по „Влесовой книге“» — загадки века. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Для знакомства с сочинением Б. Ребиндера «Жизнь славян...» приведём несколько отрывков: «Когда советские ученые проводят археологические раскопки в районе Новочеркасска — говорят, они находят груды мраморных обломков. Среди греческих надписей на них были и славянские. Это доказывает, что в городе Танаисе длительное время проживали славяне, именовавшие себя русичами».

Б. Ребиндер употребил глагол «говорят» потому, что в том, что пишут советские археологи о раскопках на городище Танаиса, о славянских надписях не сообщается.

Далее он пишет: «Так в этом городе были найдены подземные помещения с тайными ходами, в которых могли поместиться 60 человек. В этих подземных храмах были алтари, посвященные Всевышнему Богу. Всё это заставляет меня думать, что Иисус Христос мог прийти к славянам южной Руси и найти там духовный климат, подходящий для того, чему он нас учил».

Никаких пещер и подземных храмов археологами в Танаисе также обнаружено не было. Можно полагать, что на исторические и духовные искания Б. Ребиндера подвигла всё та же тайна городища в его бывшем имении. И, я думаю, боязнь того, что тайна эта не будет раскрыта и канет в вечность. Это подтверждают такие строки его сочинения: «Но я напоминаю вам, что Верховная Троица наблюдает за тем, чтобы истина никогда не была стерта полностью ложью и для этого она посылает нам „Влесову книгу“, чтобы у нас была возможность изучать Истину».

Да... но очень трудно изучать Истину по этим сочинениям... Как искать чёрную кошку в темной комнате, к тому же, когда её там нет... И всё же, когда подумаешь, что всё это сочинялось людьми, изгнанными с родины... Начинаешь её, эту Истину, искать, и оказывается, что она, Истина, в этих сочинениях есть — это попытка разгадать, а точнее, угадать тайну Руси. Угадать и уверовать... Может в пику исторической науке их бывшей родины, которая, как известно, в этом вопросе давно и безнадежно разводит руками...

И если наши предположения о находке «дощечек» на Крапивенском городище за 150 лет до находки их в Новгороде, хотя бы гипотетически допустимы, то Русь нужно искать в бассейне Донца в наших краях. И верить словам песни: «Этот забытый край Русь нам оставила».

Но кто же они, «дравиды-волхвы», сочинившие «сенсацию века» «Влесову книгу»? Борис Ребиндер в своих сочинениях приводит некоторые сведения их биографий. Он пишет: «Юрий Мироллобов учился в Чехословакии и получил диплом инженера-химика». О своём личном знакомстве с Ю. Мироллобовым он почему-то умалчивает. Хотя они — Б. Ребиндер и Ю. Мироллобов (как пишет С. Лесной) учились в Пражском университете на химическом факультете в одно и то же время — в первой половине двадцатых годов прошлого века. Родом Ю. Любомиров из Харьковской губернии, можно сказать земляк. Заметим, что старший брат Бориса Александр Ребиндер был губернатором Харьковской губернии. В Бельгии Ю. Мироллобов прожил, расшифровывая «дощечки», тридцать лет. В Америку уехал в 1954 году, где даже стал редактором эмигрантского журнала «Жар-птица», где и печатал «сенсационные статьи» о «дощечках» «Влесовой книги».

Об Изенбеке Б. Ребиндер, после замечания: «всё, что касается полковника Изенбека, я нашёл в книге Парамонова», даёт такие сведения: «Нужно сказать, что полковник Изенбек был несколько странным человеком. Его звали Фёдор Артурович, но он называл себя Али, так как считал себя мусульманином. Его отец был морским офицером Российской армии».

Окончив морской корпус, Изенбек поступил в Академию художеств и работал в Туркестане, где изучал искусство этого края. Как это часто бывает с людьми искусства, он не пренебрегал выпивкой, т.е. часто бывал в невменяемом состоянии! Он сохранил драгоценные таблички и никому их не показывал».

Да, действительно странный человек: мусульманин, а пьяница?.. Сергей Лесной пишет, что Изенбек несколько раз участвовал в архео-

логических экспедициях в Среднюю Азию. А это значит, что он был в какой-то степени знаком с археологией. И вдруг — по его же определению — очень ценные и очень хрупкие «дощечки» побросал в мешок и таскал по Европе, бросая из угла в угол... Что-то тут не вяжется...

Но по нашей версии — это если «дощечки» были найдены на Крапивенском городище — Изенбек, точнее его предки, каким-то образом должны были соприкоснуться с этим городищем?.. Когда и как?.. Это неизвестно...

Хотя маленькая зацепка есть... ну, очень маленькая... Она такая: овладевшая слободой Шебекино Екатерина Петровна Барятинская имела девичью фамилию Гольштейн-бек. А не является ли Изенбек потомком рода этих странных «беков»?.. И его фамилию нужно писать тоже с дефисом: Изен-бек?.. А, скорее всего, судя по фамилиям, это вовсе не тюркский «бек», а обрусевший английский «бэк». И грамотным «волхвам» это известно, но разоблачать «бека» им не выгодно, а выгодно напустить побольше тумана, мути... ну, и ловить рыбу. Что они и делают всей своей эмигрантской братией.

Возможно, что и археологические увлечения у Изен-бэка наследственные, от предков, которые и нашли эти несчастные «дощечки» на городище, предположим, будучи в гостях у родственницы?.. А может они и хозяйничали здесь?.. Ведь сама то владелица жила в Петербурге? И потому получается, что «дощечки» могли быть найдены ещё в конце XVIII века.

Остаётся сказать несколько слов ещё об одном нашем земляке из этой братии — Сергее Лесном. Как пишет Б. Ребиндер, после публикации в «Жар-птице», очень мало кто из русских заинтересовался этой публикацией. Но среди них (эмигрантов) был профессор биологии Парамонов — именно тот человек, который был необходим для популяризации трудов о «Влесовой книге». Труды свои энтомолог Сергей Парамонов публиковал под псевдонимом Сергей Лесной. Он был харьковчанином и поздним эмигрантом: бежал из Харькова с немецкой армией в августе 1943 года. Но, оказывается, как ни странно, был патриотом, знатоком русской, хотя и фальшивой, истории... Кто — предатель, а кто — патриот русской земли?.. В настоящее время мы окончательно запутались... Очень много загадок Русь нам оставила, а мы добавим своих.

24.10.2000 г.

Идейная противоположность, которая до нас не дошла

Заголовок этой статьи я позаимствовал из интересной вводной главы доктора исторических наук А.Г. Кузьмина к книге «Златоструй» (М., 1990) Полностью этот пассаж звучит так: «Дошедшие до нас материалы характеризуют давние эпохи лишь отчасти, и полнокровяные картины могут восстанавливаться только с привлечением всей совокупности данных. В этом деле восстановления не последнее место для исследования занимает сама горячность древних авторов в проведении какой-нибудь идеи — значит, обязательно существовала некая идейная противоположность, которая до нас не дошла».

Если с этих позиций посмотреть на русскую историю домонгольского периода, то самым горячим в плане борьбы идейных противоположностей окажется XI век. А в течение всего этого века идейной противоположностью Киеву была какая-то странная Тмуторокань... Вызывающая теперь у обывателя ассоциации с тьмою и тараканами...

Какие же вековые тайны русской истории могут нам раскрыть подземелья Тмутороканьского (Крапивенского) монастыря?

Тмуторокань — это княжество с одноименным городом, в котором, по летописным сведениям, был пещерный монастырь. Этот Тмутороканьский монастырь и есть та «идейная противоположность, которая до нас не дошла». Но некоторые, «недошедшие до нас его идеи», мы дерзнем предположить. Если Тмутороканьский монастырь находился на реке Корень, следовательно, и назывался он Коренной монастырь. Он был покинут монахами в конце XIII века. В девяностые годы XIII века на Руси происходили восстания русских людей против баскаков, ханских послов и сборщиков дани, что навлекало на непокорные земли карательные походы монголо-татар. Такой поход, возможно, и был совершён на земли верховьев Донца, в результате которого, остатки населения и монахи монастыря ушли на север, в Курские земли, где существовало княжеское управление.

Наименование своего монастыря, основанного Никоном Великим — «Коренной», монахам нужно было сохранить.

И вот, по преданию, в 1295 году один рыльский житель нашёл на корне старого дерева образ Богоматери. И там — на живописном обрывистом берегу реки Тускарь в меловых утёсах были вырыты пещеры новой Коренной пустыни. А через триста лет, в 1597 году был построен монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. А те

перь этот «Образ Богоматери» находится аж в Америке, и там для него тоже построен Коренной монастырь. Интересно было бы разгадать тайну этого «Образа».

Тайна крапивенского монастыря вторая: где-то там, в подземном некрополе покоятся останки двух русских князей: Ростислава Владимировича и Романа Святославича — внуков Ярослава Мудрого, князей Тмутороканьских.

Тайна крапивенского монастыря третья: вот уже девять веков на Руси живёт предание о где-то спрятанной библиотеке Ярослава Мудрого. В этой библиотеке находятся письменные источники, содержащие сведения о «Ярославовом времени», — особом, нам неизвестном течении в русском христианстве до второй половины XI века. Ещё в «библиотеке Ярослава» должны быть автографы Никона Великого и автографы светских произведений Бояна Вещего. Одно из произведений Бояна, по предположению писателя-историка А.Л. Никитина, являлось предшественником «Слова о полку Игореве» и называлось: «Слово о полку Романове, Романа сына Святославля, внука Ольгова».

На чём же основываются наши предположения? А на следующих исторических аргументах и фактах. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 году в молодом русском христианстве обострилась борьба «идейных противоположностей». Настроенная провизантийски часть Киево-Печерских монахов, поддерживаемая великим князем Изяславом, одержала верх. Часть монахов, сторонников канонов христианства «Ярославова времени», во главе с монахом летописцем Никоном Великим удалась в Тмуторокань. Это событие отмечается нашей церковью 5 апреля. В летописях отмечена дата их ухода — 2 февраля 1061 года.

В 1078 году в битве на «Нежатиной ниве» (возле современного города Нежина) с Тмутороканьскими князьями Олегом и Романом Святославичами был убит великий князь Изяслав Ярославич. И в Киево-Печерской лавре братья-монахи сместили прежнего игумена Стефана и избрали Печерским игуменом Тмутороканьского епископа Никона Великого. И Никон, после 17-летнего Тмутороканьского епископства, возвратился в Киев. А на его место был назначен епископом Николай.

Как установили наши историки, в Тмуторокани Никоном был написан летописный свод. По мнению Д.С. Лихачёва, Никон первым ввёл в летописание записи по годам, придал летописи ту форму, которая стала для неё традиционной. Выходит, что русское летописание

«изобретено» в наших краях. Всё это указывает на то, что в Тьмуторокань Никон пришёл не с пустыми руками, а привёз с собой для составления летописного свода, очевидно, всю литературу «Ярославова времени», ибо ей со стороны провизантийцев, учредителей Студийского устава, угрожало уничтожение. И очень вероятно, что в подземелье ещё что-то может сохраниться.

В трудах наших историков (И.В. Дубов, «Начало отечества») мы находим самые лестные характеристики личности Никона Великого и его летописного свода: «Автором его (летописного свода) был Печерский монах Никон, прозванный за ум, истовость и твёрдую волю Великим. Терпеливое собирательство фактов русской истории, чтение и толкование древних книг, хорошее знание политических течений того времени помогли Никону создать новый летописный свод, объявляющий уже не только киевские дела и то, что происходило в киевской округе, но и всю Русь.

Начавшееся дробление Руси вызывало в Никоне яркий и неукротимый протест, поэтому он сделал главной идеей своего повествования идею единства Руси. Она, как точный камертон, звучит в талантливых рассказах этого летописца. Свод Никона не сохранился. Он частично восстановлен учёными по кускам, вошедшим в более поздние летописи».

Мы знаем, что камертон единства Руси так же неукротимо и страстно звучит и в «Слове о полку Игореве». Значит, что он так же звучал и в произведении о Романе Красном, написанном — по убедительным аргументам А.Л. Никитина — Тьмутороканским поэтом-певцом Бояном за столетие до написания «Слова о полку Игореве». Получается, что во второй половине XI века в Тьмуторокани одновременно жили два русских гения — летописец Никон Великий и поэт-певец Боян Вещий... Естественно возникает вопрос: а не один ли это человек?... В монашестве он Никон, а в миру Боян... Очень может быть... Но это предположение указывает на то, что в «Ярославово время» на Руси монахи играли на гусях и пели патристические предания на исторические темы, воодушевляя и объединяя народ. Этот обычай был заимствован Русью у варягов. А двор Ярослава Мудрого имел тесные связи со Швецией, в которой певцы-скальды пользовались огромным почётом.

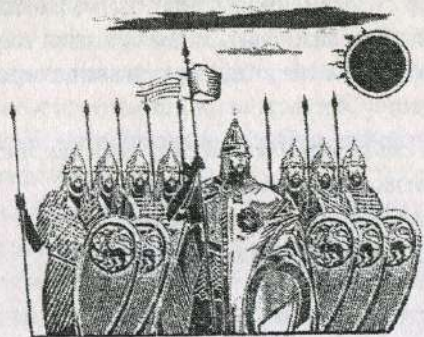
По византийским канонам монахи могли петь только церковные тексты. Отголоски борьбы этих «идейных противоположностей» имеются в летописях, особенно — в Киево-Печерском патерике. И очень убедительно мы это видим в самом начале, в заповке «Слова о полку

Игореве», где автор с сожалением говорит, что в отличие от «сего времени» Бояну было легче выражать свои чувства: ему струны помогали. И ведь это о нём, о певце «Ярославова времени», написал М.Ю. Лермонтов:

*Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вичевой
Во дни торжеств и бед народных.*

15.06.2001 г.

*Статья опубликована
в шебекинской газете «Красное знамя» в августе 2001 года.*

Комментарий к схеме: Поход — «За землю Русскую» (Белгородская версия)

Вместо предисловия

5 января 1989 г. В последнюю субботу ноября был в Пединституте на отчётном собрании об археологических раскопках. Показывали фильм о раскопках в Занках и на Чёрном море. А.Г. в прошлом году предложил мне напечатать мою схему похода князя Игоря. Написать комментарий к ней, как можно побольше, страниц двадцать машинописных.

В начале декабря я отнёс ему 12 страниц. Он похвалил за количество. Вчера, 4 января, я пошёл к нему, чтобы узнать его мнение о написанном. Он похвалил, но сказал, что для публикации в научном сборнике, по причине ненаучного стиля изложения, она не годится. Посоветовал переделать для газеты — сократить до 4 страниц. Забавно... Похоже он хотел узнать, что я могу написать, потому что предложил написать как можно побольше. Ну, ничего... Переделаем для газеты.

1

Наша схема и комментарий к ней предполагают убедить читателя, любителя древнерусской истории, что поход князя Игоря был принят всё-таки «за землю русскую», а не с целью грабежа. И аргументировано доказать, что целью похода потомков Черниговских кня

зей в 1185 году было предотвращение вторжения половцев на летние кочевья в русские земли в бассейнах рек верховьев Донца. Таким образом, этот поход, в нашем представлении, следует считать патриотическим походом за освобождение конкретной древнерусской земли в бассейне Дона великого (его притока Донца), что и явилось следствием создания бессмертного произведения древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве».

Указания же летописцев (и наших современников) на «честолюбивый», «корыстный», «завистливый» и даже «алчный» замысел похода считаем неверным, поскольку летописи были написаны тенденциозными летописцами Мономаховичей и безоговорочно приняты нашей историографией.

Земля верховьев бассейна Донца (бассейн Дона великого) нуждается в серьёзных археологических исследованиях на предмет выявления связи, или преемственности культуры Черняховского периода со славяно-русской культурой. А пока мы лишь предполагаем, что земля верховьев бассейна Донца, от пограничной реки Мжа (Межа), с языческих времён была русской. Как и Новгород, народы этой земли проявляли склонность к независимости. При княжении здесь Мстислава Владимировича в 988–1023 годах, особенно после смерти его отца великого князя Владимира в 1015 году, земля эта, со всем левобережьем более двадцати лет была независимым княжеством, и даже довела над Киевом. Очевидно, не в полной мере владел ею и Ярослав Мудрый, так как находилась она под сильным греко-варяжским влиянием. И печенежский поход на Киев после смерти Мстислава был организован, скорее всего, привилегированной верхушкой этой земли. Кроме того, можно предположить, что населением именно этой земли было принято христианство более чем за сто лет до официального крещения Руси — так называемое Фотиево крещение. И только после крещения семьи великого князя Владимира здесь был принят на княжение в 988 году его, малолетний в ту пору, сын Мстислав.

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 году эта земля попала в надел Черниговского княжества. В 1068 году, во время краткосрочного княжения в Киеве Всеслава Полоцкого и при его активном содействии, Черниговский князь Святослав Ярославич заключил с половцами мир и разрешил им приходить на летние кочевья в верховья Донца — очевидно, это были безлесные земли между Осколом и Корочей. Взамен Святослав получил от Всеслава в княжение Новгород, где был посажен на княжение его сын Глеб. Половцы пользовались этим разрешением более ста лет и о дозволенных границах, конечно же, забыли. В резуль-

тате чего славянское население в этих местах сильно поредело, а так как через бассейн Дона проходили основные сухопутные торговые пути, то создавались серьёзные трудности в торговле Руси с Причерноморьем и с Крымом. Аргументировать вышесказанное можно отрывком из летописи. Великий князь Мстислав Изяславич в 1168 году, в 100-летие половецкого засилья, обратился к князьям:

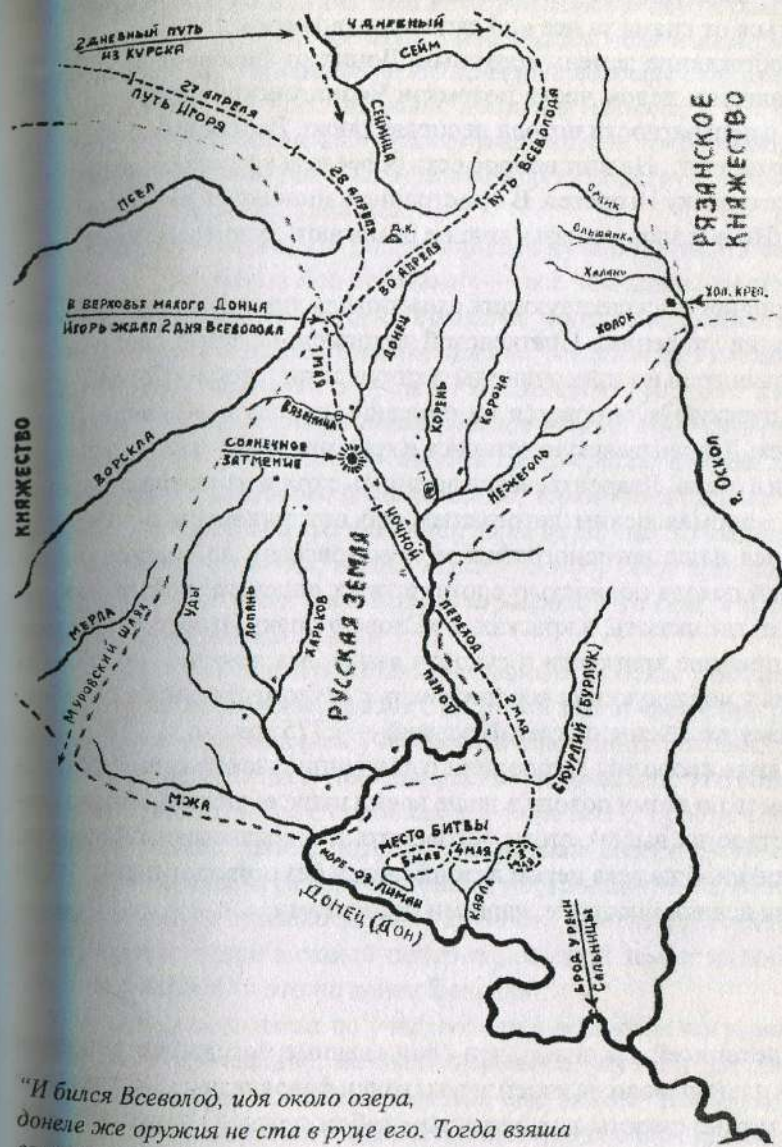
«Братье! Пожалуйте о Русской земли и о своей отцине и дедине, оже (половцы) несуть хрестьяны на всяко лето у веже свои... а же у нас и гречский путь изьотнимають и солоный и залозный. А лепо ны было, братье... поискати отец своих и дед своих пути и своей чести!»

Какую Русскую землю призывает братьев пожалеть великий князь (умер в 1170 г.), — правнук Владимира Мономаха? По «греческому пути» (Муравской дороге) и путям «отец своих и дед» можно без труда узнать «портрет» земли верховьев Дона (Дона Великого). А в этом призыве Изяслава к братьям-князьям слышится упрёк в плохой защите Русской земли князьями Ольговичами, которым эта земля принадлежала. Но чувствовали свою ответственность за неё, как землю общих предков, и Мономаховичи.

Ведь когда-то Русской землёй к востоку от Днепра владел Мстислав Владимирович Храбрый, а потом общий предок князей Мономаховичей и Ольговичей — Ярослав Владимирович Мудрый. Восточные земли в бассейне Днепра — Ярославское княжество — он завещал своему младшему сыну Всеволоду, а земли в бассейне Дона — княжество Тмуторокань — Святославу.

Потомки византийского зятя Всеволода Ярославича свою землю — Переяславское княжество защищали хорошо. А земли Святослава Ярославича — Тмутороканьскому княжеству не везло с первых лет её надела, с первых её князей: Глеба Святославича, Ростислава Владимировича, Романа Святославича и Олега Святославича: первые трое были убиты, а четвертый, по эпитету летописцев, — Олег Гориславич. А эти невезения — всего лишь результат, начатых Всеволодом и продолженных его потомками со своими византийскими сватами. «Византийских игр».

С 1125 года в Тмуторокани постоянного присутствия князя не было. Земля охранялась лишь набегами дружин Северских князей. К их числу принадлежит и поход Игоря в 1185 году. И вот в наше время, вдобавок ко всем бедам Русской земли в верховьях Дона, наши историки умудрились переместить Тмутороканьское княжество в Предкавказье на Таманский полуостров. Но, по поводу этой «мудрости»

«И бился Всеволод, идя около озера, донеле же оружия не ста в руке его. Тогда взяша его половцы и дружину разобраша. И тако кончился полк той во вторую седмицу Пасхи».

В.Н. Татищев «История Российская»

Пасха в 1185 году была 21 апреля.

Рис. 6. Белгородский вариант историко-географической реконструкции похода князя Игоря на половцев в 1185 году. Автор А.Д. Жучков

можно с уверенностью утверждать, что нашей исторической науке не избавиться от срама за неё «до скончания времен».

Освобождение земель верховьев Донца от половецких кочевий было долгом и делом чести потомков Черниговских князей, и упрекать их в сепаратности похода несправедливо. Да и пошли бы с ними мономаховичи?.. На этот вопрос есть более чем красноречивый ответ в «Слове о полку Игореве». В пространном монологе Святослава есть слова: «Но вот зло — князья мне не помогают: худо времена обернулись».

В отличие от существующих схем похода князя Игоря, основывающихся на сведениях Ипатьевской летописи, которые, как считает автор, значительно присочинены летописцами, схема «Поход — „за землю русскую“» опирается на описание похода в «Слове о полку Игореве», Лаврентьевскую летопись и традиционные «извечные» пути походов в степь. Лаврентьевская летопись, хотя и написана тенденциозным мономаховским летописцем (по историческим обстоятельствам, вся наша историография мономаховская), но краткое описание в ней похода полностью соответствует динамике похода изображённого, так сказать, в красках, в «Слове о полку Игореве». Очевидно, по причине краткости и сухости языка, эта летопись не вызвала желания у последующих переписчиков к «художественной» обработке. К тому же её список самый ранний — 1375 год.

Уж коль скоро мы заговорили о тенденциозности нашей историографии (а по этому поводу в наше время наше общество, можно сказать, встало на дыбы), стоит поговорить и о средневековой морали, запечатлённой на века пером летописцев, и без оговорок поднятых на щит, как великие подвиги, нашими историками.

2

Из летописей мы знаем, что свои славные походы в степь наши предки планировали на конец зимы: конец февраля, март. Когда зимующие, можно сказать, под открытым небом половцы и их скот были, что называется, чуть живы. В это время они подходили к границам лесостепи, в надежде найти на поймах, ещё замерзших рек, камыши да осоку для голодающего скота, а себе дрова для обогрева. Посылали к русским князьям послов с просьбами о мире и пощаде, но безрезультатно. Именно тогда на откормленных конях и отправлялись в степь русские богатыри за добычей, «руку правую потешить». Приведём несколько отрывков из летописей:

«И пришед к реке Хрею, тоя ночи ученилось тепло и дождь великий, от которого в реке вода так умножилась, что невозможно было перейти к везсам половецким. Но которые половцы остались на сей стороне реки, тех всех, захватя, побили и пленили, а от ушедших пленников (попавших в плен позже) уведомились, что тогда, сим нечаянным разлитием рек и нашествием русских бегучи, половцы многие с конями и скоты утонули...».

Про себя отметим, что под половцами нужно понимать ещё детей, женщин, стариков, а под «скотами» — всё чем жили эти люди.

«Кончак, видя свои войска бежасчи, ушел сам, пробився сквозь полки русские. Но войско, бывшее при нем, всё погибло и пленено. Обоз же его, кони, верблюды и оружиа множество русскими взято, Но Святослав и Рюрик отправили за ними в погоню 6000 с Кунтувдеем. Токмо оной не мог догнать, понеже снега сошли, а земля мерзла и следа ночью познать было невозможно; токмо тех брали и побивали, которые для ран и худобы коней уйти не могли. По окончании сея победы князь собрався, воздали хвалу господу богу, возвратились в дома. Сия победа от бога дарована марта 1-го дня, и Святослав пришел в Киев марта 22-го».

Вот такие, с божьей помощью, «славные» победы. Как свидетельствуют те же летописцы, князья Северной земли часто, под разными предлогами, отказывались участвовать в весенних походах, за что и накликали на себя гнев мономаховских летописцев. Их обвиняли в предательстве, сговоре с половцами, а чаще всего, просто в зависти к трофеям и славе князей, потомков Мономаха. Именно этим и объясняется летописцами (и современными историками) цель похода князя Игоря: якобы от зависти, даже алчности, потеряв рассудок, повёл он северские полки в самый центр половецкой земли за добычей... Но конец апреля — это не конец февраля!..

Да, северские князья не участвовали в весеннем погроме половцев и потому, очевидно, не были перебиты, уцелели пленники. Но поход, конечно же, готовился заранее, ещё зимой. Сговор охватывал все города Черниговского княжества. Конфликт с половцами «за землю русскую» существовал, и очень давний.

Как сообщает нам в своей «Истории Российской» В.Н. Татищев: в феврале Кончак «послал в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу посла своего якобы для учинения мира. Ярослав не ведая лести тоя, послал к Кончаку боярина своего Ольстина Олексича». Но переговоры, на которых, возможно, могла решиться миром судьба земель Донца, не суждено было осуществиться: войска Кончака были раз-

громлены великими киевскими князьями, и сам он едва ушёл. Возможно, почувствовав слабость половцев, Северские войска и решили предстать пред ними, как теперь говорят, с позиции силы, и преградить им дорогу в верховья Донца. Но просчитались. Как пишет летописец: «А не сведуще божья строенья».

Да, не знали Игорева воины божьего настроения на тот момент, тем более, не знали, как оценят потомки их поход, что воздадут они хвалу и славу безымянному автору поэмы, воспевшему их поход, который охарактеризуют как «незадачливый поход заурядного князька с целью грабежа». Ну, а автор «Слова о полку Игорева» был-де великий мастер из ничего творить бессмертные произведения... Жаль мастера... Но, как сказано у поэта: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся».

3

Заметим ещё раз: цель похода была сугубо патриотическая. Вопрос о земле верховьев Донца висел в воздухе над Русью много лет. Об этом говорит вышеприведенное обращение Мстислава Изяславича, об этом же — и, обращенный к князьям потомкам Мономаха, прекрасный монолог Святослава в «Слове о полку Игорева». В Ипатьевской летописи, как бы в оправдание Киеву и в укор Игорю, летописец рассказывает о том, что Святослав Всеволодович «шел бяшеть в Корачев и собирашеть от верхних земель вои, хотя ити на половци к Донову на всё лето». Враньё, конечно. В «Слове о полку Игорева» о тех же днях Святослава говорится: «Святослав смутный сон видел в Киеве на горах». Это более соответствует истине: ведь Святослав только что вернулся из славного похода, ну и отсыпался.

Но вернёмся к походу Игоря (см. рис. 1). Следует остановиться на, казалось бы, малозначительной фразе из Ипатьевской летописи, которая, к сожалению, играет решающую роль в определении скорости передвижения войска в известных теперь схемах похода князя Игоря: «И тако идяхуть тихо, собираючи дружину свою, бяхуть бо и у них кони тучни вельми». Составители схем похода видят в этой фразе медленно движущееся русское войско — по причине тучности коней. Как будто русское войско ехало на откормленных боровах со скоростью 30, а не которые даже 25 километров в день. А между тем, хорошо известно, что откормленная лошадь — это резвая лошадь, она постоянно срывается на рысь, особенно весной, и чтобы экономить её силы, идя в поход в неизвестность, её нужно постоянно сдерживать. И слова летописца

«идяхуть тихо» означают лишь то, что лошадей сдерживали, но свой нормальный переход в 50–60 километров в день они, конечно же, проходили. Это с учётом, что до пункта сбора, который должен находиться в пограничной со степью зоне, войска шли с небольшим обозом: везли оружие, продовольствие, фураж. В степь вышла одна конница.

Известно, что травостой в донецких степях вырастает в мае. Заметим, как говорят — степь выгорает, то есть, за лето трава высыхает на корню. Этот высушенный за лето травостой и использовался кочевниками для зимних пастбищ. Из этого следует сделать вывод, что в мае месяце ни одного кочевья в донецких степях, в местах зимовок, не должно оставаться. Можно предположить, что у половцев существовал всеобщий традиционный день ухода с зимних стоянок на летние кочевья. По сути — это праздничный день, и он не мог не быть общим. И этим днём, очевидно, было 1 мая. О нём знали на Руси. И Игорю было известно, в какой день половцы переходят вброд через Донец у реки Сальницы — Изюмский брод. Как известно из летописей, позиция эта успешно использовалась Мономахом в 1111 году. Возможно, были и другие случаи. Поход был рассчитан с точностью до одного дня. Это можно аргументировать тем, что Черниговским ковуям пришлось выйти 21 апреля — «в самый Великий день» и праздновать Пасху в пути (что необычно для христианина), а Игорю и Всеволоду пришлось выйти в поход во вторник, который считается ещё праздничным днём Пасхи.

Тактическая цель похода — стать у брода и не пустить половецкие кочевья на русские земли в верховья Донца. Такие противостояния на реках в нашей истории известны, и сражения могло и не быть. Но войско Игоря, по причине опоздания Всеволода с курянами, задержалось на два дня на месте сбора, а форсированный переход к Сальнице лишь усугубил положение.

Мы уже отмечали, что толкователи похода Игоря пользуются в основном Ипатьевской летописью. Её подробное описание событий похода, при поверхностном чтении, вызывает интерес и доверие. Если же попытаться восстановить события во времени и пространстве — возникают трудности и даже нелепости. Но несколько очень ценных ориентиров похода нам эта летопись всё же сообщает. Во-первых, это сообщение о солнечном затмении, которое, конечно же, ярко запечатлелось в памяти участников похода и без искажения вошло в летопись: «Когда подходили к Дону реке в час вечерний». Астрономы уточняют: по Юлианскому календарю — 1 мая в 16 часов 55 минут наблюдалась наибольшая фаза затмения. Естественно, что вызвало в войсках потря-

сение, замешательство, а время шло, и час вечерний. Но после речи Игоря войска тронулись в путь, перешли Донец и ... выходит — это и был ночной переход с 1-го на 2-е мая. О том же говорится и в «Слове о полку Игореве», в той же последовательности:

*«Солнце ему тьмою путь заступило;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал, ...*

*И половцы непроложенными дорогами
Побежали к Дону великому ...
А Игорь к Дону воинов ведёт!*

Как видите — не к Осколу. Очень серьёзным недоразумением является утверждение Ипатьевской летописи о походе войск Игоря к Осколу и ожидании там Всеволода с курянами. В летописи говорится: *«И то рек, перебреле Донець и тако приида к Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода: тот бяше шел иным путем ис Курьска»*. По правилам современной пунктуации, в этом сложном предложении, совершенно справедливо, понимаются причинные отношения (возможна вставка союза «потому что») и поставлено двоеточие. Но причина опоздания нам всё же не понятна. Ведь иной путь из Курска, чем из других городов Черниговского княжества, к месту встречи — само собой разумеющийся факт, и причину опоздания он не объясняет. Вероятно, это предложение летописи следует перевести так: *«... тот шёл иным [чем предполагалось] путём из Курска»*. В таком прочтении причина опоздания понятна, более того, здесь появляется тот редкий случай, когда историю можно поверить «алгеброй». Мы видим, что из Курска к месту встречи было, по крайней мере, две дороги, и одна из них на два перехода, примерно, на сто километров длиннее другой. Если мы теперь обратимся к карте, то увидим, что из Курска к Осколу (предполагаемому месту встречи в Холках) лишь одна прямая дорога — которой и пользуются современные составители схем похода — и другой, укороченной на сто километров, не может быть. Это значит, что нужно искать другое место сбора войск Игоря, а место на Осколе указано в летописи ошибочно.

Условное место сбора русских войск перед выходом в степь было традиционным. Оно находилось в верховьях рек Ворсклы и Липового Донца, в землях, где бассейны этих рек образуют узкий проход Муравского пути, и где сходились во второй половине XII века пограничья Черниговского и Переяславского княжеств. Именно отсюда автор «Слова о полку Игореве» начинает своё повествование о стремле-

тельном полуторасуточном переходе русских дружин навстречу половцам. Фразу из «Слова...»: *«Игорь мыслью поле мерит от великого Дона до малого Донца»*, нужно понимать как указание места, откуда вышел князь и, следовательно, туда же ему нужно возвратиться — в верховья Малого (Липового) Донца, в район современного села Лучки Прохоровского района, где были оставлены обозы с продовольствием и фуражом.

Вышеуказанная традиционность этого места подтверждается нахождением в районе села Лучки артефактов крупного поселения первых веков нашей эры, как и артефактов предыдущих и последующих столетий. Это указывает на географически оптимальный и практически целесообразный торговый и военный путь, проходивший здесь. А в наше время через село Лучки проходила дорога на юг, в сторону города Белгорода ещё в XIX веке.

Причину опоздания Всеволода можно объяснить тем, что он не смог по какой-то причине перейти Сейм у Курска — возможно, после сильного дождя пойму, и без того ещё сырую от полых вод, залило водой — и пошёл в обход Сейма и Сеймицы по Пахнуцкой дороге, а она как раз на два перехода длиннее прямой дороги из Курска к месту встречи. И в «Слове...» мы видим и слышим откровенный укор в адрес Всеволода и курян:

*«Игорь ждёт мила брата Всеволода.
И говорил ему буй тур Всеволод:
Седлай же, брат, своих борзых коней,
а мои-то готовы, оседланы у Курска ещё раньше.
А мои-то куряне — опытные воины, ...»*

Вот так: и кони давно оседланы, и воины очень опытные, и вдруг — опоздание на два дня! Этот горестный укор Всеволоду и курянам подтверждает то, что поход был ограничен в сроках, и не был прогулкой по весенней степи, как можно понять из существующих схем похода, где войска проходили по 25–30 км в день, а стяги Игоревы пали лишь 12 мая.

4

В пользу того, что место сбора северских войск на Осколе указано в Ипатьевской летописи ошибочно, говорят сведения из Лаврентьевской летописи, где о месте сбора скупо сказано: *«И снхася у Переяславля Игорь съ двема сынома из Новагорода Северскаго, ис Трубе-*

ча Всеволод, брат его, Ольгович Святославъ, изъ Рылска и черниговская помощь».

По поводу этого Переяславля ещё В. Ляскоронский в своей монографии «Северские князья в XII—XIII вв.» высказал предположение, что, возможно, сбор был где-то на границе Переяславской земли. Можно добавить, что, очевидно, имеется в виду небольшое погранично-сторожевое поселение в верховьях Ворсклы у начала Муравского пути. Это несколько ближе к истине...

Итак, если условиться, что северские войска шли со скоростью 50 км в день, то в верховья Липового Донца они пришли 28 апреля. Всеволод с курянами пришёл 30 апреля. Можно предположить, что ввиду образовавшегося цейтнота, ещё вечером было принято решение идти форсированным маршем до самого брода у реки Сальницы или до встречи с половцами.

1 мая, утро. «Тогда вступити Игорь князь въ златъ стремянь и поеха по чистому полю». На полуденный отдых, продолжительностью около двух часов, они расположились на древнем «гостинце» у слияния рек Везелицы и Гостёнки (в центре современного Белгорода). Около 15 часов (по астрономическому времени) они тронулись в путь по Чугуевской дороге, «идуцим же им к Донцю реке в час вечерний, Игорь жь взрев на небо и виде солнце, стояще яко месяцъ. И рече боярам своим и дружине своей: Видите ли? Что есть знамение се?» Произошло это где-то между сёлами Таврово и Никольское, на дороге, по которой мы ходим и ездим по настоящее время.

Положение было, как мы теперь говорим, стрессовое. Но чем возвращаться назад с позором, лучше было умереть. С такой речью и обратился Игорь к братьям и дружине. И они пошли дальше к Донцу. Была ночь, была гроза. Если верить автору «Слова...»: «нощь стонуши ему грозою птичь убуди»; это была, как говорят в народе, «воробьиная ночь». На рассвете они перешли Донец — затопленный теперь Печенежским водохранилищем — вброд у села Рубежное (этот же брод переходили наши войска при наступлении на Харьков в августе 1943 года). Очевидно, был короткий отдых, завтрак. Пошли дальше и в полдень на реке Сюрлий (Великий Бурлук) встретились с половцами. Следует заметить, что слова Сюрлий и Бурлук имеют один корень — «урл».

Половцы узнали о грозящей им опасности, уже перейдя Изюмский Брод, и послали гонцов во все концы половецкой земли с просьбой о помощи. Сами же, сформировав отряд из лучников и пустых веж, пошли вперёд, надеясь успеть первыми к броду через Донец, и пере-

крыв брод вежами (повозками), укрывшись за ними с луками, задержать русские полки. Но к Донцу, по причине ночного перехода русичей, они не успели и остановились на реке Сюрлий. А река эта неглубокая, её можно перейти на коне в любом месте, и лучники, при приближении русского войска, выпустили в него по стреле и, бросив вежи, ускакали. Очевидно, была погоня, и были пленники. Полки теперь уже не спеша, двигались вперёд и к вечеру пришли к реке, сейчас именуемой Средняя Балаклея. По всем признакам — это и была легендарная Каяла. На её берегу, утомлённые, и заночевали. Половцы ночью далеко не ушли, очевидно, надеялись, что подоспелет помощь.

3 мая. «Съ зараня в пятюк потопташа поганья полки половецкыя...». Обе летописи и «Слово о полку Игореве» дружно рассказывают о большой победе в пятницу. Но это всего лишь дань традиции: преувеличенно и красочно изображать победы. Реальность же была совсем иной: половцы не уходили и не вступали в бой, а русские дружины лишь гонялись за ними по степи, утомляя коней. К тому же замечали, что приходит пополнение. И, изображенный в Ипатьевской летописи, разговор князей о ночном бегстве с поля боя вполне мог быть. Но существовали разногласия, ссылки на усталость коней и они остались ночевать вторую ночь.

«Светаюци же субботе, начаша выступати полци половецкыя, аке борове. Бишася день, бишася другой; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы».

Случилось это 5 мая в воскресенье. Очень интересное и содержательное описание победы северских воинов в пятницу в Лаврентьевской летописи: «И побержени бывшее половеци, и биша и до вежъ, множество полона взяша — жены и дети, и стояша на вежах 3 дни, веселяся и рекуще: „Братья наши ходили с Святославомъ, великим князем, и билися с ними зря на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в землю ихъ не смели по них ити. А мы в земле ихъ есмь, и самехъ избилъ а жены ихъ полонены, и дети у нас. А ноне поидемъ по них за Дон и до конца избьемъ ихъ. Оже ны будет ту победа, идем по них к луку моря, где же не ходили ни деды наши, а возьмем до конца свою славу и честь”».

Вторая седмица, или второе воскресенье Пасхи в 1185 год была 5 мая. А интересно это описание тем, что в нём указано место битвы: «пойдем на них за Дон (Донец) ... к лукоморью (Азовскому морю) ... где не ходили деды наши». Во-первых, — это значит, что они находились на левом берегу Донца, а не на правом, в бассейне Днепра, как утверждают наши историки. А во-вторых, к лукоморью (Азовскому

мору) не ходили и деды северских князей, а наши историки нас уверяют, что деды северских князей ходили даже за лукоморье на Таманский полуостров и там княжили сто лет.

Но вернёмся к месту битвы — на левый берег Донца к озеру Лиман. Можно предположить, имея в виду фразу из «Слова...»: «*Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы*», что полки Игоря и Всеволода были в бою разрознены и уходили в разных направлениях к Донцу, где находился спасительный лес, и что Всеволод пробивался в сторону озера Лиман. Кроме этого большого озера в этом районе есть ещё озера поменьше: Чайка и Боровое.

В «Истории Российской» В.Н. Татищева (в первой редакции, а в неё, как известно, входят компиляции из недошедших до нас летописей) последний день битвы описан так:

«И бияся Всеволод, идя около озера, донеле же оружья не стало в руке его. Тогда взяша его половцы и дружину разобраша. И тако кончился полк той во вторую седмицу Пасхи. И все руския, иже живи остались, разведоша; мало избегоша, невозможно утещи, яко стенами огородени быша половци отсюду; токмо утекоша от русских 215 мужей, а ковуев менее, мнози в мори истопоша».

У составителей схем похода (а это наши известные историки) возникают трудности в объяснении упоминания моря на месте битвы в Ипатьевской летописи, а особенно в «Слове о полку Игореве». Это приводит их к курьёзному утверждению, что русские воины, после поражения в бою, по их версии, в верховьях реки Самары, бежали ещё двести километров до Азовского моря — чтобы там утонуть. Грустная получается история... А ведь ларчик открывается просто: лиман — на тюркском и греческом языках означает морской залив, бухта. Следовательно, в половецкие времена, да, очевидно, и раньше, это большое озеро кочевники считали морем. Русские же, как можно понять из источников, называли озеро Лиман и морем и озером. И вся наша история, в таком случае, становится ясной и понятной. На берегу этого моря-озера и закончился трагический поход полков Игоревых 803 года тому назад. И так долго идёт до нас свет правды о нём... Вечная слава павшим за землю русскую!

Сентябрь—октябрь 1988 г.

Тайны графа Мусина-Пушкина- Тьмутороканьского

Можно предположить, что титул «Граф — Тьмутороканьский» Мусин-Пушкин не получил лишь по причине скоропостижной кончины Екатерины II Великой. Изданный в 1794 году — за два года до смерти императрицы, — труд свой «Исторические исследования о местоположении древнего русского Тмутараканского княжения» он сопроводил таким посвящением:

Екатерине Великой

Всемилоостивейшая государыня! Твоё высочайшее исполняя веление, я сие исследование предпринял; твоим мудрым наставлением обогащаем, продолжил; твоим высоким покровом осеняем, тиснению предал, твоему же священнейшему имени труд мой и посвятить дерзаю.

Верноподданный Алексей Мусин-Пушкин.

Из вышеизложенного следует, что свои Тьмутороканьские исследования Мусин-Пушкин проводил «высочайшее исполняя веление» и, что на вершине этой исследовательской «пирамиды» находилась сама императрица. Хотя инициатором всей тьмутороканьской авантюры, несомненно, был её последний фаворит Платон Зубов со своей тайной «партией», но об этом нужно писать отдельную главу. Императрица, конечно же, интересовалась русской историей вообще, но особенно «Словом о полку Игореве» и Тьмутороканью. Для подтверждения этого факта, приведём строки из прекрасной книги-исследования Г.М. Моисеевой «Спасо-Ярославский хронограф и „Слово о полку Игореве“»: «...самая большая часть родословных заметок императрицы касается именно той эпохи и именно тех князей, о которых идёт речь в „Слове о полку Игореве“, в чём не трудно убедиться, когда просмотреть листы: 184, 188, 189, 190, 191, 193 и много других. (Записки Екатерины II, том 5). Екатерининская копия и перевод „Слова о полку Игореве“ с 1864 г. стали объектом внимательного изучения многих поколений. Но брошенная П.П. Пикарским мысль о какой-то неясной связи этих материалов с интересом к древнерусской истории Екатерины II не получили в дальнейшем ни опровержения, ни подтверждения».

Почему же эта «неясная связь» никого из учёных многих поколений до сих пор не заинтересовала? А вот такой красноречивый ответ на этот вопрос имеется у нашего известного историка Л.Н. Гумилёва: *«Традиционная методика исторического исследования, основанная на анализе источников, позволяет только перечислять события, происходившие в данном регионе за отмеченный период. Но связи между ними и логика событий при этом от исследователя ускользают».*

Хорошо сказано, но для не подтверждения «связи событий с логикой событий» приведём несколько строк для иллюстрации как Л.Н. Гумилёва, так и наших рассуждений:

«Игорь, как и Роланд, идёт навстречу верной гибели и не просит помощи у киевского князя Святослава, задавшись несбыточной целью — одному во главе небольшого войска достигнуть Тмуторокани».

Припомним, логика — это наука об элементарных законах и формах правильного мышления. Так вот, согласно логике, у автора вышеприведенных строк должны были, «при правильном мышлении», возникнуть вопросы: ради чего Игорь, — да не один, с ним был его сын и братья, не считая полков дружины — пошёл «навстречу верной гибели»?..

Достигнуть Тмуторокани?.. На Таманском полуострове?.. Как ради спортивного интереса, достигают горных вершин?.. Да ещё киевских князей с собой пригласить?.. А кто же будет защищать русскую землю? Ведь половцы рядом бродят...

Это же очевидно, что ни геополитическая, ни психологическая обстановка на Руси того времени автору этих строк была неведома. А ведь это строки одного из главных столпов нашей историографии прошлого века — Д.С. Лихачёва. И на него — на академический авторитет — равняется всё наше «историографическое население».

Статья, из которой я привёл строки, озаглавлена «О, Русская земля!..» (Лит. газета, № 39, 1986 г.), строки в начале статьи. Может автор в этой большой статье ещё хоть раз, согласно «логике событий», упомянет Тмуторокань на Таманском полуострове, ради «достижения» которой Игорь пошёл сам и повёл полки «на верную гибель»?.. Ну, нет! Ни словом, ни духом, ни Тмуторокань, ни Таманский полуостров больше не упоминаются. Очевидно, Д.С. Лихачёв (подсознательно) понимал, что никакой логике и никакому разуму осмыслить это невозможно!

Но мы не будем пользоваться «Традиционной методикой исторического исследования» и поэтому, надеюсь, связи событий и их логику, при нашем анализе, в какой то мере, удастся обозначить.

Итак, тайны Мусина-Пушкина... Вот уже полтора века наши историки льют слёзы о загубленной, по вине Мусина-Пушкина, рукописи «Слова о полку Игореве», якобы сгоревшей в его московском доме в 1812 году. Но дом Мусина-Пушкина, как ни странно, стоит и сейчас на бывшем Разгуляе (ныне Спартаковская улица). Говорят, что его неоднократно перестраивали, но никто за полтора века не удосужился выяснить: горел дом когда-нибудь или нет?.. С одной стороны «крокодиловы слезы», а с другой ноль внимания — это и есть логика поведения «учёных многих поколений».

В очень серьёзном издании — серия «История отечества...», в книге «Злато слово» (М.: «Молодая гвардия», 1986) во вступительной статье можно прочесть следующее:

«Второго сентября французы вступили в Москву. Дочь Мусина-Пушкина, выехавшая из Москвы незадолго до вступления в город французов, позаботилась лишь о том, чтобы вывести фамильные ценности и коллекцию картин. В опустевшем графском особняке на Разгуляе потянуло запахом гари... Впоследствии, желая оправдать отца, а заодно и себя, она рассказывала о том, что свою библиотеку Мусин-Пушкин якобы заранее спрятал в тайнике... Эти рассказы старой графини послужили основанием для живучей легенды о том, что рукопись „Слова“ не погибла в пламени, а лишь вновь затерялась где-то в бескрайних российских просторах».

Вот на этих легендарных предположениях и на анализе событий, происходивших в жизни Мусина-Пушкина и его окружения, мы и будем строить логику своего дальнейшего повествования.

В 1994 году я нарисовал схему восточного склона Крапивенского городища с предполагаемыми мною входами в пещерный монастырь. Примерно, около двухсот лет назад на городище были проведены земляные работы. Восточный склон был засыпан слоем земли толщиной около одного метра, так же был засыпан детинец и восточный край площади городища.

Кто проводил эти земляные работы?.. Ответ на этот вопрос нужно было искать в связи всех событий «Тмутороканьской компании» и в логике поведения её участников. А логика их поведения подсказывала, что Мусин-Пушкин мог принимать участие в земляных работах на городище, точнее — давал указания: что и как засыпать. К тому же, эта странная надпись на меловом останце прибавляла мне уверенность в этом.

Судя по состоянию мела в меловых насыпях, верхние слои одной из них насыпались позднее и, очевидно, ближний от неё вход в пеще-

ру функционировал ещё в XVII–XVIII веках и был засыпан последние дни. Это предположение позволило мне написать на схеме, что Мусин-Пушкин в этой пещере мог спрятать улики своей деятельности — свой архив, в котором была и рукопись «Слова», и его печатное издание. Возможно — это и есть то затерянное на просторах России место?..

Но предположения остаются предположениями... Для их подтверждения нужны факты... Хотя бы косвенные... А чтобы их найти, нужно было изучить досье владельцев этой земли в конце XVIII века, князей Барятинских.

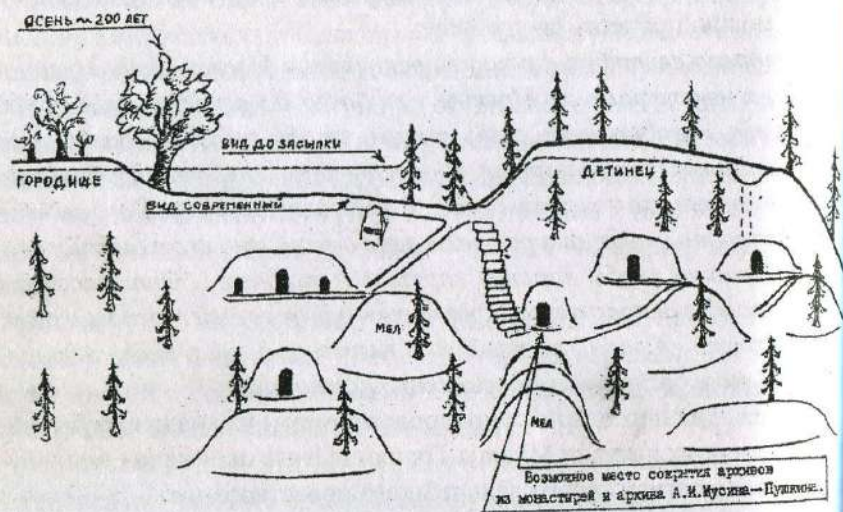

Рис. 7. Примерный план засыпанного Пещерного монастыря на Крапивенском (Тьмутороканьском) городище. Схема А.Д. Жучкова.

В 1998 году нынешний директор Шебекинского историко-художественного музея Эдуард Николаевич Поздняков издал книгу «История Шебекина 1713–1917». Из этой истории я узнал, что в 1785 году слобода Шебекина стала владением жены князя Ивана Сергеевича Барятинского — Екатерины Петровны Барятинской. Но она вскоре уехала в Европу и оттуда больше не вернулась. Сам же князь Иван Сергеевич Барятинский на протяжении всего времени царствования Екатерины II был послом в Париже.

Именем, конечно, могли управлять и управляющие... Но очень интересно само время приобретения земли — 1785 год. Это год начала активного поиска, а вернее, сокрытия следов Тьмуторокани святой

Екатерины II. И у меня было ощущение, что какого-то важного звена в «Истории Шебекина» не хватает. Его нужно было искать в записках приближённых императрицы. И это недостающее звено я нашёл в книге «Записки княгини Е.Р. Дашковой». Им оказался князь Фёдор Сергеевич Барятинский, почему-то не попавший в «Историю Шебекина» Э.Н. Позднякова.

Хотя причину этого «непопадания» не трудно и разгадать. Очевидно, потомки князя Фёдора Барятинского несколько завуалировали память о нём по той причине, что он был царевницей. В последнем донесении Алексея Орлова Екатерине II об охране Петра III говорится: «Они сцепились с князем Фёдором Барятинским, а пока их разнимали, злодей умер...». Был задушен, а по предположениям иных историков, был убит бутылкой.

Для характеристики роли князя Фёдора Барятинского в свите Екатерины II целесообразно привести строки из записок Е.Р. Дашковой: «Князю Барятинскому, главному гофмейстеру было приказано послать в академическую газету описание нашего путешествия, со всеми подробностями. Когда он сказал мне об этом, я напомнила ему, что академии давно уже велено мной немедленно печатать всё, что ни будет прислано за его подписью; и потому путешествие государыни не иначе поместится в газете, как за скрепой его или маршала Орлова. В этих объявлениях я запретила изменять до последней буквы».

А в книге «Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой», имеется такая справка: «Князь Барятинский Фёдор Сергеевич (род. 1742, ум. 1814) принимал участие в перевороте 1762 года, был с 1778 г. гофмаршалом при дворе Государыни». Справочник нам сообщает: «Гофмаршал — придворный титул, существовавший в царской России. Гофмаршал ведал приёмами и довольствием двора».

Если же князь Фёдор Барятинский ведал приёмами двора, то в его подчинении находился (тогда ещё не граф) Алексей Мусин-Пушкин в должности церемониймейстера двора. Оба они были «Орловцами», то есть, до переворота 1762 года служили при графе Г.Г. Орлове. А при Екатерине состояли в одной из придворных «партий», которую возглавлял с 1789 года последний фаворит императрицы Платон Зубов, которую, очевидно, и следует именовать «Тьмутороканьской партией».

А Шебекинские земли были приобретены «компанией» за царские деньги лишь для проведения земляных работ по сокрытию городища и видимых следов пещерного монастыря. А невестка Фёдора

Барятинского была лишь подставным лицом, отводящим подозрения в их намерениях.

Работала «компания», как говорится, чисто: уже двести лет следы её деятельности нашими историками не обнаруживаются. Хотя подозрение в нечистоплотности над Мусиным-Пушкиным висит давно, но ему всё прощается за якобы найденное им «Слово о полку Игореве». А может, если бы он его не нашёл, оно было бы целее?!

Но, Бог даст, мы его найдём... У меня есть уверенность, что поскольку Мусин-Пушкин знал где находится земля Тьмутороканьская, то и исторические документы, касающиеся её, он спрятал в этой земле... Уничтожить их он не посмел...

Октябрь 2001 г.

Превратности «Тьмутороканьского звона»

В 1829 году историк Н.А. Полевой в рецензии на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, укоряя автора в поверхностности описания исторических событий и в тенденциозности его «Истории...», писал: «Не ищите в ней высшего взгляда на события: говоря о междоусобиях уделов, он не видит в них порядка, не означает нам причин, свойства их... Чтобы в борьбе уделов автор отдал равную справедливость и Олегу Черниговскому, и Владимиру Мономаху? Нет! И не найдёте этого. Мономах является ангелом-хранителем законной власти, а Олег Черниговский властолюбивым, жестоким, отвергающим злодейство только тогда, когда оно бесполезно, коварным бунтовщиком; на целое поколение Олеговичей падает у него позор и посрамление!»

Со времени написания этих строк прошло сто семьдесят лет. И что же?.. Что-нибудь изменилось?.. Ответом будут те же слова Н.А. Полевого: «Нет! И не найдёте этого». Более того, поверхностный и тенденциозный подход к историческим фактам междоусобицы Ярославичей и их потомков размножился и распространился. И хотя «История государства Российского» Н.М. Карамзина в Советское время в почёте не была, из-за её княжеско-дворянского уклона, её духовное наследие, — тенденциозность, наши историки уважают и преумножают.

Всё бы ничего... Но ложится это «духовное наследие» на Единственный Уединенный памятник русской истории — «Слово о полку

Игоре́ве», и вот уже два столетия мешает его истинному прочтению, его роли, как исторического источника, его «заземлению» в русскую землю, в русскую историю.

И, очевидно, разрешая поставленные вопросы, мы также будем пристрастны: наша задача — отвести исторический навет на Тьмуторокань и её князей. Для доказательства этого навета, возьмём и внимательно прочитаем всего лишь одну фразу из «Слова о полку Игореве», в которой, по-моему, ясно отражается кривое зеркало нашей историографии.

Итак, выпишем эту фразу из хрестоматии «Древняя русская литература» (М.: «Просвещение», 1988). На древнерусском языке эта фраза пишется так:

*Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.*

*Ступаетъ въ златъ стремь въ граде Тьмуторокане,
той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Чернигове.*

Перевод мы возьмём из прекрасного школьного издания «Слова о полку Игореве», (М.: «Детская литература», 1970).

*Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.*

*Вступал в золотое стремя в городе Тьмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.*

Во-первых, кто-то скажет, что здесь две фразы, а мы собирались читать одну. Но, как известно, утерянная рукопись «Слова о полку Игореве» была написана сплошной строкой, и разделение слов, а тем более, знаки препинания — это труды переводчиков нашего времени. Я не большой специалист по пунктуации в русской грамматике, но осмелюсь настаивать, что здесь одна фраза, и в конце второй строки нужно поставить двоеточие, а не точку. Это потому, что дальше следует пояснение сказанного в двух первых строках. Но этого не делается. Почему?.. А потому, что существует всё та же тенденция — сознательное намерение запутать, затуманить смысл этой многострадальной фразы.

Во-вторых, к ещё большему курьёзу приводит наших грамотеев толкователей «Слова», претендующих на «текстологическое исследова-

ние», четвёртая строка. Это вводное предложение, выделенное лишь запятыми, (хотя ещё двести лет назад, для непонятливых, его нужно было заключить в скобки) для них абсолютно непостижимо. Вот так (как и многие другие) его толкует Ю.М. Басов (Белгород, «Звонница», № 5) в книге «Слово о полку Игореве: текстологическое исследование»: «Не мог слышать Ярослав звон стремени Олега, т.к. умер раньше, чем Олег родился. Звон слышал Всеволод Ярославич, а его сын Владимир Мономах уши закладывал (вероятно — проушины черниговских ворот)».

Что это? Неспособность представлять исторические события во времени и пространстве? Или их незнание? А, по-моему, — и то, и другое. Однако держаем...

К тому же, Ю.М. Басов повторяет здесь толкование этих строк «Слова» промономаховцами, которые заменяют собственные уши князя проушинами черниговских ворот. Интересно, как они представляют Мономаха бегающего по Чернигову по утрам (ворот было четыре, пять) и закрывающего (уверяют, что сам) ворота? И это когда их нужно было открывать для входа-выхода, въезда-выезда. Выходит, что ночью они были открыты?! Вот такая получается «логия текста»...

И, в-третьих, по той же причине, наши переводчики не желают перевести в первой строке слово «ковал». И предлагают нам понимать слово «ковал» в переносном смысле. Но ведь оно могло быть употреблено здесь и в прямом смысле того времени. Что же на самом деле означало слово «ковал» в то время, когда его писали — в XII веке?

Для выяснения этого вопроса, заглянем в «Этимологический словарь русского языка». (М.: «Просвещение», 1971). В нём говорится следующее: «КОВАТЬ. Общеслав., имеющее соответствия в балт. и герм. яз. — „бить, рубить, ударять”».

Я думаю, ни у кого не возникнет возражение, что к слову «мечом» подходит слово «рубить». Итак, читаем: «Тот ведь Олег мечом крамолу рубил». Получается ясная и понятная строка, без всякого подтекста и переносного смысла. И если учесть предваряющие эту фразу строки: «Были походы Олеговы, Олега Святославича», в которых имя сопровождается повторением его с отчеством, — а такое произношение называется в народной поэзии величальным — то предполагаемое обвинение Олега автором «Слова...», якобы как князя зачинщика крамол, традиционное в нашей историографии — не верно. Ведь получается, что Олег Святославич не творил крамолу, а боролся с ней. Но такая трактовка вот уже двести лет не устраивает наших ревните-

лей политической истории, сторонников Мономаховичей. Хотя кто был зачинщиком усобиц — истории хорошо известно.

Но смотрим дальше. Вторая строка переведена слово в слово, всё нормально. Третья строка... вот тут и зарыта собака всех бед наших учёных и неучёных толкователей «Слова...». Ведь на русском языке всех времен, в «золотое стремя» может вступать только положительный, даже очень любимый герой. Ну, а если аллегорический «звон» этого «золотого стремени» слышен через века и пространства — это значит, что и князь, и город, из которого он выступал, были писавшие. му эти строки автору, очень близки и дороги.

А это в корне противоречит общепринятой у нас исторической концепции. Вот и пытаются блудители этой концепции уже не одну сотню лет с этими строками бороться, вплоть до попытки их уничтожения. Не исключено, что они были испорчены ещё в найденном Мусиным-Пушкиным «Хронографе». И, очевидно, по тому же принципу — раздраженного неприятия — убирают из слова Тьмуторокань мягкий знак, а то и заменяют буквы «о» на «а».

Такой же, интересной для нас, и неприятной для наших исторических «политтехнологов», является и четвёртая строка. Несмотря на то, что она прекрасно переводится слово в слово, в неё добавляется противительный союз «а» и слово «уже». И это «уже» — есть признак преднамеренно искажённого толкования этой строки. И вот как эти шесть строк объясняются в вышеназванном школьном издании «Слово о полку Игореве», в объяснительном переводе: «Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тьмуторокани, тот же звон (звон раздоров, уже заранее) слышал давний (уже умерший) великий Ярослав (Мудрый — противник раздоров), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и тоже противник раздоров) каждое утро уши закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько тревожил его этот звон)».

Вот такое «мудрое» объяснение школьникам, молодому поколению русской истории. Им не говорится, что перед ними фраза — образец древнерусской сатиры на Владимира Мономаха. Который уши затыкал в Чернигове (в сатирическом смысле) потому, что у него, как говорится, было рыльце в пушку: ведь он княжил в отнятой Олеговой отчине — городе Чернигове и черниговской земле. И поэтому звон боевых доспехов из Тьмуторокани — не заморской, конечно, а Донецкой — его очень тревожил каждое утро, а затыкание ушей — это, как нетрудно понять, сатирический образ.

А что означает утверждение, что Ярослав Мудрый и Владимир Мономах были противниками раздоров? Что они были противниками войн — пацифистами? Я думаю, что на такое мнение о себе они бы очень обиделись. В своём «Поучении» Мономах, рассказав следникам о своей христианской добродетельности, с гордостью повествует о своих походах и подвигах. Например, такая фраза: «... на другую зиму с Святополком пошёл в Полоцк — сожгли Полоцк; он пошёл в Новгород, а я с половцами на Одрьск, воюя, да к Чернигову». Он не поясняет за что они сожгли — а зимою лучше, коварнее — Полоцк, не говорит, что Святополк Изяславич пошёл в Новгород, чтобы убить там своего двоюродного брата Глеба Святославича... Или в письме Мономаха к Олегу Святославичу есть такие строки: «Удивительно ли, что муж пал в бою? Так умирали лучшие из наших предков». Это он говорит о своём сыне Изяславе, который был убит дружинниками Олега во время нападения на Олегов город — Муром. Ещё в этом письме — «противника раздоров» — есть такие строки: «Или в том состоит грех мой, что на тебя пошёл к Чернигову из-за поганых, я в том каюсь, в том я не раз братии своей выразил сожаление и ещё поведал, что я ведь человек». Да, как говорится, «и ничто человеческое мне не чуждо». Надо бы нашим историкам, прежде чем что-то утверждать, — учитывать психологию людей определённого исторического времени. Психология людей XI–XII веков уживалась с одной стороны — с христианскими заповедями, а с другой — с воинской доблестью. Допускалось отнять, убить, а потом покаяться. Заключает Мономах письмо к Олегу так: «На страшном суде без обвинителей сам себя обличаю, и прочее». А школьникам уверяют, что Владимир Мономах чуть ли не святой.

Нет, мы не склонны объявлять и Олега Святославича ангелом-хранителем. Бывало с ним всякое... Но ведь вся суть междоусобицы внуков Ярослава Мудрого и заключалась в том, что у сыновей Святослава Ярославич, Всеволод Ярославич с сыном Владимиром отобрали (приватизировали) Черниговское княжество с городом Черниговом — их отчину, наделённую им Ярославом Мудрым. Как сообщает нам «Слово...»: «...сказал брат брату: „Это моё, и то моё же“. И стали князь про малое „это великое“ говорить и сами на себя крамолу ковать». А «великим» Всеволод с сыном называли княжество Тьмутороканское и уверяли Олега и Романа Святославичей, что им его вполне достаточно. Кстати, здесь слово «ковать» употреблено без «меча» — значит, оно читается в переносном смысле.

Ведь имеются неоспоримые факты русской истории: ещё до начала междоусобицы в Новгороде был убит брат Олега, Глеб Святославич. Потом в Тмуторокани был убит Роман Святославич. Убиты не в честном бою, а хитростью, по-византийски. Сам Олег был схвачен и отправлен к Всеволодовым сватам в Византию, в заточение на остров Родос, где провёл четыре года. И, если бы в Византии не произошёл переворот, отстранивший от власти родственников княгини Всеволодовой, то не видать бы Олегу «гореславичу» русской земли. Так же коварно, по-византийски, был отравлен в Тмуторокани Ростислав Владимирович. Да и сам Изяслав Владимирович погиб при странных обстоятельствах, уже после битвы на Нежатиной ниве 3 октября 1078 года. Его, стоявшего в толпе воинов в сумерках, какой-то всадник ударил в спину копьём и ускакал. И путь Всеволоду к Киевскому столу был открыт. Путь этот давно и упорно режиссировался из Византии через домашнего «политтехнолога» — княгиню Всеволодову... Но наших историков эта «тонкая историческая материя» не интересует.

Почему историки XIX века изображали Всеволода и его сына Владимира ангелами-хранителями законной власти — понять можно. Они следовали летописной традиции: летописям, отредактированным Мономахом и его потомками. Ведь именно ветвь князей потомков Всеволода вокняжилась, а потом и воцарилась на Руси — как Рюриковичи. А власть нужно поддерживать и прославлять... Но почему этому же принципу следовали историки советского времени, а теперь следуют историки демократической России — не понятно.

Однако обратимся к четвертой строке. Напомним её: **«той же звонь слыша давний великий Ярославь»**. Объясняется она также в переносном смысле: якобы междоусобицы внуков своих «уже заранее предвидел «давний великий Ярослав». Такой вот — ложный переносный смысл... Кем и для чего он придуман, об этом мы поговорим позже. Но если следовать русской истории, Ярослав слышал звон военных доспехов из Тмуторокани не в переносном смысле, а в прямом. Это был звон военных доспехов в междоусобице братьев, Мстислава и Ярослава, Владимировичей. И делили они на двоих не мелкие княжества, а почти всю русскую землю. И выступив из Тмуторокани (донецкой), Мстислав в Лиственской битве победил Ярослава. Вот именно потому и «слышал» давний великий Ярослав звон боевых доспехов из Тмуторокани, а не «звон» междоусобиц своих внуков. Но для пушей убедительности рассматриваемого вопроса, сошлёмся на компетентные источники. Так из «Истории Российской» В.Н. Та-

тищева нам известно, что в 1023 году брат Ярослава Мудрого, Мстислав Владимирович, князь тмутороканьский, потребовал от верховного собственника Ярослава прибавления себе земли к тем областям, которыми уже владел. В ответ на это требование, Ярослав дал брату Муромскую землю, «чем Мстислав не хотел быть доволен, и начал войско готовить на Ярослава...», т.е. звенеть военными доспехами.

Спор между братьями из-за земельных владений закончился Лиственской битвой, в которой Ярослав был разбит, и Городецким миром, по которому Мстиславу отошли все русские земли, расположенные по левую сторону Днепра. Здесь следует заметить, что после этих событий Мстислав перенёс свою столицу из Тмуторокани в Чернигов.

Но смотрим нашу фразу дальше. Школьникам не поясняется, что в пятой и шестой строках содержится недвусмысленное оскорбление Владимира Мономаха. И что эти строки, как никакие другие, наглядно демонстрируют нам личность автора «Слова о полку Игореве», его пристрастия. И что проявляющийся в этой фразе портрет его, совсем не похож, а скорее, противоположен тем портретам-характеристикам, которые нам пытаются изобразить некоторые корифеи нашей истории. И всё по той же причине — это предвзятость, тенденциозность суждений.

Есть в вышеназванном школьном издании (как и во многих других изданиях) «Слова о полку Игореве» ещё одно примечание. Это примечание к странице 62, к той же фразе: *«... той же звонь слыша давний великий Ярослав, а сынъ Всеволодь, Владимирь...»*. Это место в дошедшем до нас тексте „Слова“ испорчено. Восстанавливаем его **предположительно**.

Очень интересное примечание. И что же оно означает? Что в дошедших до нас мусин-пушкинских книгах, а их говорят, известно около семидесяти, это место испорчено?! Невозможно прочесть?.. Но ведь есть ещё екатерининский список «Слова». Выходит, что и в нём это место испорчено?.. Правда, в примечаниях «текст» почему-то называется в единственном числе и об источниках ничего не сообщается. В чём же заключается это «предположительное восстановление»? А просто союз «а» поставлен на место — перед словом «сын». А в издании «Слова» Мусиным-Пушкиным, союз «а» поставлен после слова «Всеволодь», что и провоцировало недоразумения в понимании смысла строки.

И тут вырисовывается картина — гипотетическая, разумеется — разрешающая загадки мусин-пушкинского издания «Слова». Почему

оно не поступило в продажу после издания? А этот вопрос интересен не только для нас. Вот, например, что пишет Б.М. Сударушкин в интересной книге «Уединенный памятник»: «...возникал вопрос — почему такой небольшой тираж в 1200 экземпляров не разошёлся? Сразу после издания книги в „Московских ведомостях“ трижды печаталось объявление о её продаже в лавках купца Кольчугина на Никольской улице. Почему граф оставил книги у себя? Что сдерживало его?» Добавим, и куда они девались? Более 1100 штук...

А ответ, очевидно, «зарыт» всё в той же нашей фразе. Ведь в те времена существовала цензура — грамотная цензура. И цензору, очевидно, был известен екатерининский список «Слова», в котором императрица основательно вычеркнула эти слова. Она хотя и не относилась к Рюриковичам, но как блости власть в государстве — хорошо знала. И эту фразу, в отличие от наших историков, поняла правильно. Разобрался в ней и цензор. И на издание был наложен запрет. Но само «Слово о полку Игореве» запретить невозможно, выбросить эту фразу — тоже. И придумали наши историки-толкователи «Слова» легенду со «звоном-предвидением» Ярослава Мудрого, смягчающего выпад автора «Слова» против великих князей. И случилось это, очевидно, ещё в начале XIX века. И вот с тех пор этот «предвиденный звон» гуляет по страницам русской истории. А известные семьдесят экземпляров мусин-пушкинского издания «Слова о полку Игореве», это подарки графа друзьям и знакомым. Но и в них почему-то изымались и заменялись листы. А всё из-за того же «звона из Тмуторокани»... Поди ж ты, — дела давно минувших дней, а «звон» до сих пор слышен...

Ещё очень любопытны переводы строк с «тмутороканским звоном» в переложениях «Слова о полку Игореве» наших поэтов. Для удобства сравнения, приведём ещё раз строки древнерусского текста, подставив в скобках перевод двух слов и знаки препинания по нашему разумению:

*Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля;
были плъци Ольговы,
Ольга Святъславлича.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше [рубил]
и стрелы по земли сеяше:
Ступаетъ въ златъ стремянъ въ граде Тмуторокане,
той [такой] же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
а сынъ Всеволожь Владимиръ
по вся утра уши закладаше въ Чернигове.*

В. Жуковский, 1820 г.

*Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы,
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тмутаракане!
Молву об нём слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.*

А. Майков, 1872 г.

*Были веки тёмного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...*

Н. Заболоцкий, 1946 г.

*Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчому престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремян вступал, готовясь к сече.
Звон тот слышал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.*

И. Шкляревский, 1990 г.

*Были века Трояновы,
миновали лета Ярослава.
Двигал Олег походы, сын Святослава.*

*Мечом он ковал крамолу
и стрелы сеял.
Вступит в золотое стремя
в граде Тмуторокани,
Всеволод звон услышит, сын Ярослава,
а Владимир в Чернигове
уши с утра затыкает.*

И что же это получается?! С одной стороны поэты-перелагатели восхваляют до небес автора «Слова...» и его произведение, а с другой — позволяют себе вторгаться в этот гениальный текст и, по своему усмотрению редактировать, а вернее — без зазрения совести, следуя традиционной тенденции, нести отсебятину...

Так В. Жуковский «звон» заменяет «молвою», а Ярослава Владимировича Мудрого заменяет Ярославом Всеволодовичем, его праправнуком, в конце XII века княжившего в Чернигове. Но этот Ярослав не был великим князем киевским, ничем не прославился и, следовательно, не был «великим», а тем более «давним»: он был современником похода Игоря и снаряжал в помощь ему дружину черниговских ковуев. Он умер в 1198 году.

Остальные поэты-перелагатели смело Ярослава Мудрого заменяют его сыном Всеволодом. Но Всеволод мог слышать «звон из Тмуторокани» только в 1078 году, когда ещё не был великим киевским князем. А «Тмутороканьский звон», о котором говорится в «Слове о полку Игореве», был слышен уже после смерти Всеволода, он умер в 1093 году, когда его сыну Владимиру пришлось вернуть Чернигов Олегу.

И вот наши историки, а за ними и поэты-перелагатели всерьёз подразумевают, что этот «Тмутороканьский звон» был слышен в Чернигове аж из-за моря... с Северного Кавказа... Не далековато ли?... даже для аллегории...

2 апреля 2004 г.

Не по замыслению Боянову

Да, не по замыслению Боянову: без вокального и музыкального сопровождения творилось, писалось «Слово о полку Игореве». Но кто же знал, что этот намёк, совершенно понятный современникам автора, потомки не поймут. Тогда ведь ещё не написаны были строки: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Тем более, если его — «Слово...» — будут читать через восемь веков.

Будут читать и уверять всех, с апостольской миной на лицах, что обладают его великой тайной и могут её проповедовать. И проповедуют: выпускают сборники «поэтических» переложений этого «Слова», выпускают, так называемые Академические издания, в тональности Священного писания. Читайте, завидуйте... И мы читаем, но не завидуем.

Почему? А потому, что не учитываются, а скорее не понимаются, нюансы исторического времени, о котором говорится в «Слове»: отличие христианской идеологии XI века от христианской идеологии XII века. Извращаются география и цель похода, хотя в «Слове» она ясно обозначена: «поискати града Тмутороканя или испити шелоном Дона» (Донца). Что — это если понимать русский язык — равнозначно, и находятся в одном районе, и град Тмуторокань, и река Донец. Так вот, когда наши археологи найдут град Тмуторокань и его пещерный монастырь, в их истинном, указанном в «Слове» месте, то огромная часть литературы о «Слове», написанной за два столетия, окажется, мягко говоря, несоответствующей. Жалко, конечно, двухсотлетних «стараний маэстро»... Вот и теперь они, хотелось бы наде-

яться, «не убирают ладони со лба», думают, выбирают... И ещё не известно, что они выберут, истину или ложь.

Но есть у наших проповедников «Слова» ещё одна очень неприятная тенденция — это извращённое изображение личности Бояна Вещего. Выражаясь современным языком, происходит «опускание» этой вещи Личности. И наш долг — попытаться защитить её от непочтения и наветов. Защищать личность Бояна Вещего мы будем, в меру своей компетентности, от поэтов и академиков, анализируя начальные четыре предложения из «Слова о полку Игореве». Ибо их поверхностное прочтение и превратное толкование приводит к искажению понимания времени и смысла великого произведения и его героев. Приведём древнерусский текст этих начальных строк:

*Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начати старыми словесы
трудныхъ повестий о пълку Игореве,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боянъ бо вещей,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серымъ вълком по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшетъ бо, рече,
тървых времен усобицы.*

Итак, разберём с пристрастием смысл первого предложения. В первой строке интересен, давно исчезнувший из русского языка глагол «б্যাшетъ». Как сообщает нам «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», среди множества других смыслов, он означает: «совершить, исполнить, осуществить». Хорошие слова, но несколько возвышенные, хотя, очевидно, это и была цель автора. Но, я думаю, помня о возвышенном стиле автора, мы можем его смысл конкретизировать и перевести как «рассказать», имея в виду — в письменной форме. Второе интересное здесь слово — обращение «братие». Это обращение автора — или авторов — текста в первую очередь к «братьям» монахам. Производство книг — летописных и церковных текстов — не было делом одного автора, как это иногда представляется. Трудоемкое производство книг было делом коллектива монахов. Был, конечно, среди них

старший, руководитель. Об этом производстве интересно рассказывает нам летописец Нестор в «Житии Феодосия Печерского»:

«Многажды же великому Никону седящу и строащу книги и блаженному въскрай его седящу и прядущу вервие еже на потребу таковому делу. И се еще ми исповеда единъ от братиа, именем Ларион. Бяше бо книгам хитр писати, и съи по вся дъни и ноши писаше книги в келии блаженного отца нашего Феодосия, оному же Псалтирь поющу усты тихо и руками прядуща вълну или иное дело делающу».

Во второй строке важно отметить слова «старые словесы». Они означают, что рассказ будет вестись с употреблением старых языческих «словес», т.е. фразеологии языческих времён. А в общем смысле, первое предложение является обращением к монашеской братии, как бы с извиняющим вопросом, за употребление этих языческих слов. Но иначе они поступить не могли: перед ними лежит текст поэмы Бояна Вещего о походе и гибели Тмутороканьского князя Романа Святославича Красного в 1079 году, гибель которого, как и гибель дружин Игоря Святославича в 1185 году, предвещало солнечное затмение. Этот факт и вдохновил автора — будем считать, что автором текста был один человек — к написанию подражательного произведения «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова». Произведение Бояна было написано в старом языческом стиле, который во времена Бояна (1050–1088) ещё использовался, и автор вынужден был этому стилю подражать. Благодаря этому, мы видим, что и в языческие времена писали, во всяком случае, рассказывали на Руси неплохо.

Второе предложение содержит в себе ключ к пониманию отличия времени Бояна, от времени автора, писавшего «Слово о полку Игореве». Ведь в «Слове» есть пространный рассказ, как Боян замышлял и исполнял свои песни: «свои вещи персты на живые струны воскладал». То есть, он исполнял свои произведения под аккомпанемент гуслей. А «по былинам нашего времени» — это напоминание о том, что во времена написания «Слова», такое исполнение «песен» светского содержания лицами, принадлежащими к духовному клиру, — с введением в монастырях Студитского устава, во времена игуменства Феодосия, в третьей четверти XI века строго воспрещалось.

В третьем предложении содержится характеристика Бояна и его времени. И в нём есть та самая, пресловутая по нелепости перевода поэтами, третья строка: «растекашется мыслию по древу». Очевидно, отказывая Бояну в способности мыслить — несмотря на то,

что Боян Вещий — наши поэты-перелагатели перелагают слово «мыслию»... в белку-векшу.

А означает эта строка то, что Боян, когда творил свои песни — «помнишь ты бо, рече, пьрвых времянь усобице», — растекался мыслью по библейскому «Древу ведному», то есть — по библейскому «Древу познания добра и зла». Это то самое дерево, которое растёт посреди Рая, и с которого Ева сорвала яблоко и т.д., а метафора с его упоминанием в русском языке (и не только в русском) вот уже две тысячи лет понимается как «размышление о жизни, о её добре и зле».

Но вот как перевёл эту строку ещё в девятнадцатом веке в своём переложении «Слова о полку Игореве» поэт А. Майков: «Быстрой векшей по лесу носился» — Боян, разумеется... И в какие только дебри не занесёт поэта вдохновение... Об усобицах первых времён в русской земле можно рассказывать в образах: «серым волком по земле» или «сизым орлом под облаками», но что можно рассказать о событиях в русской земле в образе белки «носящейся» по лесу?! Вот так... поэты, а с образностью не в ладах. А наш современник, поэт Игорь Шкляревский перевёл эту строку так: «растекался белкой по дереву». Способна ли белка растекаться?.. Заглянем в «Словарь русского языка»: «Растечься — потечь в разных направлениях или образовать большую лужу». Ну-у... я думаю, что это типичное свойство скорее поэтов, чем белок. А вот «Растекаться — излагать что-либо очень пространно, излишне подробно», — это «Словарь русского языка» подтверждает. И именно об этом сообщает нам строка из «Слова о полку Игореве»: «растекашется мыслию по дереву», а не о белке, скачущей по дереву.

Вот уже двести лет толкователи «Слова о полку Игореве» утверждают, что в его тексте имеются «тёмные места», которые, по их мнению, были понятны только современникам написания этого произведения, и совершенно непонятны нашим современникам. Так ещё со времён А.С. Пушкина (а толкователи любят ссылаться на Пушкина) к этим «тёмным местам» они относят и три первые фразы «Слова». Темнят, прямо-таки, с первых строк.

По их мнению, в этих начальных предложениях содержатся противоречия: в первом начальном предложении автор произведения предлагает «братьям» начать повесть «старыми словесы», а во втором — «Начатии... по былинам сего времени, а не по замышлению Боянову». И эта якобы коллизия, некоторым нашим современникам совершенно непонятна, и они тратят много умственных усилий, чтобы её устранить. И устраняют, всяк по-своему. Вплоть до полного

отрицания вопросительного смысла первой фразы, и выворачивания её наизнанку. Например, такое: «Негоже было бы нам, братья, начать старыми сказаниями трагическую повесть о походе Игоревом...»

Но почему же «Негоже»?! Ведь в «Слове» используются мотивы и стиль старых — времён Бояна — сказаний, и «старые словесы», т.е. языческая фразеология... Но толкователя это не смущает... А это потому, что нюансов исторического времени, в котором писалось «Слово», ни в общем, ни в частности он не понимает... Но смело, вооружившись магическими (для издателя) научными терминами — «текстология» и «семантика», ничтоже сумняшеся толкует текст великого исторического произведения «от фонаря»: у нас, видите ли, теперь свобода и демократия. К тому же, хотелось бы слышать, чувствовать язык древней Руси, а тебе преподносят латынь: «трагическую повесть»...

Напомним, текстология — это «отрасль филологии, занимающаяся установлением точного текста литературных памятников и исторических документов для научного издания». А семантика — это «смысловая сторона языка, отдельных слов и частей слова».

Вышеприведенная фраза — это первое предложение из сочинения Ю.М. Басова: «Слово о полку Игореве. Текстологическое исследование», напечатанное в Белгородском общественно-политическом и литературно-художественном журнале «Звонница», № 5, 2004 год. Там же, во вступительной статье редактора «К «Слову», имеется такая заключительная фраза: «Редакция просит читателей высказать своё мнение по сути этой работы в целом или по отдельным (спорным) фрагментам».

Что касается сути... Она заключается в том, что Ю.М. Басов отважился текстологический текст, т.е. — «установленный точно текст литературного памятника для научного издания» под редакцией Д.С. Лихачёва, подвергнуть собственной текстологии и семантики. На этот смелый труд его подвигли, очевидно, поэты-перелагатели: он на них часто ссылается. Но эти поэты ведь не замахивались и не претендовали на текстологию и семантику: она писана не для них. А Басов смело правит текст не только Лихачёва, что допустимо, но и текст самого автора XII века, что совершенно недопустимо. Возьмём для примера, такой «отдельный (спорный) фрагмент» (а они сплошь и рядом). Рассказывая о ночном побеге князя Игоря из половецкого плена, автор «Слова о полку Игореве» усиливает драматизм события состоянием погоды: он изображает ночную бурю.

*Прыснуло море в полночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.*

Кстати, эти строки указывают на место пленения князя Игоря — берег моря-озера Лиман. Море, конечно, небольшое, но для художественного воображения вполне достаточное. И как же Ю.М. Басов предлагает автору «Слова» исправить две первые строки? Он пишет: «Слово „прыснуло“ следовало перевести „расплескалось“ или „разыгралось“, смерчи — скорее „туманы“, чем „смерчи“», (это он у поэтов подсмотрел). Следовательно, по текстологии и семантике Ю.М. Басова получается — и это у него написано — так:

*«Расплескалось море в полночи,
Клубятся туманы облаками».*

Но, согласно нормальной семантики, глаголы «прыснуло» и «расплескалось» очень разные по характеру действий: ведь море плещется и в совершенно тихую погоду, а прыскает только в бурю. И в полночи туманы ещё не клубятся, потому что воздух ещё не остыл... И клубятся туманы только в тихую погоду... Так Ю.М. Басов, в купе с издателями, усмиряют авторскую бурю-непогоду в тишь да гладь... Но, я думаю, вызывают бурю возмущения у нормального читателя. Это, так сказать, краткая реплика на просьбу редакции нашего белгородского журнала «Звонница».

Теперь, очевидно, нужно перевести приведенный в начале древнерусский текст начальных четырнадцати строк на современный русский язык:

*Не хорошо ли нам рассказать, братья, [извиняющий вопрос]
начав старыми словами, [с употреблением языческих слов]
печальную повесть о походе Игоревом,
Игоря Святославича?*

*Начаться же этой песне [придётся]
по былинам сего времени, [автор может только писать]
а не по замыслению Боянову. [Боян пел и играл на гусях]
Боян же вещий,*

*Если хотел кому песнь воспеть,
То растекался мыслию по древу, [по библейскому «Древу ведному»]
серым волком по земле, [обозревал землю в образе волка]*

*сизым орлом под облаками. [обозревал землю в образе орла]
Вспоминал он, когда рассказывал,
Первых времён усобицы.*

Вот такое понимание мною этих строк. Как же их понимают и комментируют наши историки? Не будем мелочиться, начнём с главных. Возьмём для примера строки обширного комментария к изданию «Слово о полку Игореве» (М.: «Детская литература», 1970), касающиеся характеристики Бояна и содержания вышеприведенных строк, за подписью — Д. Лихачёв: «Боян — „вещий“, он „внук“ (потомок) языческого бога Велеса. Это „соловей старого времени“. Боян сам слагал свои песни и сам их пел, сопровождая их игрой на каком-то струнном инструменте.

Своё произведение автор „Слова о полку Игореве“ противопоставляет произведениям Бояна: „Начатии же ся тьй песни по былинамъ сего времени (то есть по действительным событиям нашего времени), а не по замыслению Бояню“. При всем своём уважении к славе и величию Бояна автор „Слова“ подчеркивает неприемлимость для себя его „старых словес“».

Разумеется, Дмитрий Сергеевич не говорит здесь ничего нового — это традиционное понимание нашими историками этих строк. Но я вынужден «при всём своём уважении к славе и величию» Д.С. Лихачёва, ему «круто» возразить. Как же так, Дмитрий Сергеевич, откуда это утверждение: «автор „Слова“ подчеркивает неприемлемость для себя его „старых словес“»? Ведь автор в первых же словах своего произведения заявляет, что он будет писать «старыми словесы». И настолько украшает своё произведение этими «старыми словесы», что некоторые историки за это считают его язычником. Именно из-за этих старых словес, которые во времена Бояна ещё употреблялись, а во время автора «Слова» вышли из моды, а точнее — были под запретом. Если не понятно, — это фразеология с упоминанием языческих богов: «внуки Велеса», «внуки Дажьбога», «ветры Стрибога», «Карнь», «Жели», «Дива» и прочей языческой нечисти. И, очевидно, какая-то из них затуманивает мозги нашим историкам.

Но читаем ещё: «Своё произведение автор „Слова“ противопоставляет произведениям Бояна». Вот те на!.. Откуда же это «противопоставление», извините, «высосано»? А тут же поясняется: «Начатии же ся тьй песни по былинам сего времени (то есть по действительным событиям нашего времени), а не по замыслению Бояню».

Да, действительно события своего времени автор «Слова» описывает, но ведь большая часть его произведения посвящена событиям сто-

летней давности — времени Бояна... И автор прямо заявляет, что он будет рассказывать о событиях «от старого Владимира, до нынешнего Игоря», то есть о событиях, происходящих 200 лет назад, — с языческих времён. И прекрасно выполняет своё обещание. А нас уверяют, что автор говорит только о «действительных событиях нашего [своего] времени», и тем «противопоставляет» себя Бояну, — чепуха какая-то... И всё это из-за превратного понимания двух слов: «не по замыслению Бояню», в которых автор сообщает лишь то, что он не будет петь и играть на гусях, а будет лишь писать своё «Слово о полку Игореве».

А события (былины) времени автора «Слова» действительно отличались от событий (былин) времени Бояна Вещего — это события второй половины XI века, — от событий второй половины XII века. Отличались они переменами в русском христианстве. В течение этого столетия велась борьба между сторонниками старорусского христианства и сторонниками христианства провизантийского. Продолжалась эта борьба и с вокняжением на Киевском столе провизантийских князей, Всеволода Ярославича и его сына Владимира. Борьба была не равной, и старое русское христианство ещё сохранялось в Тмутароканском монастыре — оттого этот монастырь, да и вся Тароканская земля оказались изгоями русской истории. Закончилось всё, очевидно, с татаро-монгольским разорением.

Автор «Слова о полку Игореве» не был язычником, он был старовером своего времени, таким же, как и Боян Вещий — Никон Великий. Десятилетнее пребывание Никона Великого (1078–1088) в должности игумена Киево-Печерского монастыря наши историки считают «тёмными годами»: все письменные источники тех лет были уничтожены провизантийцами. И автор «Слова» ничего в своём творчестве не противопоставляет Бояну, а подражает ему, заимствует его слова, фразы и даже целые абзацы из его произведений. Старовером он был в душе, но новым церковным уставам подчинялся. А они запрещали служителям культа петь светские тексты даже без музыки. Записывать тексты светского содержания (летописные) было можно. В этом и было отличие «былин» времени Бояна Вещего, от «былин» времени автора «Слова». И в этом заключается моё «крутое» возражение академику Д.С. Лихачёву и всем прочим толкователям «Слова о полку Игореве».

Что же касается поэтов, то никакой «крутизны» у меня на них не хватит. Ведь у них и фантазия побогаче, и лексика побойчее. Возьмём, для примера, текст из книги Игоря Шкляревского «Читаю „Слово о полку...”» (М.: «Просвещение», 1991): «Автор „Слова...” против-

поставляет свою аскетическую поэзию растекающемуся белкой по древу Бояну. Не приемлет его витийствования. Но благородство и гений автора не позволяют ему перейти к грубой полемике, лишит Бояна эпитета Вещий. Струны Бояна рокотали князьям славу — автор „Слова...” величаво осуждает их за ограниченность и слепоту».

Вот так... даже струны Бояновы «величаво осуждаются за ограниченность и слепоту». Но струнам зрение, вообще-то, и ни к чему. А вот поэтам, прежде чем судить, «разуть глаза» не мешало бы. Да и на границы своей «ограниченности», тоже обратить внимание...

А в общем книга Игоря Шкляревского хорошая, читать можно, вот только Бояна Вещего жалко... Ведь если, по словам Шкляревского, «благородство и гений автора» «Слова...» не позволили ему лишит Бояна эпитета Вещий, то он, Шкляревский, не обременяясь этими достоинствами, делает это запросто: лишает Бояна эпитета Вещий и присваивает ему эпитеты: «тупой» и «слепой». Но тут, как говорится: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

И какие только «витийствования» не приписываются нашими толкователями «Слова», а всё для похвальбы витийствовастью своих же сочинений. Жонглирование словами без понимания сути исторического времени, к которому относится это повествование, называется по-русски — словоблудие. И для великой армии учёных и неучёных любителей этого увлекательного занятия, «Слово о полку Игореве» — благодатная нива. И очень даже может быть — принадлежит к ним и автор этого очень критического повествования.

25.09.2004 г.

P.S. Вчера, 9 октября 2004 года, увидел и услышал по ТВ приятное для меня сообщение. Оказывается, что у меня есть очень именитый соратник (сопричастник к одной рати) по привлечению общественного внимания к библейскому символу противоборства человеческих страстей — «Древу добра и зла».

Этот соратник — скульптор Эрнст Неизвестный. Он держал свою рать десять лет и добился успеха: его скульптура «Древо добра и зла» высотой семь метров установлена в Москве. А её меньшая копия, по словам автора, стоит в Организации объединённых наций в Америке.

На этой скульптуре Эрнста Неизвестного, как я понял, изображены эпохи человеческой истории в личностях, символизирующих эти

эпохи. Интересно, изобразил ли Эрнст Неизвестный на этом памятнике Бояна Вещего, как символ XI века?.. Если нет, то очень жаль... И будут ли после установки этого памятника читатели, а особенно перелагатели «Слова о полку Игореве» правильно понимать смысл его отдельных строк, упоминающих это «древо»?..

К тому же давно известен вербальный памятник этому «древу». Поэт и естествоиспытатель (бывали и такие поэты) Гёте когда-то сказал: «Суха теория, мой друг, а „древо жизни вечно зеленеет“». Под этим «вечно зеленеющим деревом» следует понимать вечное течение человеческой жизни и недолговечность его общественных теорий. И вдруг наши поэты заявляют, что нельзя «растекаться мыслию по дереву»... А вот растекаться белкою по дереву — это, пожалуйста...

Так кто же лучше знал русский язык и понимал библейскую метафору — автор «Слова о полку Игореве» XII века или его толкователи XX века?..

10.10.2004 г.

*Месяца января в 30, на святого
Ипполита, купила землю Боянову
княгиня Всеволодова, перед святою
Софиюю, перед попами,... А дала
за неё семьдесят гривен собольих.*

(из граффити XI века)

Загадки княгинь Всеволодовых

1

Всеволод Ярославич родился в 1030 году. Он был женат дважды. Первый раз в 1046 году. Имя первой жены (умерла в 1067 году) неизвестно, но летописцы называют её «греческой царевной», «грекиней», «мономахиней». По мнению некоторых летописцев — она дочь Константина IX Мономаха. Поздние историки это «мнение» поддерживают, они же (для удобства) нарекли её Марией. От неё Всеволод имел дочь Евпраксию, сына Владимира и дочь Анну. Вторая жена Всеволода ещё более загадочна: она неизвестна ни по имени, ни по роду-племени. Историк Петра I немец Миллер нарёк её Анной и предположил, что она княжна половецкая (умерла в 1111 году) и, очевидно, её сыном был Ростислав, погибший юношей в 1093 году — в год смерти самого Всеволода Ярославича. И судя по времени, это при ней был убит провизантийскими половцами Роман Святославич, и в результате заговора в Тьмутарокани «козарами» был схвачен Олег Святославич, и отправлен в Византию, где был сослан на остров Родос. Вследствие этих событий, и «купила землю Боянову княгиня Всеволодова». Для половецкой княжны это всё же многовато... Да и не в традициях кочевников-половцев было покупать в собственность земли... Тут хорошо просматривается «рука» Византии: здесь, на Левобережье, имели место вольности, как в неподчинении Киеву, так и в толковании канонов христианства. И севшему на киевский стол дважды византийскому зятю Всеволодову нужно было помогать... Вот такое напрашивается предположение... Но попытаемся, по возможности, заглянуть в «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Итак, загадки княгини первой. Кто она, ставшая княгиней Всеволодовой? Действительно ли она дочь Константина Мономаха и справедливо ли её влияние на русскую историю с XI века до наших дней,

как представительницы Византийской Македонской династии, и прародительницы рода Мономаховичей — главной династии, княжившей и царствовавшей на Руси до конца XVI века?

Ответы на загадки наших византийских сватов желательно начать искать издалека: от интересных, на мой взгляд, прецедентов для Руси в бурной Византийской истории.

Византийский император Лев VI царствовал с 886 года по 912 год. Царствовал долго (по византийским меркам) и успешно. По утверждениям византийских историков, он завершил строительство средневековой византийской монархии, ввёл основные её законы, за что получил прозвище Лев VI Мудрый. Это событие будет прецедентом для русской истории: на Руси появится свой Мудрый — Ярослав.

Лев VI Мудрый в период своего царствования трижды женился, но детей у него не было. Жениться в четвертый раз императору не позволяли каноны византийской церкви. Несмотря на это, Лев VI Мудрый женился в четвертый раз и жил в незаконном браке. Когда же у него родился сын, церкви пришлось отступить от своих канонов и обвенчать императора. А чтобы у народа не было сомнения в законнорожденности наследника, к его имени Константин прибавили прозвище — Багрянородный, то есть — рожденный в Багряной комнате царского дворца, где и положено было рождаться царским наследникам.

Константин VII Багрянородный царствовал с 913 года по 959 год. Это самый часто упоминаемый в нашей исторической литературе византийский император. А известен он тем, что написал для своего сына Романа очень обстоятельное сочинение — «Об управлении империей», в котором упоминаются и наши земли, и наши народы. Сын его, Роман II царствовал с 959 года по 963 год. Для нас он интересен тем, что его дочь Анна, в царствование её брата Василия II Болгаробойца (976–1025), была выдана замуж на Русь за нашего князя Владимира Святославича и, как принято считать, с нею пришло на Русь христианство. Было у Романа II ещё два сына — Василий и Константин. Константин VIII царствовал после брата Василия II с 1025 года по 1028 год. Он был отцом знаменитой византийской императрицы Зои. А знаменита Зоя тем, что была императрицей при трёх императорах: первый был Роман III Аргир (1028–1034), второй — Михаил IV Пафлоген (1034–1041), и третий, — интересующий нас, Константин IX Мономах (1042–1055).

После смерти Михаила IV Пафлогена у императрицы Зои случились серьёзные неприятности: её отстранил от власти её же приёмный сын Михаил V (1041–1042). Но, как пишут византийские истори-

ки, этим возмущился народ, и Зою вернули на царствование. С этим византийским инцидентом связано и происшествие на Руси. А поскольку, как мы условились, «в истории всё то любопытно, что принадлежит к связи происшествий», то коснёмся и этой связи.

В 1043 году Русью был совершен поход на Византию под командованием старшего сына Ярослава Мудрого, Новгородского князя Владимира. Мотивы этого похода в летописях не описаны и совершенно непонятны. Некоторые историки высказывают предположения, что поход русских дружин на Византию был организован в поддержку императрицы Зои, якобы её двоюродным братом Ярославом Мудрым. Но, как сообщают наши летописи, Ярослав не был сыном Анны византийской. Так летопись под 988 годом сообщает, что ещё до её приезда на Русь Ярослав уже княжил в Ростове, и поэтому не мог доводиться Зои никаким братом. Хотя родственные отношения на уровне сватов, наверное, были и, как покажут дальнейшие события, они успешно развивались. К тому же, не совпадают сроки отстранения Зои от власти и русского похода... Но тут, очевидно, сторонникам версии можно сослаться на плохую связь в те времена и на «долгое русское запрягание». Но загадка похода остаётся неразгаданной.

Вернувшись в 1042 году к власти, императрица Зоя выбрала себе третьего мужа — Константина Мономаха, произведя его, таким образом, в императоры, как Константина IX Мономаха.

И вот, вместо бесславного военного похода, в конце сороковых или в самом начале пятидесятых годов XI века в Византию были посланы сваты за невестой для младшего сына Ярослава Владимировича, Всеволода. Сватовство было успешным, и на Русь была привезена в жены Всеволоду византийская царевна — якобы дочь императора Константина Мономаха, Мария. И у них, у Всеволода с Марией, в 1053 году родился сын, (по Родословным таблицам С.М. Соловьёва, первой родилась Евпроксинья). Через 64 года этот сын в сочинении для своих потомков «Поучение» напишет: *«Я, ничтожный, дедом своим Ярославом, благославленным, славным, наречен в крещении Василием, русским именем Владимир — отцом возлюбленным и матерью своею — Мономахом...»*.

Так что, как видим, не народная молва присвоила Владимиру Всеволодовичу прозвище Мономах, а его мать. Если же мы посмотрим на год женитьбы Константина Мономаха на Зое — 1042, и год рождения Владимира — 1053, то взрослой невесты для Всеволода от этого царственного брака что-то не получается, хотя в Византии и выдавали замуж в 14 лет. Тут и припоминается византийский прецедент с

присвоением Константину VII прозвища Багрянородный: а на Руси повторенный, чтобы народ не забывал царского родства князей Мономаховичей с Византией.

Кто же она — эта якобы царица византийская, ставшая княгиней Всеволодовой и купившая за чем-то впоследствии «землю Боянову»?.. Возможно — в лучшем случае — она внебрачная дочь Константина Мономаха, например, от его любовницы Склирины?.. Но нам это уточнять и не обязательно... Достаточно понять, что Мария не была настоящей Багрянородной царицей. Вот поэтому, следуя византийскому прецеденту, Владимир «матерью своею» и был назван Мономахом. По-гречески мономах — единоборец.

Хотя, для пущей ясности, почему бы не уточнить... Вот с такой информацией об императрице Зое — предполагаемой матери княгини Всеволодовой — можно ознакомиться в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»: «Зоя — Византийская императрица, дочь императора Константина VIII (Македонского), известная, главным образом, своими любовными приключениями. В 1028 г., во время предсмертной болезни отца, у которого не было мужского потомства, Зоя, которой в то время было 50 лет, была выдана, из политических соображений, замуж за Романа Аргиры, получившего таким образом императорский престол (Роман III). Отправленная мужем на второй план, Зоя стала игрушкой в руках приближённого к императору евнуха Иоанна, поместившего при дворе своего брата, красавца Михаила, и способствовавшего устройству связи между Михаилом и Зоей. Здоровье Романа разрушили медленным ядом, а затем его утопили. Зоя немедленно вышла замуж за Михаила, который и был провозглашён императором (Михаилом IV Пафлогеном)), но скоро он отстранился от Зои и всецело предан сокращению о грехах. Зоя опять очутилась в руках Иоанна, захватившего всю правительственную власть и убедившего бездетную Зою усыновить племянника императора, Михаила Калафата, который после смерти дяди и был провозглашён императором (Михаилом V Колофатом). Михаил V отстранил от себя Иоанна и впадшую в мистицизм и богомольность Зою, которая была в 1042 году пострижена в монахини. Удаление Зои послужило сигналом к давно готовившемуся в Константинополе бунту, результатом которого явилось низвержение Михаила и провозглашение правительницами Зои, с которой сняли рясу, и её младшей сестры Феодоры. После полуторамесячного управления сестёр, по настоянию придворных, убеждённых в необходимости сильной, мужской власти, 64-летняя Зоя вышла в третий раз замуж за Константина (IX) Мономаха, бывшего,

вероятно, одним из её прежних любовников. Пользуясь при Константине гораздо более почётным положением, чем при предыдущих императорах, Зоя умерла в 1050 году.

Константин Мономах умер в 1055 году и был он, очевидно, не намного моложе Зои.

Да-а... А я-то представлял императрицу Зою, по крайней мере, лет на 25 моложе... Но нам эти византийские монаршие персонажи интересны постольку, поскольку они отражаются в нашей русской истории. А отражаются они в ней в такой мере, что без них, кажется, у нас и истории не было бы. Вот недавно и двуглавого орла воскресили, а какое отношение эта византийская самодержавная птица имеет к демократической России — ни один депутат объяснить не может. Нашей гордости родством с Византией перевалило уже на вторую тысячу лет. И слову «мономах», с его производными, в нашей истории тоже скоро будет тысяча лет. Хотя, как говорится, «король голый» и никакой мало-мальски приличной «одежды» на нём нет... Разве что легендарные «шапка и бармы», которые он якобы перед смертью прислал на Русь в подарок двухлетнему «внуку» Владимиру. Но гордиться родством с этим «королём» надо — это ведь наша тысячелетняя «национальная идея»... И гордимся!..

Академик Д.С. Лихачёв (по эпитету демократов — совесть нации) в статье «Предварительные итоги тысячелетнего опыта» говорит: «Тогда Василий II отдал свою сестру за Владимира I, и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту, она породнилась с императорским домом Византии. И Владимир Мономах был потомком византийских императоров. Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры».

Но, извините, всё же не совсем «вдруг» и не «сразу» всё было... И в погоне за этой самой «мировой культурой» мы находимся и поныне... Правда, были у нас семьдесят лет, когда, по утверждению прежних «тренеров», мы были впереди... А теперь другие «тренеры» говорят, что мы не туда бежали... И вот мы вынуждены развернуться и опять догонять эту «мировую культуру-цивилизацию» — во всю прыть, во все лопатки... И как пел когда-то народ — «святая простота»: «Мы Америку догоним, доберёмся до Луны! Обгонять только не станем: сзади порваны штаны».

Но мы, кажется, отвлеклись в новейшую историю... Придётся крутить «машину времени» назад, в Византию, не перегорели бы резисторы, транзисторы...

А что пишут по поводу этих исторических событий наши историки? Вот, для примера: «Альманах библиофила», выпуск 26 (М.: «Книга», 1989) с темой: «Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988)». Альманах посвящён в основном «Слову о законе и благодати» Иллариона, и времени, в котором оно было написано. В нём напечатаны статьи известных историков и даже две статьи Д.С. Лихачёва. Открывается альманах статьёй Вадима Кожина «Творчество Иллариона и историческая реальность его эпохи». В этой статье на странице 37 читаем: «Трудно сомневаться в том, что поход Владимира Ярославича в 1043 году был вызван теми или иными деятелями самой Византии. Дело в том, что с 1028 года византийской императрицей была двоюродная сестра Ярослава Мудрого Зоя (дочь императора Константина VIII, сестра которого Анна стала супругой Владимира Святого). У Зои вообще была нелёгкая судьба, а в 1042 году она была свергнута и пострижена в монахини, и только народные волнения заставили вернуть её на престол. Затем она вышла замуж, и новый император Константин IX Мономах подвергал её унижениям, в частности пытался заменить её на троне своей любовницей Склиреной. Не исключено, что Зоя, оказавшись в тяжком положении, в конце концов, тайно обратилась за помощью к двоюродному брату, Ярославу Мудрому».

Но откуда же это «в конце концов», если осенью 1042 года Зоя вышла замуж, а весной 1043 года на Византию пошли русские войска, чтобы, по версии Кожина, улаживать её семейные отношения? Но до этого она и сама прекрасно управлялась с двумя предыдущими мужьями.

По свидетельству византийских историков, Роман III был убит в результате заговора при участии императрицы Зои и её молодого любовника, будущего императора Михаила IV. В «Хронографии» Михаила Пселла рассказывается о реакции Зои на это убийство: «На поднявшийся тут крик сбежались люди, среди них императрица без свиты, с выражением глубокой печали на лице. Едва взглянув на мужа — она тотчас ушла, удостоверившись по его виду в близкой кончине».

Да и не той породы была Зоя, чтобы переживать... Её бабка Феофано (мать Анны, жены Владимира Святославича) отравила свёкра Константина VII, а потом мужа Романа II, второй муж полководец Никифор Фока был обезглавлен третьим кандидатом в

мужья Иоанном Цимисхием и Феофано на другой день пришла к патриарху Полиевкту венчаться. Но... вот тут «в конце концов» патриарх им отказал и отправил Феофано в монастырь, а Иоанна Цимисхия обвенчал на царство. Но четырнадцатилетний сын Феофано Василий (дядя Зои) вскорости избавится от него с помощью того же яда.

Если же говорить о «реальности эпохи Иллариона», как собирался Кожин, то не «неразбериха при дворе на Боспоре» была главной печатью эпохи, т.е. середины XI века, а неразбериха в христианстве того времени: уже назрел раскол церквей на западную — Римскую и восточную — Византийскую. И если Рим окормлял всю западную Европу, то Византии окормлять было некого, кроме как Русь... И все средства тут были хороши: от митрополитов до невест для русских князей, по выражению некоторых историков — «тройных коней» для Руси.

И опять Кожин повторяет: «двоюродная сестра Ярослава Мудрого Зоя». Но Ярослав был сыном полоцкой княжны Рогнеды и, следовательно, был рождён ещё в языческие времена, как и все старшие сыновья Владимира Святославича. А рождённые в христианстве дети Анны Борис и Глеб были убиты в 1015 году, по свидетельству летописей, Святополком «окаянным». Хотя покушаться на их жизнь мог и любой другой из старших сыновей Владимира потому, что они понимали: хотя сыновья Анны и младшие из них всех, но именно они с помощью Византии сядут на Киевский стол.

В 1957 году была опубликована книга «Летописная статья 1523 г. и её источники. Опыт анализа». Автор этой книги историк Н.Н. Ильин в результате анализа летописных источников пришёл к выводу, что убийство Бориса и Глеба — дело рук не Святополка, а Ярослава Мудрого. Правда, далеко не все историки с ним согласны, но дух эпохи XI века и характер отношений Ярослава с Византией, в период его княжения, этому выводу не противоречит. О стремлении Руси к «самостоятельности» от Византии свидетельствует само «Слово о законе и благодати» Иллариона, поставленного Ярославом митрополитом вопреки византийским церковным канонам.

Но Русь была для Византии, можно сказать, землёй обетованной и попытки закрепить своё влияние в ней династическими или религиозными узами продолжались. В последние годы своей жизни Ярослав, очевидно, уступил византийским стараниям и принял в свою семью посланницу Византии.

Десятью строками ниже вышеприведенного текста В. Кожина читаем: «Стоит добавить, что в 1046 году либо, может быть, несколько

ко позже, но, так или иначе, всего лишь через несколько лет после похода Владимира Ярославича, его младший брат Всеволод вступил в брак с дочерью Константина IX Мономаха, в 1053 году у них родился сын — Владимир Мономах».

Казалось бы, у автора этих строк должен был возникнуть детский вопрос: откуда у Константина IX Мономаха взялась взрослая дочь?! Нашёл в капусте — не подходит: в капусте находят младенцев... Хотя, как там было в Византии... да ещё почти тысячу лет назад — мы не знаем. Но мы хорошо знаем, что не в правилах Византии было не учитывать при международных сделках свои политические интересы. Этому учил в своём сочинении «Об управлении империей» ещё Константин VII Багрянородный. И сейчас во всём мире хитрая, «подковёрная» политика, с далеко идущими коварными намерениями, имеет нарицательное наименование — «Византийские игры». Так что, на Русь должна была быть послана в невесты Всеволоду подготовленная, политически зрелая женщина. И, по всей вероятности, инициатором этого сватовства была сама Византия.

А прецедент жульничества в византийской истории уже был. Так византийский историк Степан Таронит сообщает, что некоего митрополита из провинции Севастии император Василий II послал к болгарам для переговоров о мире. Болгары были не против мира и даже выразили желание породниться с Византией: попросив в жёны своему царю сестру императора. Очевидно, речь была об Анне. Император же с помощью этого митрополита обманул болгар: прислал им вместо своей сестры другую женщину. За это митрополит поплатился жизнью, он был сожжён болгарями как обманщик. И, естественно, никакого мира с болгарями заключено не было. А впоследствии Василий II был прославлен прозвищем «Болгаробойца».

Но то, что не прошло у болгар, на Руси прошло с успехом. Родственные связи продолжали укрепляться: дочь Всеволода Ярославича была выдана замуж за брата императора Михаила VII Дука (1071–1078) Леона, который позже попадёт в историю русско-византийских событий. Влияние Византии на исторические процессы на Руси были значительно сильнее, чем это отражено в нашей современной истории.

Возьмём, к примеру, 1073 год. В Киеве княжит Святослав Ярославич, но Византия дружит и переписывается с родственником — Всеволодом Ярославичем. И, похоже, без сомнения видит в нём будущего великого князя Руси, что с успехом осуществляется в 1078 году после загадочной гибели Изяслава Ярославича в битве на Нежатиной

ниве с тмутороканскими племянниками. Всеволод садится на Киевский стол, но этот стол ещё колеблют враждебные силы — всё те же тмутороканские князья: братья Олег и Роман Святославичи. Но с ними вскорости легко расправились византийские наёмники: Роман был убит, а Олег увезён в Византию на остров Родос.

Итак, на пути Всеволода к киевскому столу было устранено шесть русских князей. Пять из них тмутороканские. И если в авторстве убийств Изяслава Ярославича и Бориса Вячеславича на Нежатиной ниве, и Глеба Святославича в Новгороде ещё можно сомневаться, то устранением из Тмуторокани Ростислава, Олега и Романа в открытую занимались византийские наёмники. Кто же был для них «наводчиком»? А, без сомнения, византийской «наводчицей» была для них княгиня Всеволодова. И вот, после этих славных трудов, она решила наградить себя приобретением в собственность (хотя бы и номинальную) этой злополучной тмутороканской земли, как «земли Бояновой» — названной так по мирскому имени тмутороканского епископа, а затем Печерского игумена Никона Великого.

Как я уже писал, деньги, уплаченные священнослужителям за «землю Боянову» пошли, очевидно, на строительство женского Свято-Андреевского монастыря, в котором впоследствии станет игуменшей дочь Всеволода Ярославича Анна (Янка), и монастырь будет называться — Янчин монастырь. Так что, княгиню Всеволодову нужно считать основоположницей женских монастырей на Руси, а первый взнос в это дело был внесён от «земли Бояновой». И, как свидетельствуют летописи, влияние женской половины Всеволодова Дома на политическую обстановку в Киевском государстве было очень высоко.

Под 1097 годом в летописи помещён пространный рассказ, как после Любечского совета князей был ослеплён Василько Ростиславич. А это сын отравленного в Тмуторокани Ростислава Владимировича. И, конечно же, он жил с отцом в Тмуторокани, а возможно, и родился в ней. Следует заметить, что коварные методы отравления и ослепления противников были заимствованы русскими князьями в Византии. После этого события, по свидетельству летописей, стала назревать большая междукняжеская война. Летопись рассказывает: «На следующее утро собрались они [князья] перейти через Днепр на Святополка. Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: „Молим, княже, тебя и братьев твоих, не губите Русской земли“. Всеволодова же вдова и митрополит при-

или к Владимиру, и молили его, и поведали просьбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую, и биться с поганями. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: „Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить”».

Так с помощью вдовы Всеволодовой и митрополита военный конфликт был улажен. Правда, это была уже не первая жена Всеволода Мария, а вторая — мачеха Владимира. И, несомненно, этот летописный рассказ повествует о большом влиянии на киевлян, да, очевидно, и на всех русских князей, жён Всеволода Ярославича — княгинь Всеволодовых. Вот только за ослепление Василька Ростиславича наказания никто не понёс.

Итак, что принесли на Русь византийские царевны? Первая, Анна, была царевной настоящей и потому, очевидно, преуспела мало. Не прошло и года, как после её смерти, в 1011 году, Владимир женился на католичке — немецкой графине, внучке императора Оттона. Можно ли считать это показателем его не приверженности к Византии? Наверное, нет: Рим с Константинополем тогда ещё анафемами друг с другом не обменялись, и Русь об их распрях узнает позже. А после смерти Владимира сыновья Анны были убиты, что было очень сильным ударом по византийской политике.

Вторая, «липовая» царевна, оставила о себе память хотя бы тем, что принесла на Русь культ Мономаха. Шапкой и бармами Константина Мономаха (тоже «липовыми») венчали несколько веков на царство на Руси царей и императоров. Кто же он, Константин Мономах?.. Может это второй греческий Александр Македонский?.. Да нет... никаких исторических подвигов за ним не числится. Вот так, например, царствование Константина Мономаха характеризует его современник, греческий историк Михаил Пселл. Хотя, по его словам, он и пользовался милостями от императора, но желает писать «по законам правды». Оценка, данная им Константину Мономаху в книге «Хронограф» такова:

«Этот самодержец не постиг природы царства, ни того, что оно род полезного служения подданным и нуждается в душе, постоянно бдящей о благом правлении, но счёл свою власть отдыхом от трудов, исполнением желаемого, ослаблением напряжения, будто он приплыл в гавань, чтобы уже не братья за рулевое весло, но наслаждаться благами покоя; он передал другим попечение о казне, правосудить и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя, а своим законным жребием счёл жизнь, полную удовольствия и радостей...»

Как в сказке А.С. Пушкина: «царствуй, лёжа на боку». Но, возможно, такая «природа царства» и подразумевалась, при венчании на царство регалиями Мономаха наших царей-императоров.

3

В чём же причина исторической неприязни княгини Всеволодовой к Тьмуторокани? Ответить на этот вопрос нам поможет рассказ о Хазарском каганате арабского ученого-энциклопедиста первой половины X века ал-Масуди: «...Город Аттил, там, где теперь живёт хазарский царь, состоит из трёх частей, на которые его делит река Аттил [Волга]. Названная столица расположена по обеим сторонам реки. В середине реки лежит остров, где находится резиденция царя. Замок царя расположен на одной стороне острова, который мостом из лодок соединяется с одним из берегов. Жители столицы — мусульмане, христиане, иудеи и язычники. Иудеями являются: царь, его окружение и хазары его рода. Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида. Ряд евреев примкнули к нему из мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне, т. е. в 332 г.х. [943 г.] и носящий имя Арманус, обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рима в страну хазар... Что касается язычников в хазарском государстве, то среди их разновидностей находятся славяне и русы, которые живут на одной стороне города Аттил».

Император Арманус — это византийский император Роман I Лакапин (918–944). Он был фактическим правителем в малолетство Константина Багрянородного. И какие же отношения могли быть в IX веке у Византии с Хазарским каганатом, если Хазарией фактически управляли изгнанные из Византии евреи?.. Письменные источники нам сообщают, что Хазарией в IX веке было организовано несколько набегов, так называемых руссов, на Константинополь. Русы — это, конечно же, обобщенное название, в набеггах участвовали все подвластные Хазарии народы. Эти походы совершались в лодках однодерёвках, которые тонули в морских волнах, и мало кто возвращался из этих походов назад. Но беспокоили они Константинополь очень серьёзно. И Византия принимала контрмеры: она посылала к зависимым от Хазарии народам христианских миссионеров. О них рассказывают и русские летописи, и византийские хроники. Побывали в Хазарии в 861 году с миссионерскими целями и Константин с Мефодием.

Какой же народ на приобщение к христианству интересовал Константина и Мефодия? В одном из многочисленных житий этих миссионеров рассказывается, что где-то в Херсонесе Константин «нашёл... Евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашёл, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл его речи, и, творя молитву Богу, начал читать и излагать их».

Этот рассказ указывает на то, что среди этого народа уже были христиане, и что между полуостровом Таврия и местностью где они жили, была тесная связь. Где же жили русы и кто они? Русы — это племена южных славян с первых веков н.э., т.е. со времен Черняховской культуры (II–IV вв.) живших в лесостепной полосе бассейнов Днепра и Дона, и занимавшихся земледелием. Имя «Русь» произошло от греческого слова «парусия», означающего — сельская местность, провинция. И это ещё раз указывает на тесную экономическую связь этого народа с греческими причерноморскими городами. В течение веков этот народ соприкасался с Римской Причерноморской культурой, с римскими легионами, а возможно, и служил в них наёмниками: на это указывают клады римских монет, найденных на Черняховских поселениях, а ими римляне расплачивались с наёмными легионерами. Большую опасность для руссов представляли, обитавшие в причерноморских степях, кочевники. В силу необходимости выживания в этом агрессивном районе, на протяжении веков у этого народа на генетическом уровне выработался особый вид племенной организации — военная демократия и воинская доблесть. Этот способ выживания сохраняется у этого народа и поныне, и называется этот народ сейчас, к сожалению, не Русь, а Казачество.

Что пишут наши историки о руссах, о приобщении их к христианству? К сожалению, ничего вразумительного. О.М. Рапов в книге «Русская церковь в IX — первой трети XII в.» (М.: Высшая школа, 1988) очень тщательно анализирует источники и высказывания историков о крещении руссов IX веке, и о местности, где это могло происходить. О руссах он пишет так: *«Славянские племена, жившие поблизости от причерноморских степей, в развитии хозяйства обгоняли лесные племена. У них складывались излишки урожая, которые они могли реализовать на рынках, получая в обмен товары, не производившиеся в славянских землях. Однако жизнь в пограничной со степью полосе была весьма беспокойной и опасной. Там могли обитать только наиболее сильные и многолюдные славянские объединения, которые были в состоянии оказать кочевникам, да и византийским войскам, иногда заходившим далеко на север, достойный отпор. Постоянная*

борьба с различными противниками требовала выделения из славянской среды воинов-профессионалов».

Всё хорошо сказано, вот только с последнею фразею я не согласен: никакого «выделения» не было, а был воин-профессионал и он же хлебороб-профессионал, и эта традиция сохраняется в казачестве до сих пор. Приводит в вышеназванной книге О.М. Рапов и мнение наших историков о крещении руссов в 860 годах. Он пишет:

«Е.Е. Голубинский придерживался мнения, согласно которому поход руссов на Царьград был лишь один — в 860 году — и совершён он был не киевскими князьями Аскольдом и Диром, ибо они прибыли в Киев в 862 году и поэтому „никак не могли поспеть к 860 г. не только завязать сношений с греками“, но и поссориться с ними, а руссами, проживавшими в Причерноморье, в районе Подонья и Азовского моря. В.А. Пархоменко тоже высказывал предположение о том, что в источниках речь идёт об обращении в христианство азово-тмутараканской Руси, отделившийся якобы от Руси киевской в 30-е годы IX века».

Далее о первом крещении руссов О.М. Рапов пишет: *«А.В. Карташев, признавая, что Константин философ в составе византийской миссии ходил в ставку хазарского каганата, располагающегося на территории Северного Кавказа, в то же время заявлял, что это не исключает его путешествия в русскую часть Хазарии к тем самым руссам, которые ещё совсем недавно напали на византийцев, „а сейчас слали к ним послов, ища мира и даже единоверия“».*

Куда же нужно было идти византийским миссионерам, чтобы попасть «в русскую часть Хазарии к тем самым руссам»? Как видим, кроме района Подонья, называются районы «Причерноморья», «Азовского моря» и даже загадочной «азово-тмутараканской Руси».

Удивительна нелогичность мнения названных историков: за исключением района подонья, названы, в общем, степные районы, где традиционно господствовали кочевники, где не росли те самые могучие деревья, из которых выдалбливались тысячи лодок однодерёвок, в которых руссы совершали набеги на Византию. Но историков XIX века можно простить: тогда ещё не был известен археологический ареал северо-западной области Хазарии, т.е. лесостепной вариант Салтово-маяцкой археологической культуры, располагающейся в верховьях рек бассейна Дона.

Это и была та самая «русская часть Хазарии, где жили те самые руссы» вперемежку с осевшими торками. Позднее этот район в русских летописях назовётся Тьмутарокань, т.е. княжество вассальных

Руси торков. Именно население этого района Византия стремилась приобщить к христианству, отторгнуть его, таким образом, от иудейской Хазарии. Крещение это отражено в серьёзных византийских источниках и происходило оно в 60-х годах IX века, но в «Повести временных лет» о нём не упоминается. Почему?

Этот вопрос задаёт в своей книге и О.М. Рапов, он пишет: «Почему известие о крещении руссов в 866 г. не попало в „Повесть временных лет“? Может быть, Нестору было неизвестно „Окружное послание Фотия“? Маловероятно. Нет никакого сомнения в том, что крупнейшие русские церковные иерархи XI–XII вв., многие из которых являлись греками и прибыли на Русь из Византии, были знакомы с его „Окружным посланием“. Они могли бы, казалось, посоветовать Нестору или его редакторам внести в текст „Повести временных лет“ рассказ о первом обращении руссов в христианство. Тем не менее, данное событие не было зафиксировано в древнейшей летописи. Почему?»

Причину умолчания О.М. Рапов объясняет временными обстоятельствами: «... когда труд Нестора подвергался окончательной доработке, удовлетворившей Владимира Мономаха, русско-византийские отношения были весьма напряжёнными». Очевидно, О.М. Рапов имеет в виду, произошедший в 1116 году, путч византийского зятя Владимира Мономаха Леона против императора Алексея Комнина. Путч, конечно же, был подавлен, но Мономах, как ни странно, послал в помощь Леону войска.

И всё же, исключение из летописи упоминания о крещении руссов в IX веке, имеет более серьёзную причину, и началась она раньше этих событий, а продолжается... до сих пор. Её истинное объяснение можно найти в книге «Как была крещена Русь» (М.: Изд-во полит. литературы, 1989) в статье г. Прошина «Второе крещение»: «Что же касается первого крещения, точнее, исчезновения рассказа о нём со страниц „Повести временных лет“, то оно, по справедливому мнению Б.А. Рыбакова, „вполне объяснимо жёстко проводимой в XI–XII вв. тенденцией связывать крещение Руси только с именем одного Владимира Святого, решительно отвергая миссионерскую деятельность греков в IX веке“. Теперь понятны причины умолчания летописи, — её жёсткая редакция...»

В результате, эта «жёсткая редакция» привела к забвению в русской историографии не только первого крещения руссов, но и географического местонахождения земли, где оно происходило. Рапов пишет, что дать окончательный ответ о существовании на Руси в IX веке

греческой митрополии в настоящее время невозможно из-за отсутствия дополнительных данных.

Вот такое положение у наших историков: у них нет дополнительных данных. Но кто и когда эти «данные» искал? А никто и никогда. Хотя они лежат... нет, не на поверхности, они находятся под землей — это находящиеся в бассейнах рек Дона пещерные монастыри: Святогорский — на реке Донец, Дивногорский — на реке Дон, Валуйский — на реке Оскол, Холки — на реке Оскол, Крапивенский — на реке Корень. Во времена второй колонизации этих мест, в XVI–XVII века русским населением, эти монастыри уже существовали. И это неграмотное население называло их — «турецкие погреба», а скифские курганы — «турецкие могилы». А у более грамотного населения вопрос, «когда и кем были вырыты эти пещерные монастыри?..» если и возникал, то серьёзно не ставился. В советское время от них пытались избавиться: взрывали, засыпали входы. Хотя, как говорится, и дураку понятно, что вырыты они были ещё в домонгольское время, а чтобы их вырыть, нужно было не одно столетие неторопливого монашеского труда.

Так что, «данные» о нахождении признаков христианства IX века в бассейнах рек Дона имеются. Почему их не замечают?.. Повторим: «по справедливому мнению Б.А. Рыбакова «вполне объяснимо жёстко проводимой в XI–XII веках тенденцией связывать крещение Руси только с именем одного Владимира Святого, решительно отвергая миссионерскую деятельность греков в IX веке».

Только вот небольшая поправка Борису Александровичу: ведь эту «жёсткую тенденцию» никто никогда не отменял, и датировать её надо не XI–XII, а XI–XX веками. Что же касается греческих миссионеров, то они приходили в бассейн Дона из Таврии, а христианство в Таврии было не совсем идентично Константинопольскому, хотя и являлось его митрополией. Так в Таврии были свои собственные святые, которые не числились в Константинополе — например, святой Климент. А это, по легенде, римский папа Климент I, сосланный в дальнюю римскую провинцию Таврию императором Домицианом и принявший там, как и положено истому христианину, мученическую смерть. А через девятьсот лет его мощи, в качестве святых трофеев, привезёт на Русь Владимир Святославич. Так или иначе, но христианство на Руси во времена Владимира и Ярослава было не совсем византийское: в нём просматриваются признаки арианства — это когда церковный клир и даже митрополита может назначить князь, и даже избрать прихожане. Кстати, эта традиция сейчас ещё сохраняется в

нашей старообрядческой церкви. Такие вольности, конечно же, не устраивали Константинополь. Но ко времени покупки княгиней Всеволодовой «земли Бояновой», т.е. в 80–81 году XI века, эти неподвластные Византии христианские вольности ещё сохранялись в основном в бассейнах рек Дона среди смешанного населения остатков Хазарии — княжества Торокань. И, несмотря на ликвидацию тьмутороканьских князей, отсюда ещё могла исходить и военная угроза. Там нужно было наводить византийский порядок, вот и купила княгиня Всеволодова «землю Боянову» — Тьмуторокань. К тому же, нужно было несколько смягчить обвинения Всеволода в беспардонном захвате отчин его племянников: заплатить «перед Святою Софиею» за их землю священнослужителям большие деньги...

Разгадали ли мы все загадки княгини Всеволодовой?.. Конечно же, нет... Мы их только приумножили... Хотелось бы надеяться, на удовольствие будущим исследователям и любителям славной русской истории.

31.10.2005 г.

*«И законное озеро пересохло,
евангельский же источник наводнился»*

Илларион, XI в.

Как «наводнялась» Русь?

1

Вот уже девять веков словами летописцев в «Повести временных лет» (последняя редакция 1117 г.) рассказывается «откуда пошла русская земля». Нам предлагается северная, т.е. «норманнская» версия начала русского государства. Историки, в общем, с этим согласны, вот только некоторые из них — очевидно, из патриотических чувств — возражают против «норманнизма», т.е. — главенствующей роли норманнов в построении русского государства.

Наши историки единодушны в том, что северные племена славян значительно отставали в хозяйственном, культурном и военном развитии от славян, проживающих в южных лесостепных районах — вследствие соприкосновения вторых с Греко-римской культурой Причерноморья. И при том они утверждают, что северные, менее развитые славяне спустились к югу, в район более развитых славян, и (вопреки логике исторического общественного развития) образовали славянское государство — Киевскую Русь.

Но есть ещё историки, утверждающие, что аллегорическая фраза Иллариона, в его «Слове о законе и благодати» (1051): «И законное озеро пересохло, евангельский же источник наводнился», содержит в себе не только информацию о борьбе религиозных идеологий: иудаизма и христианства, но и конкретное указание на южную, хазарскую, версию «наводнения» русского государства.

Итак, получается, что к повествующим вот уже девять веков словам летописи: «откуда пошла русская земля?», нужно поставить вопросительный знак и приступить к его аргументации. Эту аргументацию нам придётся построить в форме компиляций из цитат историков прошлых веков и даже до нашей эры.

В трудах наших историков имеются частые упоминания о том, что к летописным источникам нужно относиться критически. Но для подавляющего их большинства летописи — Священные писания, в правдивости строк которых сомневаться — большой грех.

Возьмём, к примеру, начальные строки из статьи Н.М. Карамзина «Записки о древней и новой России»: «От моря Каспийского до Балтийского, от Чёрного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известным грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев».

И здесь же — ниже через абзац: «Скандинавия, гнездо витязей беспокойных, дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Белоозера и реки Великой. „Идите, — сказали им чудь и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, — идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим“. Сие случилось в 862 году...».

Из вышеизложенного следует вывод, и это подтверждается бескомпромиссной тональностью изложения, что в отличие от греков и римлян, знавших о жизни наших предков «по сказкам баснословия», автор сообщает нам о жизни наших предков, «по верным описаниям очевидцев». И эта уверенность: выдавать легенды за истину, присуща не только Н.М. Карамзину, но и всей нашей историографии.

Так Н.А. Полевой написал труд в шесть томов «История русского народа». О своих предшественниках он отзывается так: «Древние мифы и сказки вместо истории; желание представить не правдивые изображения, но идеальных героев, законодателей мудрецов, прихотливая народная гордость; неуместное желание умничать и философствовать видны в каждом русском историке прошлого века».

Основные отличия исторических идей Н.А. Полевого такие: «Название книги „История русского народа“ показывает существенную разницу моего взгляда на историю отечества, от всех доньше известных. Оно принято вследствие мысли, на которой основано всё моё сочинение. Я полагаю, что в словах „Русское государство“ заключалась главная ошибка моих предшественников. Государство русское начало существовать только со времени свержения ига монгольского. Рурик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Рогволод основали не одно, но отдельные, разные государства».

И далее, во второй книге, главе первой, мы находим пассаж с намёком — вольным или невольным — на подражание легенд наших летописцев, легендам Римской истории. Он пишет: «Но собратия пре-

образователей Европы на берегах Ильменя и Днепра не нашли ничего древнего: мир самобытный, новый должен был здесь раскрываться. Он начался соединением племён в общество; то, что в Европе совершилось до варваров, варвары только начали в Руси. Летопись о Ромуле, Нуме и соединении сабинов с римлянами, конченное на юге Европы за семь веков до Р.Х., в Руси началось в девятом веке по Р.Х., Руриком, Олегом, соединением славян с варягами».

Так что же это за «летопись о Ромуле и Нуме»?.. Заглянем в Древний Рим: Марк Тулий Цицерон (106–43 г. до н.э.) в сочинении «О государстве» пишет: «Сам народ, минуя своих собственных граждан, с одобрения „отцов“ принял в цари иноземца и призвал Нуму Помпилия на царство — собинянина в Рим из Кур. Как только он сюда прибыл, хотя народ постановлением куриатских комиссий и повелел ему быть царём, он всё же сам внёс куриатский закон о своём империи...»

Вот так и живём: «по сказкам баснословия», заимствуем у древности сюжеты для собственных исторических легенд. Рим, как известно, основали вскормленные волчицей два брата. Но римляне были язычниками. В христианстве более предпочтительна «троица». Вот и основали нашу Северную Русь три брата: Рюрик, Синеус и Трувор — приглашённые на царство иноземцы. А кто основал южную, Киевскую Русь?.. А три брата: Кий, Щек и Хорив. Ну, а кто был основателем славянских земель?.. А три брата: Чех, Лях и Рус.

Если вы будите в Голландии, найдите в какой-нибудь музей и спросите, когда и как образовалась Голландия? Вам расскажут, что в 862 году её основал норманнский князь Рюрик, а его пригласило княжить местное население — «приходите и владейте нами».

Кто у кого позаимствовал легенду о Рюрике?.. Если учесть, что западноевропейская культура старше восточноевропейской, по меньшей мере, на тысячу лет, то, как говорится, комментарии излишни.

А, как утверждают лингвисты, в русских летописях имена братьев Рюрика, Синеус и Трувор, летописцы образовали из фонем норманских слов — «князь пришёл с дружиной». И мы читаем, и «верим в Рюрика и его братьев» вот уже тысячу лет.

Всё бы ничего... Всё человечество предпочитает жить «по сказкам баснословия», именуемых религиями. Но когда эта сказка внедряется в историю и без оговорок выдаётся за истину... Да к тому же, в традициях религии, налагается запрет на всякие иные «поползновения» к размышлению...

А «поползновения» были. Вот, к примеру, такая биографическая справка: «Эверс Иоганн Густав (1764–1813) — русский историк, выходец из Вестфалии; в 1816–1830 гг. ректор Дерптского университета, член кор. Академии наук. Представитель критического течения дворянской историографии. В своих первых работах „О происхождении русского государства“ и „Предварительные критические исследования“ выдвигал ошибочную гипотезу о хазарском происхождении Руси; критиковал и доказывал несостоятельность выдвигаемого норманистами тезиса о создании Древнерусского государства выходцами из Скандинавии и Швеции. Его сочинения отличает критическое отношение к источникам, привлечение нового фактического материала по истории Древней Руси».

Были у Эверса среди историков XIX века и единомышленники. Может, самый значимый из них М.Т. Каченовский (1775–1842). Он, по современной классификации, — основатель «скептической школы» в русской историографии. В критической статье на предисловие к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, озаглавленной «От киевского жителя к его другу» есть такие строки: «Тебе известны почтенные труды Круга, Лерберга, Эверса, сих иноплеменных соотечественников наших, учёности которых сам историограф отдаёт должную справедливость». В конце этого предложения поставлена звёздочка и имеется такая сноска: «Густав Эверс, ныне ректор Дерптского университета, в превосходных критических своих розысканиях признаёт древних русов наших не скандинавскими, но хазарскими варягами. Мысль эта с непривычки всякому покажется весьма странною, но... советуем внимательно прочитать книгу почтенного Эверса. И историограф (Н.М. Карамзин) не согласен с ним, чтобы варяги были хазары, спрашивает: „Варяги в исходе XII века имели торговлю и церковь в Новгороде: скажет ли г. Эверс, что сии купцы и сия церковь были хазарские?“ Станем отвечать вместо Эверса: „Этого я не скажу: всем внимательно читавшим мой «Критические розыскания» известно, что я нашёл в истории не одних только скандинавских варягов, но ещё и варягов хазарских; следовательно, в Новгороде церковь могла принадлежать и в самом деле принадлежала первым, о чём я именно упомянул в моей краткой Истории, вышедшей в свет гораздо прежде «Истории государства Российского»».

Странный, невразумительный спор почтенных историков: произносится фраза: «признаёт древних русов наших не скандинавскими, но хазарскими варягами». Вроде бы речь идёт о «древних руссах наших», то есть о славянах... Но нет, оказывается, что русы-варяги, — этнически и скандинавы, и хазары... А можно встретить в исторических трудах ещё и русов-скифов, и даже русов-тюрок. Но почему русами стали только славяне, а все прочие ими не стали?.. На это не то что ответ, но даже и вопрос такой у них не возникает.

В.О. Ключевский в статье «Русская историография 1861–1893 гг.» подвёл такой итог историческому XIX веку: «Самый варяжский вопрос, так долго служивший пробным камнем историко-критической мысли для пришлых и туземных историков, вспыхивая по временам случайными столкновениями и чуть не осложнившись вопросом болгаро-гуннским, кажется, убедился, что ему не выйти из области уравниваний с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убеждённую и научно сформулированную теорию. Новых направлений с принципиальными разногласиями незаметно».

Пылкая любовь наших историков к норманнской теории происхождения Руси и неприятие к рассмотрению хазарского вопроса в русской истории, отдалило комплексное изучение последнего на два столетия. Серьёзно заинтересовались Хазарией наши археологи лишь в середине 30-х годов XX века. Затем, не без приключений, продолжились в 40-х годах, после войны. И изучение Хазарии стало, скорее, вынужденным: в связи со строительством Волго-Донских каналов и водохранилищ.

В журнале «Советская археология» за 1990 год, в № 2 помещена статья С.А. Плетнёвой «Хазарские проблемы в археологии». Нам для выяснения этих «хазарских проблем» придётся взять из этой обширной статьи несколько цитат. Начало статьи: «Исследования в области „хазарской археологии“ началось 50 лет назад с блестящей статьи М.И. Артамонова: „Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии“, опубликованной в „Советской археологии“. В ней автор обосновал археологическим материалом тезис о том, „что население Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде“. Вторым, не менее важным, выводом этой работы явилось разделение этой в целом единой культуры на два варианта: лесостепной и степной. Далее говорится, что лесостепной вариант получил название „Салтово-Маяцкий“, — по имени городищ

Салтов и Маяки, и что археологическая культура бассейна Дона является остатками поселений и могильниками „оседающих кочевников”».

Далее С.А. Плетнёва пишет: «...ближайшими помощниками и соратниками М.И. Артамонова стали И.И. Ляпушкин и А.Я. Якобсон. Первый взял на себя руководство раскопками синхронных Саркелу памятников, попадавших в зону затопления. И.И. Ляпушкин с полной, свойственной этому ученому основательностью доказывал, что принадлежали они не только к „хазарской”, но и к славянской (роменско-боршевской) культуре. Надо сказать, что и Саркел, завоеванный в 965 г. Святославом и превратившийся после этого в древнерусский городок Белую Вежу, ещё до этого завоевания начал постепенно заселяться славянами. Таким образом, раскопки Волго-Донской экспедиции позволили поставить ещё одну весьма существенную проблему в археологическом хазароведении, а именно: выявить довольно тесные отношения основного населения каганата с их соседями — северными и северо-западными славянами, очевидно, постепенно проникавшими на центральные земли этого государства».

Кто в чьи земли изначально проникал — это ещё большой вопрос. Но, очевидно, что здесь, в этих землях и в те века, и «кипел тот котёл, в котором варилась та славяно-хазаро-византийская историческая субстанция», из которой и образовался первоначальный «кристалл» Русского государства, а не три брата варяга его построили.

3

По утверждению арабского географа X века Ибн Хаукаля, в IX веке было три центра Руси. Он сообщает: «...И русов три группы. Первая группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая, главная из них, называют её ас-Славийа, и царь их в городе Салау. Третья группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их. И достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его. Что же касается Арсы, то я не слышал, чтобы кто-либо упомянул о достижении её чужеземцами, ибо они убивают всех чужеземцев, приходящих к ним. Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих, и товарах своих, и не позволяют никому следовать за собой, и входить в страну свою. И вывозят из Арсы чёрных соболей, чёрных

лисиц и свинец, и некоторое число рабов. Русы — народ, сжигающий своих мертвых. ...

Русы приезжают торговать в Хазар и Рум. Булгар Великий граничит с русами на севере. Они (руссы) велики числом и уже издавна нападают на те части Рума, что граничат с ним и налагают на них дань».

Под этой публикацией имеются пояснительные примечания, которые даёт известный наш историк А.П. Новосельцев. К первой группе, с городом Куйаба — это Киев. К третьей группе, с городом Арса — это, очевидно, Новгород. А вот в примечании ко второй группе, с городом Салау говорится: «Очень показательно наименование этой группы русов „высшей” или „главной”». И всё... О предположительном месте нахождения этой группы русов — ни слова... Может потому, что в сущности Салау и в переводе не нуждается — это Салтов. Это то самое городище, по которому и назван лесостепной вариант Салтовской археологической культуры. Вот только «главных» русов наши археологи никак не могут найти. Правда, попытки были. Привожу строки из вышеупомянутой статьи С.А. Плетнёвой: «Правда, Д.Т. Березовец предлагал ещё своеобразное решение этнической принадлежности салтовской культуры (лесостепного варианта). По его мнению, это были русы. Следует с удовольствием заметить, что эта точка зрения не нашла дальнейшего развития ни у самого автора, ни у других украинских археологов».

И ещё в статье С.А. Плетнёвой сообщается, как археолог Г.Е. Афанасьев интерпретировал лесостепной вариант, «как земли буртасов». После этого говорится: «К сожалению, уверовав, видимо, в правомочность такого быстрого и безапелляционного метода, вслед за Г.Е. Афанасьевым пошёл и А.Г. Николаенко, объявивший в серии газетных волоконовских статей Пеньковские памятники принадлежащими руссам. Лёгкость этнических толкований без солидных фактических данных очень заразительна».

У меня есть книга А.Г. Николаенко, изданная Белгородским краеведческим музеем в 1991 году. Называется она: «Северо-западная Хазария, или Донская Русь». В этой книге А.Г. Николаенко в статье «Русь: Донская и Киевская» излагает свою концепцию о Руси и Хазарах. И опять не без помощи пресловутых «братьев». Он пишет: «Один из авторов XII века сообщает: „Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и так как не имел места, которое пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и

попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться». Это только начало сказки, которую автор, похоже, выдает за истину.

А концептуальные выводы А.Г. Николаенко таковы: «Славяно-русское население Поднепровья воспринимало русов-тюрок Донской Руси как хазар. Этим подчеркивалось их тюрко-язычность и родство с собственно хазарами...». Конечно же, родство несомненное, — это если верить, что Рус и Хазар родные братья... А вера, по выражению С.А. Плетнёвой, «безапелляционна», обжалованию не подлежит. Но читаем дальше: «Восточные письменные источники называют население Донской Руси руссами-тюрками, древнерусские летописи — хазарами. Но в том и другом случае говорится о тюркской этнической принадлежности основной части донского населения. К тому же, восточные источники, употребляя этноним русы-тюрки, напоминали о симбиозе тюркского компонента с местными руссами».

Ну что тут скажешь?.. Во-первых, о восточных источниках, употреблявших словосочетания Донская Русь и русы-тюрки, я не слышал. А, судя по реакции на концепцию А.Г. Николаенко, доктор исторических наук С.А. Плетнёва тоже не слышала ничего подобного. И напрасно Анатолий Григорьевич своё авторство приписывает «восточным письменным источникам»: логика в первом словосочетании всё же есть. Во-вторых, этноним — это имя одного «чистого» этноса, а разделенное дефисом, — это уже два «нечистых». А в-третьих, «о симбиозе тюркского компонента с местными руссами». Извините, симбиоз — это «сожительство организмов разных видов», а все люди, я думаю, относятся всё же к одному виду. Очевидно, автор подразумевал этногенез. Генезис — это «происхождение, возникновение, процесс образования». И данный термин, по-моему, здесь более подходит.

Насчёт этногенеза, процесса образования... Славяне и тюрки относятся всё же к разным расам. Славяне — брахицефалы-европейцы, т.е. короткоголовые, а тюрки — долихоцефалы-азиаты, т.е. длинноголовые. Возможен ли между ними этногенез, смешение?.. Ну, это детский вопрос. Предположительно, такой этнос, — через который более всех прошли катаклизмы передвижения кочевников первого тысячелетия, по летописным определениям, от свирепых гуннов до лукавых печенегов, и оставили в нем генетический материал, особенно последние, имеется, но говорит он не по-тюркски, а по-украински.

Но читаем дальше статью С.А. Плетнёвой: «Казалось бы, что эти раскопки станут мощным импульсом в развитии хазароведения. Однако случилось непоправимое. В страшный 1951 г., когда весь-

ма активно „отлавливались“ очередные „враги народа“ (в тот раз — врачи-отравители), в „Правде“ появилась небольшая статейка о неверной, явно завышенной в советской исторической науке оценке роли Хазарского каганата, официальной религией которого был иудаизм. При этом имелись в виду в основном работы М.И. Артамонова. Хазароведение получило сокрушительный удар».

Далее С.А. Плетнёва пишет, что первый том «Трудов Волго-Донской экспедиции» вышел в 1958 году. В нём, в вводной статье М.И. Артамонов написал, что «Хазария была тогда большим государством». И что «Первый том почти наполовину написан И.И. Ляпушкиным», который, «Вслед за Артамоновым признаёт, что археологическая культура делится на два варианта — лесостепной и степной. Недоговорённой остается в работе И.И. Ляпушкина только концепция о Хазарском каганате. Создается впечатление, что ни хазар, ни такого государства как бы совсем не было. Характерно, что обошёл молчанием хазарский период в истории Херсонеса и А.Л. Якобсон в книге, вышедшей в 1959 году. Объясняется это, видимо, всё ещё длившимся в те годы „замешательством“».

4

Уважаемая Светлана Александровна, я пишу свою дилетантскую статью на исходе 2003 года. Судя по заголовку и содержанию Вашей статьи «Хазарские проблемы в археологии» и в 1990 году, упомянутое Вами «замешательство» и «проблемы» ещё сохранялись. А в последующие годы мы настолько «замешались» в своей истории, что совсем не до Хазарии. Вы пишете, что «лёгкость этнических толкований очень заразительна». Согласен. Очевидно, заразился и я: вот приходится писать, а если что не так, сошлось на эту самую «заразу». А если серьёзно... Вот этот абзац из вышеупомянутой статьи А.Г. Николаенко мне нравится: «Без истории Донского региона и Донской Руси невозможно достаточно правильно написать историю Киевской Руси и Хазарского каганата. Хотим мы этого или нет, но это так. Донская Русь — соединительное звено в средневековой истории Восточной Европы, оказавшее огромное влияние на политику и экономику своих соседей».

В 1968 году М.Н. Тихомиров в статье «Русская культура X–XVIII веков», цитируя символическую формулу Иллариона — «озеро законное иссохло, евангельский же источник наводнился», — писал: «В этих словах Иллариона заключается противопоставление Ха-

зарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро — это Хазарское царство, наводнившийся источник — Русская земля. Прежние хазарские земли должны принадлежать Киевской Руси. Под видом церковной проповеди Илларион, в сущности, поднял крупнейшие политические вопросы своего времени, связанные со сношениями Киевской Руси с остатками Хазарского каганата и с Византийской империей».

«Слово о законе и благодати» Илларион писал в середине XI века. Сколько же веков то прошло с тех пор?! А «крупнейший политический вопрос», то бишь, «воз и ныне там». И это несмотря на то, что накоплен огромный археологический материал.

Так С.А. Плетнёва укоряет историков-археологов Ляпушкина и Яacobсона за то, что у них «недоговоренной остаётся... концепция о хазарском каганате». Но эту концепцию «договорить», написать нельзя, на мой взгляд, по весьма существенной причине. По какой?.. Ещё девять веков тому назад Илларион поведал нам, правда, в аллегорической форме, как образовалось русское государство. А ему тогда, я полагаю, было виднее. Если продолжить аллегорию — это перетекание «исторической субстанции» из «иссохшего озера» — Хазарского каганата, в «наводняющийся источник» — Киевскую Русь. А «пуповиной», через которую перетекала эта «субстанция», был расположенный по соседству с землями Руси, район так называемого лесостепного варианта хазарской Салтово-Маяцкой культуры. Как утверждает Артамонов, и это подтверждается раскопками, это население «оседало» и вступало в вассальные отношения с Русью, а Хазария, тем временем, слабела и распадалась. Вассальные отношения этого района с Русью начались, очевидно, с приходом в этот район печенегов и гузов (торков). По утверждению Л.Н. Гумилёва, торки — это «неверные гузы», т.е. — это гузы не принявшие ислам. А может они приняли христианство?.. Ведь ходили же, и не раз, византийские христианские миссионеры в Хазарию... Вот поэтому и пришли торки к границам Руси, и вступили с нею в вассальные отношения. И по выводу С.А. Плетнёвой, гузы (торки) были сильнее печенегов. Она пишет: «Слияние этих двух народов началось ещё в заволжских степях — не все печенеги ушли тогда на запад, часть из них осталась в непосредственном соседстве с гузами, подчинившись им. Об этом сохранился обстоятельный рассказ Ибн-Фалдана, проезжавшего по Заволжью в начале X века».

Когда же в X веке эти народы, печенеги и торки, пришли в верховья Донского бассейна — этот район стал называться Торокань, или по русским летописям и «Слову о полку Игореве» — Тьмутарокань.

Наши же историки эту «пуповину» обрезали, поместив Тьмутарокань за море, в Предкавказье. Какая ж после этого может быть концепция?.. Так что надо — продолжая аллегорию — этот «чемоданчик» убрать с Таманского полуострова и поставить на место — в район Салтова, в верховья Северского Донца. Кстати, выражение «на свой салтык» — на свой лад, исторически связано с этой местностью, и указывает на своеобразный, необычный уклад жизни народа в этом районе. В этом же районе имеется большое древнерусское городище Крапивенское — кандидат на град Тьмутарокань. Так что, этот исторический казус надо исправлять, иначе, пройдет ещё тысяча лет — ничего с концепцией Хазарии и Русской истории не изменится.

Но есть ещё в концепции Хазарии и Руси не менее важный вопрос — это неприятный и нелюбимый нашими историками вопрос слова и существа «Русь». И «местные русы», тут А.Г. Николаенко прав, в бассейнах рек верховьев Дона, до прихода туда разных прочих тюрков, были. Я уже приводил строки из книги доктора исторических наук В.И. Паранина «Историческая география летописной Руси». Напомним ещё: «Научные результаты двухсотлетних дискуссий состоят в том, что ни одна из школ не может внятно объяснить, что такое «русь»: если это социальная прослойка, то почему в целом ряде письменных источников, причём разноязычных, она фигурирует как этноним в ряду названий других народов; если же это этнос, то где он локализовался, в силу каких причин на определенном этапе усилился и куда в последствии исчез?».

Прекрасные, можно сказать, сакраментальные, т.е. священные для нашего народа вопросы. Вот и попытаемся в своей «школе», по возможности внятно, на них ответить. Да, я согласен, заявление самонадеянное, мягко говоря. Но приободряет изречение, очевидно, ещё языческих времён: «не боги горшки обжигают». Ведь тогда ещё и богов было много, и горшки в каждой семье лепили и обжигали сами женщины.

Часто, когда в поле находишь черепки этих горшков, представляется такая картина: уставшая переходом группа людей, может это семья, разводит костёр, ставит на камни большой толстостенный горшок и пытается сварить в нём какую-то еду, скорее всего, из растёртых на каменной тёрке зёрен ячменя. Но прогреть толстостенный глиняный горшок трудно. Сделали огонь пожарче — горшок лопается, варёво выливается, костер гаснет. Уныние и голод... Но если б они знали, что пройдут тысячелетия и обломок этого горшка станет единственной памятью о них — может это бы их и утешило. Но мы отвлеклись...

Итак, дальше мы будем искать «русь»... как это ни странно звучит... Но сначала нам нужно выяснить, как славяне (а мы надеемся, что «русь» — это в основном славяне) появились в землях Восточной Европы. А ответы на этот вопрос у наших историков очень разные. Вот так отвечает на него М.И. Артамонов в статье «Первые страницы русской истории в археологическом освещении»: «Мы не будем задерживаться на рассмотрении остро дискуссионных вопросов о местонахождении славян до их вступления на историческую арену и о славянской археологической культуре до VI века н.э. Отметим только, что на этот счёт существуют две тенденции, одну из которых принято называть миграционистской, а другую — автохтонистской. И та, и другая представлены различными оттенками и различной степенью агрессивности. Особенной петерпимостью отличается вторая из них, стремящаяся из чувства ложного патриотизма максимально расширить пределы славянской прародины, или по крайней мере доказать глубокую древность проживания славян на занятой ими территории».

Заметим, что сам М.И. Артамонов относится к миграционистской — «менее агрессивной партии». Он считает, что славянские племена начали расселяться на землях Восточной Европы в VI веке н.э. Однако он не возражает и против византийских письменных источников, сообщающих о проживании славянских племён антов во II–IV веках н.э., «где-то — к северу от причерноморских греческих городов».

Членом второй — автохтонистской, «более агрессивной партии» (очевидно, потому, что была ближе к власти) был академик Б.А. Рыбаков. Он выводит славянский род от праславян «сколотов» VI–IV веков до н.э., которых он, к тому же, отождествляет со «скифами-пахарями». Так что, по Б.А. Рыбакову выходит, что прав был поэт, когда писал: «Да, скифы, азиаты мы с раскосыми и жадными очами».

Что же сообщают нам письменные источники VI века о славянах? Приведём пару примеров. В сочинении 551 года н.э. «Гетика» аланский священник Иордан нам сообщает: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племён и местности, однако главным образом они именуются склавинами и антами».

Склавинины живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место

городов занимают у них болота и леса... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти относятся друг от друга на много дневных переходов».

В 582–602 годах, в правление византийского императора Маврикия, неизвестный его современник, условно поименованный Псевдо-Маврикий, написал трактат о военном искусстве «Стратигикон». А в то время Византия часто воевала со славянами, и в трактат попало много сведений о военном деле у славян того времени и их образе жизни. Псевдо-Маврикий пишет: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинить своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иностранцам относятся они ласково и оказывают им знаки своего расположения».

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь».

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озёр. Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросшим густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днём и ночью изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей».

Итак, Иордан нам сообщает, что анты жили «на изгибе Понта» (Чёрного моря) «от Данастра до Данапра» (от Днестра до Днепра). Но побережье Чёрного моря было заселено греческим населением, там стояли греческие города, а в IV веке — с римскими военными гарнизонами. Поэтому анты должны были жить значительно севернее. М.И. Артамонов по этому поводу пишет: «Точное местоположение антов остаётся неизвестным, но, судя по событиям, описанным Иорданом, они в IV веке жили где-то в пределах так называемого Готского царства, т.е. в области распространения Черняховской культуры или в близком соседстве с нею».

Но если анты жили «в области распространения Черняховской культуры», то почему их не признать носителями именно этой культу-

ры? У того же Иордана описаны события, произошедшие в IV веке между готами и росомонами. Приведём этот рассказ. Он важен для наших дальнейших рассуждений.

«Германарих, король готом, хотя, как мы выше сообщили, и был победителем многих племён, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которые в те времена служили ему в числе других племён, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменчивый уход от короля её мужа, Германарих, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав её к диким коням и пустив их вскачь. Братья же её, Сар и Амий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о его несчастье, Баламбер, король гуннов, двинулся войной...».

В сборнике исторических очерков «Дорогами тысячелетий» (М.: «Молодая гвардия», 1988) помещена статья В. Щербакова «Века Траяновы». В ней, рассуждая о росомонах Иордана, он пишет: «Правомерно и двойное звучание „рос-рус“ для античной эпохи, оно позднее стало нормой — росомоны-русомоны. Но почему всё же не русы? Да потому, что слово „росомоны“ готское образование, записано оно рукой немецкого историка на „официальном“ языке того времени. Росомоны, вероятнее всего, целый союз племён. Имя это собирательное, оно могло быть в ходу и у самих руссов.

<...>

Археологические данные показывают, что после первого натиска готов, конфликтов между ними и руссами не было вплоть до прихода гуннов. О конфликте, совпавшем с вторжением гуннов, мы уже знаем. Область конфликта гуннов, готов и руссов того времени совпадает по времени с Черняховской культурой».

Всё так, но хорошо бы определить место, ту самую область этого конфликта, на географической карте. И наша задача, попытаться это сделать.

Много страниц посвятил историческому анализу первых веков нашей эры на землях Восточной Европы и академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси». По поводу росомонов он пишет: «...самый важный для нас вопрос, связанный с повествованием Иордана, это пересказ эпического сказания о вражде готов и росомонов. В готской и аланской среде слово „росомоны“ (вариант „росоманы“) означало „люди рос“, что позволяет нам вспомнить

свидетельство сирийского автора VI в. о народе „РОС“ где-то на северо-запад от земли амазонок, локализуемых в Приазовье, на месте остготов».

Возражая сторонникам готской принадлежности Черняховской культуры, Б.А. Рыбаков пишет: «На восток от Нижнего Днепра, как мы помним, Черняховских памятников совершенно нет, а правый, западный, берег Днепра и излучина Понта усеяна ими. Это даёт нам полное право отождествлять Черняховскую культуру II–IV вв. с антами, хотя, разумеется, в южной приморской полосе население неизбежно должно было быть смешанным, так как земледельцы здесь жили издавна, а славяне-анты просочились сюда в связи со своими торговыми операциями, дававшими им несметное количество римской монеты. Огромная область Черняховской культуры не только не была населена готами, но и не принадлежала им».

Согласимся с академиком, что «на восток от Нижнего Днепра Черняховских памятников совершенно нет». Но вот на восток от Среднего Днепра, в верховье Северского Донца мы видим обособленный ареал Черняховской культуры, о которой академик не обмолвился ни словом. А именно ради этого ареала мы и затеяли этот длинный разговор. Приведена в вышеупомянутой книге Б.А. Рыбакова и карта мифической «Империи Герианариха», которой мы и воспользуемся для нашей, надеюсь, убедительной версии-гипотезы.

6

Но прежде нам нужно разобраться со словами «АНТ» и «РОС». А, в сущности, попытаться аргументировать версию, объясняющую загадку имени «РУСЬ». Наши историки почему-то (иностранцам это должно быть не очень интересно) не замечают, что среди имён этносов: веныды, склавины, готы, гунны, имена «антов» и «руссов» выделяются тем, что они происходят из греческого языка.

Вот что пишет о слове «ант» Игорь Машников в статье «Атлантида — чёртова дюжина?» («Вокруг света», № 3, 1988): «Известно, что хеттское слово „ант“, древнееврейское „ам“, древнеегипетское „анх“ восходит к шумерскому „ан“, дословно означающему „живущий под солнцем, проживающий на земле, имеющий жизнь“».

Здесь можно ещё вспомнить героя греческой мифологии, сына богини земли Геи — Антея. И название народа земледельца Приднепровской, а согласно карте и Придонецкой лесостепи, слово «анты» могло

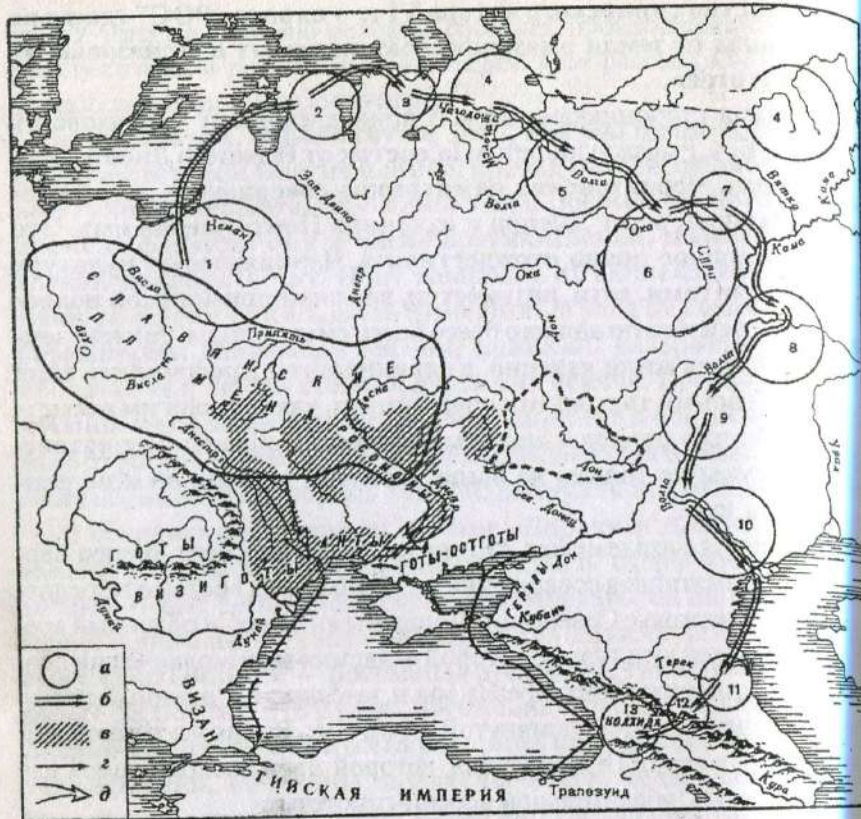

Рис. 8. «Империя Германариха» IV в. н.э. и предполагаемый итинерарий III–IV вв. н.э. ...лесостепная Хазария VII–X вв.: а – народы, упомянутые в перечне Иордана; б – порядок перечисления народов; в – основные районы Черняховской культуры II–IV вв.; г – направления морских походов III в.; д – направление славянской колонизации III–IV вв.

означать «дети земли». Потом «анты» стали называться «русью» потому, что слова эти в греческом языке близки по смыслу: по-гречески «парусия» — сельская местность, провинция. А этой провинцией для греческих причерноморских городов, да и для Византии, были хлебородные земли Приднепровской, и в какой-то мере, Придонецкой лесостепи. Итак, по нашей версии получается, что имя «РУСЬ», как и «АНТЫ» не скандинавского происхождения, а греческого.

А поскольку, как утверждает академик Б.А. Рыбаков, западный берег Днепра и излучина Чёрного моря — земли, где по византийским, готским и арабским письменным источникам традиционно жили

анты, — усеяны археологическими материалами Черняховской культуры, то «это даёт нам полное право отождествлять Черняховскую культуру II–IV вв. с антами». К этому убежденному выводу Б.А. Рыбакова мы добавим: и с русью.

А вот так характеризует Черняховские времена, II–IV веков н.э., академик Б.А. Рыбаков: «...существенным отличием черняховской культуры от предшествующей был иной, более высокий уровень

жизни: земледелие велось усовершенствованным плугом (с „череслом“ — плужным ножом), гончары заимствовали (вероятно из Ольвии) гончарный круг, усовершенствовалась выплавка железа, возобновилась после длительного перерыва широкая торговля хлебом, отразившимся в сотнях кладов римских монет, обнаруженных в лесостепи, появилось вновь множество античных предметов роскоши, ввезённых из греко-римских городов юга, изменилась форма поселений — старые укрепленные родовые посёлки сменились обширными открытыми сёлами с вольной планировкой.

Рис. 9. Фотографии 12 римских серебряных динариев I–II вв. из клада, найденного Н. Масленниковым в 1985 году.

В итоге о черняховской культуре следует сказать, что она является, прежде всего, порождением, прямым следствием того подъёма в развитии причерноморского региона и его широкой периферии, который наблюдается, начиная со II века н.э.»

Какой же этнос является «порождением» черняховской культуры? Как мы уже говорили, академик Б.А. Рыбаков является сторонником автохтонного, т.е. местного происхождения славян на землях Восточной Европы. А, следовательно, и анты-черняховцы, по Рыбакову, происходят из местных племен. Но резонно будет для ясности привести строки и другой, миграционистской гипотезы решения черняховского вопроса. Например, строки из книги доктора исторических наук В.В. Кропоткина «Могильники черняховской культуры», (М., 1985).

«В научной литературе высказаны различные мнения об этнической принадлежности населения черняховской культуры и её датировке. По-видимому, черняховская культура складывалась в конце II — первой половине III вв. н.э. в результате смешения пшеворских и вельбарских племён на Волыни и в Верхнем Поднепровье. Черняховская культура — это археологическое отражение большого союза различных по происхождению племён, возникшего в III веке н.э. в Северном Причерноморье. Во главе этих племен стояли готы. По всей вероятности, некоторые славянские племена входили в состав этого обширного племенного союза, вошедшего в русскую и зарубежную историческую литературу под именем „державы Германариха”».

Кто прав из них, кто не прав — судить не нам. Но если исходить из исторического факта, что вся вышеназванная территория в конечном историческом итоге стала землёй славянского этноса, то и во времена черняховской культуры (в первые века нашей эры) славянский этнос был преобладающим, хотя и находился, очевидно, в готской зависимости. А вот такие, подводящие итоговый вывод, строки о черняховской культуре, можно прочесть в учебнике пособия для студентов исторических факультетов: «Археология СССР» (М.: «Высшая школа», 1982): «Недостаточная изученность памятников зарубинецкой и черняховской культур, некоторое сходство в обряде погребения привели учёных к нескольким разным точкам зрения. Одна группа археологов считает, что черняховцы являются приемниками зарубинецкой культуры. Другие исследователи связывают черняховскую культуру со славянскими племенами антов. Третьи отрицают славянскую принадлежность черняховской культуры, считая её этнически разнородной (готы, фракийские и славянские, сармато-аланские племена), связывая с существованием готского союза племён в Восточной Европе.

Черняховская культура прекратила своё существование в конце IV века н.э. Её исчезновение связано с Великим переселением народов: в 375 году орды гуннов перешли Дон и разорили поселения по Днепру и Южному Бугу».

7

Итак, пора подводить итоги, делать выводы «откуда пошла русская земля». Мы установили, что никто из историков не будет возражать против того, что Приднепровская и Придонецкая лесостепь в

течение многих веков находилась под культурным влиянием римских причерноморских городов. Об этом влиянии свидетельствует богатая археологическая культура первых веков нашей эры этих районов. Это так называемая Черняховская, или Провинциально римская культура. Основа её — это глиняная гончарная посуда, на поселениях этой культуры, сходная с формами и процессом изготовления с посудой греко-римских причерноморских городов, и множество кладов римских монет, найденных в районах черняховских поселений. А согласно греческому языку, эти земли должны были называться «парусия», т.е. сельская местность, а народ, населявший их, назывался «русы», независимо от этнической принадлежности. Следовательно, «русская земля пошла» из Приднепровской и Придонецкой лесостепи. Именно земли, где археологи находят поселения Черняховской культуры, и являются теми землями, которые в русских летописях называются «русская земля».

Рис. 10. Посуда Черняховской культуры, изготовленная на гончарном круге. Среднее Поднепровье II–IV вв. н.э.

В Белгороде, в районе Ячнево при постройке гаража в 1985 году был выкопан клад римских монет численностью 166 штук. А при раскопках черняховского поселения у села Головино археологом А.М. Обломским в 1986 году была найдена монета из причерноморского греко-римского города Тира. На приднепровских черняховских поселениях таких кладов и отдельных монет было найдено много больше. Как пишет Б.А. Рыбаков о черняховском времени: «...возобновилась после длительного перерыва торговля этих районов хлебом, отразившаяся в сотнях кладов римских монет».

Он пишет «возобновилась» потому, что была, по его версии, ещё раньше торговля этих районов хлебом с Причерноморьем скифов-

пахарей. Правда, монет тех времен в указанных районах никто не находил, хотя в Древнем Риме они существовали.

Но зачем было черняховскому хлеборобу или купцу, продав хлеб, везти домой монеты, если ему нужны были греко-римские товары: одежда, оружие, посуда и даже предметы роскоши, которые находят на поселениях, и о которых упоминает Б.А. Рыбаков? На мой взгляд, к загадке кладов римских монет можно подойти несколько с другой стороны: не торговой, а военной.

Римский император Актавиан Август (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) в своём сочинении «Деяния божественного Августа» пишет: «Около 500 000 римских граждан было приведено к военной присяге на верность мне. Из них несколько более 300 000, отбывших срок на военной службе, я вывел в колонии или отпустил в их муниципии. Всем им в качестве награды за военную службу я выделил земельные наделы или даровал деньги. На это я потратил около 400 000 000 сестерциев».

В первые века нашей эры римские легионы уже комплектовались не римскими гражданами как прежде, а на 80 % наёмниками, «воинами римского народа», из подвластных римлянам племён германцев, славян и прочих варваров. О том, как выделялись земельные наделы воинам, рассказывает римский историк Гигин Младший (Грамматик), начавший свою карьеру при императоре Траяне (98–117 гг.), в сочинении «Устройство лемитов»: «Итак, знатные мужи из римлян после окончания военных действий, расширивших границы государства, определили те местности, где они ассигновали земли римским гражданам или воинам римского народа за заслуги и победы. Эти поля предназначались колонистам для обработки, поэтому их стали называть колониями.

Многим воинам легионов счастливо удалось пройти войны, и иные, даже едва начав военную карьеру, смогли перейти к мирному труду по возделыванию полей.

Ведь когда старшие командиры и трибуны выводили для ассигнации весь легион со значками и орлом, то размер участка зависел от заслуг. Согласно документам, земельные участки раздавали воинам после того, как они провели сотую схватку с врагами».

Рядовым воинам наделялось по 66 югеров. Один югер равен 2500 кв. м. Выходит, что воин получал 16 га. пахотной земли. Кстати, это в три раза больше, чем получили наши бывшие советские колхозники... Хотя некоторые из них и провели сто схваток с врагами.

Как мы установили, в силу определенных географических обстоятельств, и по свидетельству византийских и арабских письменных источников, мужское население лесостепных районов Приднестровья, Приднепровья и, надо полагать Приднечья, было искусными воинами. И, конечно же, они нанимались на военную службу в римские легионы греко-римских причерноморских городов. А, проведя, согласно римскому закону, сто сражений с врагами, они возвращались в родные места с заслуженным вознаграждением — каким-то количеством римских динариев или сестерциев. А возможно, им в родных местах выделялись и земельные наделы.

Если мы внимательно посмотрим на карту, то увидим, что черняховская культура Приднестровья и Приднепровья соприкасается с Причерноморьем, особенно правобережье Днестра. Следовательно, проникновение римской культуры в эти районы было значительным и соответственно кладов римских монет там должно быть много, что и подтверждает археология.

Согласно той же карте, в более интересном положении находилось черняховское население района бассейна Донца. Их общение с причерноморскими греко-римскими городами было затруднено. Во-первых, мы видим, что это население располагалось на самой опасной восточной окраине расселения европейцев — на острие соприкосновения цивилизаций Европы и Азии. А население Азии, как известно, было мобильным и воинственным, и черняховское население бассейна Донца должно было как-то выходить из положения: то ли воевать с кочевниками, то ли заключать с ними мир.

Во-вторых, как утверждают наши историки, и это видно на карте, к востоку от Нижнего Днепра побережье Причерноморья и Приазовья занимали германские племена остготов. По Иордану, в первые века нашей эры они являлись завоевателями Восточной Европы, создателями империи Германариха. И с ними черняховское население бассейна Донца должно было вступать в какую-то связь, смотря по обстоятельствам: нужно было выбирать кто сильнее, с тем и дружить, а обстоятельства менялись...

Так получается, что рассказ германского историка Иордана о бедах Германариха и об измене ему «вероломных росомонов», относится, вероятнее всего, к населению бассейна Донца, и это население названо Иорданом — росомоны, т.е. люди росы.

И ещё такой интересный факт обнаруживается на этой карте: граница археологической культуры черняховского времени II–IV веков н.э. в точности совпадает с археологической культурой Салтово-Ма-

яшкой, культурой Хазарского каганата, по датировке наших историков — VII–X века н.э. Из этого следует интересный вывод: археологическая граница этих двух культур образовалась ещё в IV–V веках, во времена черняховско-гуннские и просуществовала пятьсот лет, и, очевидно, без таможенных постов... Но прошло ещё тысячу лет, и эти посты кое-где на ней появились. Вот такая история...

8

Кстати, здесь попутно желательнo коснуться ещё одной исторической загадки этого района — загадки «тропы Траяновой». О ней нам извещает «Слово о полку Игореве» в обращении к памяти Бояна:

*О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаками,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыцзя по тропе Траяна через поля на горы.*

Наши историки, в частности академик Б.А. Рыбаков, считают, что речь идёт о римском императоре Траяне (98–117 гг. н.э.), во времена которого якобы процветала торговля причерноморских городов с племенами лесостепи, в результате которой и остались клады римских монет. При этом Б.А. Рыбаков имеет в виду Карпатские горы и земли Правобережья Днестра. Но ведь поход князя Игоря и поездки Бояна (Никона Великого) происходили на левой стороне Днестра, в направлении Дона Великого, т.е. реки Донца, как бассейна Дона. Следовательно, по «Слову о полку Игореве», «тропа Траяна» должна находиться на левой стороне Днестра.

Для разрешения загадки «тропы Траяновой», по-моему, более подходит другой Траян — это Траян сын бога Одина из скандинавской мифологии (Мельникова Е.М. Древнескандинавские географические сочинения. — М., 1986). Согласно шведскому мифу, шведский народ когда-то вывел из Передней Азии, из Трои сын бога Одина Траян. Вывел в землю, которая на их мифологической карте очерчена и названа «великая Свитьод», то есть «великая Швеция, а Швеция современная — это «Швеция малая». Границы «великой Швеции» изображены так: от Днестра — на восток до низовья Дона, и от побережья Чёрного и Азовского морей — на север до лесостепи, включительно.

Как утверждают исследователи, автор «Слова о полку Игореве» был хорошо знаком со скандинавской мифологией. Очень хорошо был

знаком с ней и Боян: именно во времена Боянов русские летописцы записали в нашу летопись легенду о трёх скандинавских братьях, основателях русского государства. И так называемый «норманнский вопрос», т.е. вопрос северных людей, не снят в русской истории и поныне. А мы добавим к нему ещё и «тропу Траянову».

Верят ли шведы в этот исторический миф? Есть основания полагать, что верят: я думаю, совсем не случайно в начале XVIII века они оказались под Полтавой, а в 2002 году серьёзный шведский учёный этнограф Тур Хейердал производил археологические раскопки в районе Ростова-на-Дону. Он пытался найти в этих краях подтверждение мифа о «великой Свитьод», но, к сожалению, в 2003 году он умер и миф остался мифом. Хотя у него могут быть и серьёзные исторические обоснования: шведы — германцы и в этом мифе, возможно, отражена память об германо-готской «империи Германариха» в этих землях?..

Но вернёмся к более реальной истории — к первым векам нашей эры, к Черняховскому периоду, к росомонам. На карте мы видим, что основная часть Черняховских поселений находится теперь за границей России, на Украине. На территории России, а именно в Белгородской области их известно сейчас около сотни. И около трёх десятков из них было найдено в свободное от основной работы время автором этих строк. И хотя бы поэтому, я считаю, что имею право высказывать свои дилетантские соображения о русской истории.

В восьмидесятых годах в Белгородскую область несколько лет приезжали археологи Института археологии АН СССР. Руководили экспедициями археологи: Андрей Михайлович Обломский и Андрей Владиславович Кропоткин. Они проводили археологическую разведку, паспортизацию найденных древних поселений и раскопки нескольких из них у сёл Хохлово, Головино, Головчино. Занимались в тех же годах археологической разведкой и паспортизацией найденных поселений и археологи БелГУ: Александр Григорьевич Дьяченко и Евгений Николаевич Петренко. К сожалению, некоторые из этих поселений, в нарушение закона об охране памятников истории, отданы под застройку.

В какой местности располагались поселения Черняховской культуры? Во-первых, можно согласиться с классическим определением мест расположения Черняховских поселений — это надпойменные террасы рек. А во-вторых, и это более важно, и интересно — на местности бассейна Донца они располагались ещё и на активных исторических местах: на путях, можно сказать, тысячелетних кочевий на летние пастбища кочевых народов. А пути этих кочевий можно ещё

проследить и сейчас по давно распаханным, но ещё заметным курганам. Большое значение для этих кочевий имели, обычно располагавшиеся в балках, степные родники. У этих родников останавливались на пастбища кочевники, здесь же, как бы перекрывая пути кочевникам, расположились и посёлки черняховцев-росов. Очевидно, что расположение их на местности было продумано и организовано, если не одновременно, то в короткий срок. И чувствовали они себя здесь, на восточной окраине европейской цивилизации, уверенно и в безопасности, разумеется, относительной и временной: по соседству были и готы и гунны.

В заключение хотелось бы поговорить, а точнее поплакаться о вышеупомянутых родниках. Если исторические культурные слои бывших поселений вблизи этих родников как-то защищены законом об охране памятников истории, хотя бы номинально, то сами родники, как удивительное явление природы, а тем более, исторические памятники, никак не защищены. И участь их в наше время печальна: они поили людей много тысяч лет, а в наше «цивилизованное» время уничтожены.

Очевидно, многие белгородцы, жители XX века, кому за семьдесят лет, помнят родник у старого деревянного везельского моста. А находился тот мост и везельское русло там, где теперь находится тоннель под шоссе. Эти белгородцы должны помнить, как этот родник поил городское население и проходящие войска всю войну. Как стояли очереди у него, несмотря на свист бомб и снарядов. Как останавливались у родника роты и полки усталых запыхлённых солдат, звенели солдатские котелки, фляжки и слышались благодарные, восхищенные возгласы солдат: «Ай, да водичка! Ай, да родничок!» Так что, имя «Благодатный родник» этому роднику было присвоено ещё тогда. Но ведь он поил людей не одно тысячелетие!.. И вот теперь, в наше «умное» время, его не стало... засыпали, заглушили. Располагалось в этом месте и поселение черняховцев-росов.

Ещё одно поселение черняховцев-росов находилось на территории Белгорода в районе бывшего села Ячнев Колодезь. Село это получило название от родника располагавшегося в вершине балки, которого теперь нет: его утопили в пруду. По сторонам этой балки, у древней дороги располагалось большое поселение черняховского времени. А в 1985 году при постройке гаража Н. Масленников выкопал здесь клад римских монет — 166 штук.

Ещё недавно, в документах XVII века — времён «Белгородской черты» — родники и ручьи, вытекающие из них, назывались «колоде-

зьями». В разрядном приказе можно прочесть такие строки: «...земляной город Болховой сооружён на северной стороне речки Везелицы, там, где в неё впал колодезь Болховец». В летописях XI века пишется «колодезь». Интересно заметить, что, согласно этимологии, это слово происходит от древне-германского «калденс» — «холодный, студёный источник». Не указывает ли это на правоту Иордана, сообщающего о русо-готском союзе в наших краях во времена «империи Германариха, во II–IV веках н.э.?

Ещё один родник-колодезь находился за поселком Дубовое в вершине балки у перекрёстка древних кочевых дорог. И здесь по сторонам балки находилось большое поселение черняховцев-росов. Теперь родник-колодезь также затоплен прудом, а паспортизированное поселение, в нарушение закона об охране памятников истории, отдано под застройку. Это место интересно ещё тем, что во времена «Белгородской черты» здесь располагалась белгородская «сторожа у Жареного кургана». Курган при строительстве дороги снесли... А следы сторожи в лесу слева от дороги ещё хорошо заметны. Располагалось большое селище черняховцев-росов по сторонам балки и у села Шагаровка. И там тоже били ключи мощного мелового родника-колодезя, который несколько столетий поил село. И этот родник теперь затоплен прудом.

И что же это у нас получается?.. Я думаю, не о таком наводнении Руси писал в XI веке Илларион. Он писал о «наводнении» Руси евангельскими, христианскими истоками. Но будут ли когда-либо найдены и поняты истоки самой Руси?.. Я в этом сомневаюсь: они равнодушно уничтожаются. И тайна «россов» канет в лету — реку забвенья, как эти родники-колодези.

2003–2004 гг.

*«О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сия плъкы ущекоталъ,
Рыща въ тропу Трояню
Черезъ поля на горы».*

Слово о полку Игореве

Сказание об особом пути на Тавровую гору

1

«Ещё одно — последнее сказанье...». Это сказание мы начнём скзывать в 2007 году — в году, объявленному президентом России «Годом русского языка». Особенных торжеств по этому поводу не видно. Хотя у нас в Белгороде ещё весной, при собрании большого числа писателей, местных и приглашённых, возле Научной библиотеки был поставлен совсем ненаучный памятник «слову», гласящий: «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, И СЛОВО БЫЛО У БОГА». Вы спросите: какая тут связь с «Годом русского языка»?.. Ну, наверное, подразумевается, что Бог произнёс это «начальное слово» по-русски. А это получается, что мы, русскоязычные, включаемся в знаменитый библейский «Вавилонский спор»: на каком языке говорит Бог?.. А ведь ещё в те «Вавилонские времена» был проведён научный эксперимент с младенцами, их изолировали от общества, приставив к ним глухонемых воспитателей. Через несколько лет проверили результат, он был очевиден: к удивлению экспериментаторов, подросшие дети общались между собой и с новоявленным для них обществом, на языке жестов. И вот оказывается, что наше современное общество — писателей, интеллигенцию — этот «Вавилонский эксперимент» не убеждает. У меня, наблюдавшего процесс открытия памятника издалека, возникла другая ассоциация. Кстати, интересно, где они, ассоциации, возникают, в сознании или в подсознании? Наверное, при смешении того и другого — прошлого и настоящего...

Так вот, наблюдая со стороны процесс открытия этого памятника, с пением молитв и окроплением, и с умилением крестившихся писателей, мне показалось, что я присутствую при безоговорочной капитуляции, то бишь при добровольной передаче «неприкаянных наших душ» — от «инженеров человеческих душ» — к «пастырям челове-

ческих душ». Что ж, как говорит в конце своей телепрограммы В.В. Познер: «вот такие времена».

И всё же, в «Год русского языка» нужно было бы поставить памятник настоящему, дошедшему до нас через века, русскому слову — это «СЛОВУ о полку Игореве».

Но это присказка, а сказание, как и обещано в заголовке, будет в начале о Тавровой горе, на которой, или у которой, по сообщению двух очень серьёзных книг, обнародованных в Белгородской области в начале 2007 года, дружины князя Игоря при походе на половцев в 1185 году застало солнечное затмение.

Книга первая называется: «Белгородская область: история и современность» (С. Муравленко). Презентация её проходила на высочайшем областном уровне: с торжественными напутственными речами губернатора и архиепископа.

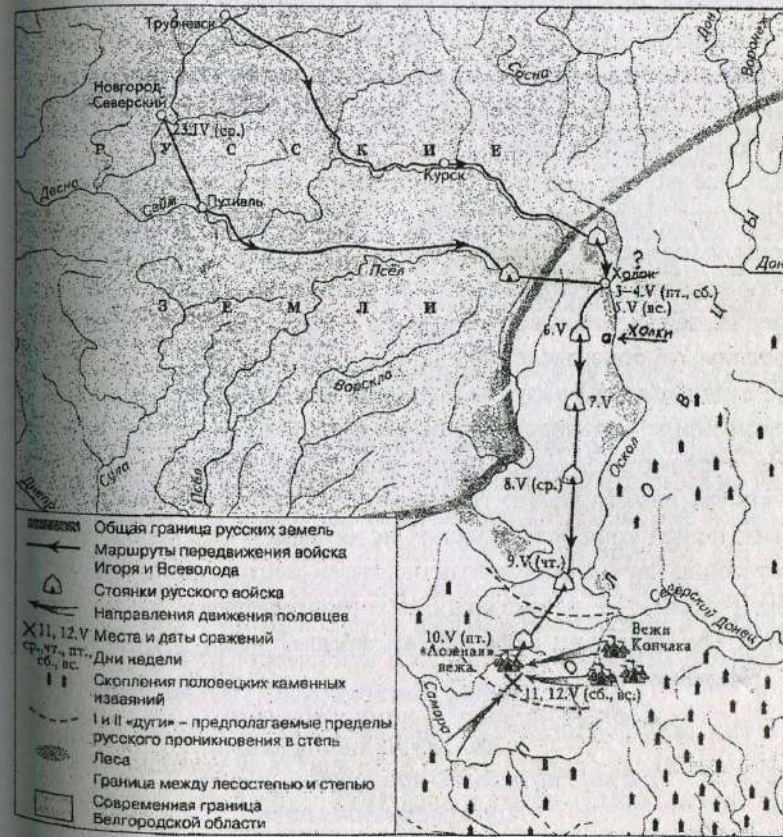

Рис. 11. Карта из книги С. Муравленко «Белгородская область: история и современность»

В этой книге, в статье о походе дружин князя Игоря по белгородской земле, со ссылкой на доктора исторических наук С.А. Плетнёву, помещена карта маршрута похода, в которой место встречи дружин Игоря и Всеволода обозначено на реке Оскол в селе Холки. Следовательно, по этой схеме маршрут их совместного похода проходил по Приоскольской земле в южном направлении.

Но в конце этой статьи говорится: «Кроме того, по мнению ряда белгородских историков и краеведов, солнечное затмение, описанное в „Слове“, дружинники князя Игоря встретили на Белгородщине, в районе Тавровой горы».

Проиллюстрирована статья о походе князя Игоря и рисунком художника В.В. Козьмина, с подписью: «Дружинники князя Игоря встречают солнечное затмение у Тавровой горы».

Вторая книга называется: «Историческая хроника Белгорода», написанная А.Н. Крупенковым и Б.И. Осыковым. В ней под 1185 годом говорится: «По одной, достаточно аргументированной, версии дружина Чернигово-Северского князя Игоря встретила солнечное затмение на Тавровской горе (ныне микрорайон Харьковской горы г. Белгорода)».

Так всё же где на белгородской земле пролегал маршрут дружин князя Игоря? И где их встретило солнечное затмение? В Холках? На Тавровой горе или у Тавровой горы?.. Вот такая образуется загадочная коллизия при чтении этих очень солидных областных изданий. И, к тому же, зачем загадывать, искренне интересующимся историей края читателям, глубокомысленные загадки? И, может быть, многие из них будут оглядываться вокруг на Тавровой или у Тавровой горы (на Харьковской или у Харьковской горы) и искать то желанное, загадочное место... Возможно, даже с целью как-то его отметить, поставить какой-нибудь памятник, что теперь модно. Хотя, как говорится в этих книгах, целый «ряд белгородских историков и краеведов» его — это «достаточно научно аргументированное» место знают. И, почему же, в таком случае, не рассказать о нём любопытному, любящему свой край и его древнюю историю читателю?.. Как написал когда-то Н.А. Некрасов:

*Добрый папаша! К чему в обаянии
Умною Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.*

Ну, правду-неправду, а убедительные (аргументированные) версии о древних путях-дорогах нашей белгородской земли и о ходивших по

ним боевых дружинах наших далёких предков, рассказать можно. Тем и указать на вероятность местонахождения вышеназванных исторических путей и мест. Но прежде с почтением и благодарностью нужно вспомнить первого автора, рассказывавшего с вдохновением, сравнимым с соловьиной песней, о том же. И строки сообщившего нам об этом неизвестного его последователя:

*О Бояне, соловию старого времени!
Абы ты сиа плъкы уцекоталь,
Скача, соловию, по мыслену древу,
Летая умомъ подь облакы,
Свивая славы оба полы сего времени,
Рища в троту Трояню
Через поля на горы.*

2

Итак, в вышеприведенных строках мы видим, что маршрут дружин князя Игоря проходил по местности, на которой имелись поля и горы. А это какой ни есть аргумент в пользу нашей белгородской, очень пересечённой местности, а среди тех гор могла быть и наша любимая Тавровая (Харьковская) гора. Но прежде чем мы займёмся исследованием древних путей, пролежавшим по этим полям и горам, нам нужно разобраться, почему на страницах вышеназванных областных изданий читателям преподносится эта загадка.

Всё дело в том, что автором маршрута дружин Игоря через Белгород является краевед.

По его «достаточно научно аргументированной» версии, место встречи дружинами Игоря солнечного затмения находится не на горе и не у горы, а в поле между сёлами Таврово и Никольское. А называть имена дилетантов в научных изданиях у нас не принято. По последним подсчётам автора, солнечное затмение могло застать дружины Игоря и дальше — в поле между сёлами Никольское и Зиборовка. Хорошо бы пройти, промерить весь этот путь конным отрядом. Но пока энтузиастов нет... «в отечестве своём».

Впервые белгородская схема, маршрута похода дружин князя Игоря, была опубликована в областной газете «Ленинская смена» 24 марта 1990 года. Второй раз в 2001 году в книге «Тайны земли Бояновой». И если в вышеназванной книге: «Белгородская область: история и современность» назвать место, указанное в этих источниках, то нужно (по правилам научной этики) назвать и фамилию автора этой

версии. А по правилам «понятий» этого делать никак нельзя: понижится научный статус издания. Вот и приходится всё слегка изменить: Тавровское поле заменить на Тавровую гору, а вместо одного автора, указать «ряд белгородских историков и краеведов».

Хотелось бы взглянуть на этот «ряд»... познакомиться, поговорить о проблемах истории родного края. Но средневековая (тем более, древняя) история края наших краеведов не интересует. Гораздо выгоднее теперь (как и прежде) заниматься конъюнктурными вопросами: дружно переключившись с героев советского времени на героев царских времён: дворян, духовенство, купцов. А почему в русском языке давно существует ёмкое слово — «мироед», об этом творцы новейшей истории умалчивают. Вот, например, такие строки, написанные на хорошем русском языке: «Прежде господа рвали душу, теперь — мироеды да кабатчики. В каждой деревне мироед завёлся». Вы, конечно, подумали, что это строки какого-то нехорошего, несвободного, тенденциозного советского писателя? Нет, вы ошиблись — это Салтыков-Щедрин. И народ, у которого «рвали душу» во времена Салтыкова-Щедрина, рвут её у него и теперь — взошедшие на благодатной российской ниве, как зубы дракона, новейшие мироеды — «новые русские». И опять приходится утешать душу классикой: «Товарищ, верь: взойдёт она, звезда пленительного счастья...» Но, извините, это, кажется, не наша тема.

А наша тема — это попытаться ещё раз, анализируя исторические и природные реальности, найти оптимальный путь похода дружин князя Игоря по белгородской земле. Естественно, у кого-то возникнет вопрос: «а так уж это важно?» Но это для кого как, а я считаю — это очень важно!

Во-первых, как известно, в нашей русской истории есть две (их много больше) неразрешимые загадки — это «летописная русская земля» и, разумеется, связанное с нею слово «русь». А тщательное изучение путей и древних поселений на пограничной со Степью (воротами поля) белгородской «русской земле» даст ответы на эти загадки.

Во-вторых, это поможет нашей слабоватой (это не только моё мнение) исторической науке правильно прочитать, понять (согласен — предположение наивное) исторический смысл самого «Слова о полку Игореве». А поскольку нашим историкам не понятен смысл «Слова», то многие из них сомневаются и в его подлинности.

В прошлом, 2007 году на собрании «Фонда А.И. Солженицына». Н.Д. Солженицына сообщила: «Литературная премия „Фонда А.И. Солженицына“ за 2007 год, решением жюри от 5 февраля 2007

года, присуждена академику Андрею Анатольевичу Зелизняку: „За фундаментальное изучение русского языка, дешифровку русских текстов. За филигранное лингвистическое исследование первоисточника русской поэзии — «Слово о полку Игореве», убедительно доказывающее его подлинность”».

Принимая эту премию, А.А. Зелизняк сказал: «У меня нет чувства, что я был бы как-то особенно доволен оттого, что „Слово о полку Игореве“ написано в двенадцатом веке, или огорчён, что в восемнадцатом. Если я был чем-то недоволен и огорчён, то совсем другим: опущением слабости и второсортности нашей лингвистической науки — если она за столько времени не может поставить обоснованный диагноз лежащему перед нами тексту».

Если в этой, последней фразе А.А. Зелизняка слова «лингвистической науки» заменить словами «исторической науки», то слова «слабость и второсортность» будут ещё более уместны.

3

Но не будем голословны. Для доказательства нашего критического тезиса, приведём в кратком изложении интересную беседу наших титулованных историков в телевизионной программе «Апокриф». Называлась эта беседа «Загадки Древней Руси». Эту программу ведёт писатель Виктор Ерофеев. Первый раз программа «Загадки Древней Руси» передавалась 18 мая 2006 года. И повторялась 28 марта 2007 года. Главные участники программы: **Ерофеев Виктор** — писатель, ведущий; **Данилевский Игорь** — доктор исторических наук; **Кучкин Владимир** — доктор исторических наук; **Одесский Михаил** — доктор филологических наук; **Вяземский Юрий** — журналист, историк.

Ерофеев: «Итак, „Загадки Древней Руси“. Чем дальше мы двигаемся в будущее, плывём по волнам нашего прекрасного настоящего, тем больше, на мой взгляд, возникает загадок по отношению к прошлому. Для меня Древняя Русь — это яркий романтический, светлый образ. Мне так хочется — чтобы в моей стране было светлое прошлое. Я знаю, что в нашей истории сохраняется огромное количество всяких загадок, неясностей и догадок. Можно ли сказать, что границы Древней Руси были не очерчены? Там не стояли посты — вот тех трёх богатырей?»

Данилевский: «Вообще Киевская Русь — это наше представление, сами они не знали, что живут в Киевской Руси. Хотя они знали,

что живут в „Русской земле”, вот это понятие было. Во-первых, существовало два понятия — это „Русская земля” вообще и „Русская земля” в узком смысле слова. По поводу „Русской земли” лучше обратиться к Владимиру Андреевичу Кучкину, который установил границы „Русской земли” с точностью до одного города».

Ерофеев: «Так давайте дадим ему слово».

Кучкин: «Что касается „Русской земли” в узком смысле слова, то мы имеем интересные летописные примеры. Вот из древнего Галича, который и сейчас существует, шли в „Русскую землю”. Как это: русские князья из русского города шли в „Русскую землю”? Но вот когда мы локализуем те места, куда шли, то получается, что „Русская земля” — небольшого размера, с центром в Киеве и, очевидно, включала ещё Переяславль и Чернигов. И первоначальная „Русская земля” занимала совсем небольшое пространство, и Новгород в неё не входил».

Ерофеев: «Но откуда, всё же, слова „русский, русская”?»

Данилевский: «Но это вопрос к филологам».

Ерофеев: «Хорошо, дадим им слово».

Одесский: «Был замечательный финский лингвист, звали его Кипарский, очень много знающий русский эмигрант. Он говорил, что есть пара вопросов, по которым высказываться практически невозможно — это происхождение слов „скоморох” и „русский”. Просто количество блокирующих друг друга гипотез таковы, что об этом уверенно говорят только те, кто не знает суть вопроса». (В студии веселье).

Ерофеев: «Главное произведение того времени — это „Слово о полку Игореве”. Вот сейчас — когда ушли все цензурные соображения, можно ли сказать чётко, что это был памятник древнерусской литературы? Или восемнадцатого века? А это прыжок невероятный для любой литературы. Была ли это имитация, пародия — как считал Набоков, как считал Анри Мазон, французский исследователь? Или это настоящее оригинальное литературное произведение?».

Одесский: «Или, как считал Гумилёв, — пародия на Александра Невского. (Смех в студии). Я думаю, что на данный момент „Слово о полку Игореве” можно присоединить к вопросу о „руси” и „скоморохах”. (Веселье в студии). Я думаю, вопрос остаётся открытым, хотя, вероятно, у специалистов есть своё мнение».

Кучкин: «Сейчас вышла книжка академика Зелизняк, который исследовал язык „Слова о полку Игореве”. Что выяснилось? А выяснилось, что такая конструкция фраз была во второй половине двенад-

цатого века. Конструкция предусматривает не только место подлежащего и сказуемого, но и определённых частиц, их употребление никакой автор шестнадцатого, семнадцатого или восемнадцатого веков знать не мог — это временная вещь».

Ерофеев: «Значит вы сторонник всё-таки двенадцатого века?»

Кучкин: «Безусловно, да. Это с одной стороны, а с другой стороны, есть там исторические реминисценции, они относятся не к двенадцатому веку, а к одиннадцатому. Ну, например, как погиб брат Владимира Мономаха Ростислав в реке Стугне. Человеку, который писал позднее, не откуда было взять эти детали. А эти детали и автору двенадцатого века не были известны потому, что эти события на много десятилетий раньше происходили. Но автор „Слова о полку Игореве” знал песни Бояна. Вот в чём дело. И это является доказательством, что — это гениальный памятник древнерусской литературы. Но сейчас есть опасения, что этот памятник будет объявлен памятником украинской литературы».

4

А, может, Владимир Андреевич, не стоит беспокоиться? Ведь если мы так, как это продемонстрировано в этой программе: с шуточками и со смехом, уравнивая загадки слова «Русь» и «Слово о полку Игореве» со словом «скоморох», будем относиться к истории своего народа и государства, то, может быть, Украина займётся решением этих вопросов-загадок более серьёзно и с должным почтением?

Интересный вопрос... Но нет, по-моему, почтения «Слову о полку Игореве» на Украине не будет. Ведь оно им (не всем, разумеется), что называется, не в масть: «Слово...» — это страстный призыв к единению Руси, а Русь украинская придумывает самые нелепые аргументы, чтобы стать «самостийной». Так бывший президент Украины Л. Кучма в своё время издал книгу «Украина — не Россия», в которой привёл очень убедительный тому аргумент. Он пишет, что на Украине и хаты белее, и плетни красивее, и в слове Украина ему слышится слово «рай». Его сменщики городят этот «райский плетень» ещё активнее. Похоже, что в результате этого плетения получится серьёзный конкурент «Великой китайской стене» — «Великий украинский плетень». Что ж, «хай» городят, история всё рассудит — дело за хорошими историками.

Но нам, на всякий случай, во избежание международных осложнений, придётся извиниться за то, что в результате наших рассу-

ний, и поисков древних дорог, мы вынуждены будем, хотя бы мысленно, заглядывать за этот украинский «райский плетень».

Для географических поисков и исторических рассуждений в книге помещены три карты-схемы похода князя Игоря. Первая схема — это схема академика Б.А. Рыбакова, помещённая с обширной статьёй к ней в книге «Злато слово», (М.: «Молодая гвардия», 1986). Вторая схема — это схема, помещённая в книге «Белгородская область: история и современность» с таким пояснением: «Многие белгородские историки и краеведы разделяют гипотезу, высказанную известным археологом профессором С.А. Плетнёвой: встреча князей произошла у крепости, возобновлённой и укреплённой русскими на древнем Холковском городище. Исследователь городища А.З. Винников тоже предположил, что встреча князей Игоря и Всеволода состоялась 6–7 мая 1185 г. На реке Оскол у Холок». Гипотеза С.А. Плетнёвой напечатана в журнале «Наука и жизнь» № 4 за 1982 г., в которой она предлагает даже не одну, а две гипотезы. Третья схема принадлежит автору этой статьи, которую он попытается, аргументируя, отстаивать в споре с известными и очень научно титулованными авторами.

Итак, поскольку «Многие белгородские историки и краеведы разделяют гипотезу С.А. Плетнёвой», то мы и приведём текст её с некоторыми сокращениями, и с пристрастием будем анализировать и аргументировать. Для удобства, наиболее интересные для нас строки мы выделим курсивом и занумеруем.

Заметки археолога о маршруте князя Игоря (Доктор исторических наук С. Плетнёва)

«Вопрос о маршруте Игоря и месте битвы его с половцами изучался специалистами и любителями. Мнения по поднятым вопросам высказывались разнообразные, противоречивые, порой абсолютно фантастические. Разбирать их все и доказывать правильность или нелепость предложенных вариантов пути немислимо.

(1) *Даже учёные, профессионально занимающиеся исторической географией Восточной Европы и пользующиеся одними и теми же источниками, нередко дают совершенно различные маршруты Игоря войска. Причём если первая половина пути (от Новгорода-Северского до Изюма) наносится на карту весьма схематично, часто прямыми линиями, отложенными линейкой, варианты второй*

половины похода (от Изюма до места битвы) очень многообразны».

Итак, в первом курсиве С. Плетнёва нам сообщает, что даже у профессиональных историков, пользующихся одними и теми же источниками, получаются совершенно разные маршруты первой половины пути. (Они, негодники, рисуют его по линейке). А вторая половина пути (неизвестно куда и зачем) получается у них ещё более разная.

Во-первых, источники эти не так уж и богаты. Их можно именовать и в единственном числе. Это всего лишь различные варианты списков Ипатьевской летописи. Рассказ же о походе князя Игоря в ней (по заключению исследователей) представляет собой талантливо сочиненный гибрид времён и событий. В нём нет географических и временных ориентиров потому, что его литературно одаренному автору они в XV веке были не известны. Поэтому и маршруты, составленные по этим источникам, очень различные, даже «порой абсолютно фантастические». Вот этот последний тезис по отношению к схеме самой С. Плетнёвой мы и намерены доказать.

Во-вторых, второй, более исторически, политически и психологически надёжный источник — «Слово о полку Игореве» у профессиональных историков в разработке маршрута похода Игоря не участвует. Не пользуется им и С. Плетнёва. Это потому, что «Слово» совершенно не согласуется с летописным рассказом по динамике, времени и цели похода, т.е. с его политической составляющей, в которой наши профессиональные историки всецело на стороне тенденциозных летописцев XV–XVI веков.

(2) *«Автор данной заметки не предлагает вниманию читателей какого-то принципиально нового маршрута. Мне только хотелось внести несколько конкретных уточнений, которые удалось сделать благодаря моим многолетним археологическим разведкам, проводившимся в стенах бассейна Дона и отчасти на левых притоках Днепра».*

Второй курсив нам сообщает, что автор заметки не предлагает нам никакого принципиально нового маршрута. Интересно! Ведь по содержанию текста заметки видно, что она для того и писана, чтобы убедить читателя в принципиальности автора этого нового маршрута. В чём она и преуспевает: убеждая принять его белгородскими историками и краеведами. Выражаясь на языке парламентариев — сразу в трёх чтениях. Но мы нарушать регламент не будем, тщательно проведём все чтения.

(3) *«Известно, что князь Игорь вышел из Новгорода-Северского в среду 23 апреля (в день своего „святого“ патрона Георгия). Через*

два-три дня войска, не спеша, дошли до города Путивля. ... Из Путивля Игорь направился, по сведениям русской летописи, к Донцу.

Идти весной, во время разлива рек и речушек по степи большому соединению (спешим войском и обозом) было нелегко. Приходилось следовать только по водоразделам: Игорь из Путивля двинулся сначала по водоразделу Сейма и Псла, достиг Муравского шляха, который сворачивал на юг — на водораздел Днепра и Донца. Это был хорошо известный путь и в древности, и в XVII веке. Функционирует он и по сей день».

Третий курсив. Здесь уже начало похода и мы его разбор предварим строками из статьи Б.А. Рыбакова «События 1184—1185 гг. воспеты в „Слове“». «Анализ летописных текстов о походе Игоря в 1185 года и рассмотрение русско-половецких взаимоотношений на кануне похода позволяют нам теперь перейти к одной из наиболее ответственных задач — к реконструкции хода самих событий, театра действий и календарных сроков. ... Методически важнее всего начать с географии похода, так как представление о стратегической стороне может быть создано только после того, как все данные лягут на карту».

И взял академик линейку, положил на карту, и, не разбирая никаких водоразделов и бродов, провёл линию похода от Новгорода-Северского до реки Оскола наугад. И «реконструкция ответственной задачи хода событий» готова. Его ученица С.А. Плетнёва предлагает нам другой, но только до начала Муравской шляха, — географически и исторически единственно верный путь.

(4) Считается доказанным, что летописец, упоминая в маршруте Игоря Донец, имел в виду небольшую пограничную крепость-городок, стоящий на берегу речки Уды. Действительно, Муравский шлях близко подходил к этому городку и шел далее на юг в половецкую степь. Очевидно, таков и был бы маршрут Игоревых полков, если бы ему, прежде чем углубляться в степь, не нужно было объединиться с войском брата Всеволода, который шёл «иным путём из Курска», как писал летописец. Встреча произошла где-то на берегу Оскола. А перед этим, указывает летописец, Игорь «перевред» Донец, то есть форсировал эту реку в одном из удобных для переправы мест. Встаёт вопрос: где находился этот брод и где встретились братья на Осколе? Естественно, все, кто считал, что Игорь был в пограничном городке Донца, полагали, что брод находился у современного города Чугуева, а встреча состоялась примерно в районе современного Купянска.

(5) Всё это представляется мне неприемлемым. Во-первых, весной у Чугуева переправы нет, так как разлив реки очень значителен. Во-вторых, если даже допустить, что войска перебрались на левый берег, то до Оскола ему надо было двигаться по Половецкой земле, постоянно опасаясь неожиданного удара. Да и Всеволоду со сравнительно небольшим отрядом «курян» также нужно было пройти не менее ста километров по чужой враждебной степи. Без учёта этих обстоятельств нельзя реконструировать первый этап пути русских князей в глубь степи. Поэтому мне представляется несколько иной первая часть похода.

(6?) Игорь со своим войском прошёл по Муравскому шляху всего около 100 километров, затем повернул с него по одной из наезженных дорог в верховьях Донца на восток и примерно 30 апреля подошёл к переправе через Донец. Согласно летописи, 1 мая, в среду, русские полки стояли на Донце, где их и настигло затмение солнца. Место стоянки находилось на пограничных землях Новгород-Северского княжества, от степей оно было хорошо защищено широкой лесной полосой. Мы знаем, что Игорь не испугался затмения, приказал форсировать Донец и затем войска по хорошей и безопасной, закрытой лесом дороге, тянувшейся вдоль южной границы русских земель, шли Осколу полтора дня (1 и 2 мая).

***

(7) В 1958 году наш археологический отряд во время разведки обнаружил на Осколе небольшое русское городище при впадении в Оскол речки Холок. По подъёмному материалу (обломкам горшков и стеклянных браслетов) оно датируется XII веком. ... Считаю вполне вероятным, что эта пограничная русская крепостица и была местом встречи князей.

По данным летописи, Игорь Святославич пробыл там два дня (3 и 4 мая, пятницу и субботу). В эти дни подошёл к Холку и Всеволод (шёл он сначала по Изюмскому шляху, а потом — лесом — древней наезженной дорогой), и в воскресенье, после заутрени, князь с полками тронулись в путь, двигались они по водоразделу (Донца и Оскола — по Изюмскому шляху).

Все ли самые интересные и нужные для критического рассмотрения места я выписал?.. Нет, есть ещё восьмой, заключительный курсив.

(8) Внимательно изучив карту и сопоставив данные с летописным рассказом и «Словом», Б.А. Рыбаков пришёл к выводу, что бит-

ва Игоря с половцами происходила не в бассейне Дона-Донца, а в бассейне Днепра. ...

При рассмотрении этой гипотезы, прежде всего, возникает вопрос: Зачем Игорь отклонился от своего пути, от выбранного им направления и изменил основной задаче — «переломить копьё о концы поля половецкого»? Вероятно, несмотря на возвышенные речи о высокоидейной цели похода — борьбе за славу русского оружия, князь шёл в степь «ополониться». Не случайно автор «Слова» говорит о «языке», явно подосланном им половцами.

5

Да, вот такой непатриотичный «язык явно подсылают» нам наши историки. При рассмотрении их гипотез возникает не вопрос: «Зачем Игорь отклонился от своего пути?», а вопиющий вопрос: почему наши историки отклоняются от истины и изменяют основной — высокоидейной цели похода Игоря? А ответ на этот вопиющий вопрос очень прост: никакой Русской земли в бассейне Донца они не знают — потому, что переместили её в предгорья Кавказа на Таманский полуостров.

А начать обсуждение маршрута С.А. Плетнёвой можно вот с этой последней строки, последней фразы, в которой С.А. Плетнёва заявляет, что «автор „Слова“» говорит о «языке», явно подосланном к ним половцами». Но в «Слове о полку Игореве» его автор не единым словом, ни какого «языка» не упоминает. Поэтому своих оппонентов (академика Б.А. Рыбакова и его ученицу, доктора исторических наук С.А. Плетнёву) я мог бы объявить (шутка — А.Ж.) незнающими исторических источников: «Слова о полку Игореве», исторической географии и политической обстановки земель бассейна Донца XII века, и на том закончить разговор.

Но, как сообщает нам серьёзное областное историческое издание: «Многие белгородские историки и краеведы разделяют гипотезу, высказанную известным археологом профессором С.А. Плетнёвой». То мои старания, строки моих сочинений обращены к ним: хочу убедить их в нелепости схем похода князя Игоря, вышеназванных историков и доказать большую вероятность, и приемлемость своей схемы. А с её пониманием и принятием, порадеть за историческую честь нашего областного центра — города Белгорода и всей белгородской земли. Поэтому начнём разбирать гипотезу С.А. Плетнёвой (отчасти и Б.А. Рыбакова) с начала, с пристрастием, с аргументами и фактами.

Но прежде, очевидно, нужно рассказать о факте попытки автора «Белгородской версии похода князя Игоря» познакомить вышеназванных историков со своей схемой похода и получить на неё их компетентный отзыв. Происходило это во второй половине приснопамятных восьмидесятых годов. В те годы (1986–1989 гг.) четыре сезона приезжала в Белгородскую область из Института археологии Археологическая экспедиция. Называлась она «Белгородская раннеславянская экспедиция Института археологии АН СССР». Руководили ею археологи: А.М. Обломский и А.В. Кропоткин, а в Москве, в Институте археологии их наставницей была С.А. Плетнёва. Приехала эта экспедиция в Белгородскую область по моему письму в Институт археологии, в котором я сообщал о найденных мною поселениях Черняховской культуры. Экспедиция работала четыре сезона: один археолог работал с весны до середины лета, а другой сменял его и работал до осени. И мне каждый год приходилось участвовать в работе этих экспедиций, в разведках и раскопках. Осенью 1988 года я участвовал в раскопках поселения Черняховской культуры в районе села Головчино, которыми руководил А.В. Кропоткин. И вот его я попросил передать С.А. Плетнёвой для рецензии свою схему похода князя Игоря.

Схема была мною нарисована на склеенных картах Белгородской и Харьковской областей, и я просил А.С. Кропоткина, при получении рецензии от С.А. Плетнёвой, переслать мне их почтой вместе с рецензией. Но, прождав полгода, я послал в марте 1989 года в Институт археологии письмо на имя С.А. Плетнёвой с напоминанием о своей просьбе. Ответного письма я не получил, а приехавший весной А.М. Обломский рассказал, что А.В. Кропоткин мою схему С.А. Плетнёвой не передал, и, взяв у него мою карту, С.А. Плетнёва отчитывала его перед коллегами. Но ни схему, ни рецензию А.М. Обломский мне не привёз, а сообщил, что привезёт в следующий раз. Но в следующий раз никто из них не приехал: началась «великая либеральная революция». В ноябре 1990 года я опубликовал в газете «Белгородские известия» статью «Тьмуторокань — русская Атлантида» и послал её в Институт археологии для рецензии на имя С.А. Плетнёвой. Всё ещё жду ответ... двадцать лет. Молчит наука — как и по вопросу: за что аборигены съели Кука?

Академик Б.А. Рыбаков в большой статье «События 1184–1185 гг., воспетые в „Слове“» пишет: «Анализ летописных текстов о походе Игоря в 1185 г. В рассмотрении русско-половецких взаимоотношений накануне похода позволяют нам теперь перейти к одной из наиболее ответственных задач — к реконст-

рукции хода самих событий, театра действий и календарных сроков. ...

Методически важнее всего начать с географии похода, так как представление о стратегической стороне может быть создано только после того, как все данные лягут на карту».

И, как мы уже говорили, академик Б.А. Рыбаков, не разбирая никаких водоразделов и бродов, провёл прямую линию-дорогу похода Игоря от Новгорода-Северского до реки Оскола наугад. И «реконструкция ответственной задачи хода событий» готова. Его ученица С.А. Плетнёва предлагает нам в одной статье даже два пути, но оба варианта верны лишь — до Муравской дороги — это географически и исторически приемлемый путь.

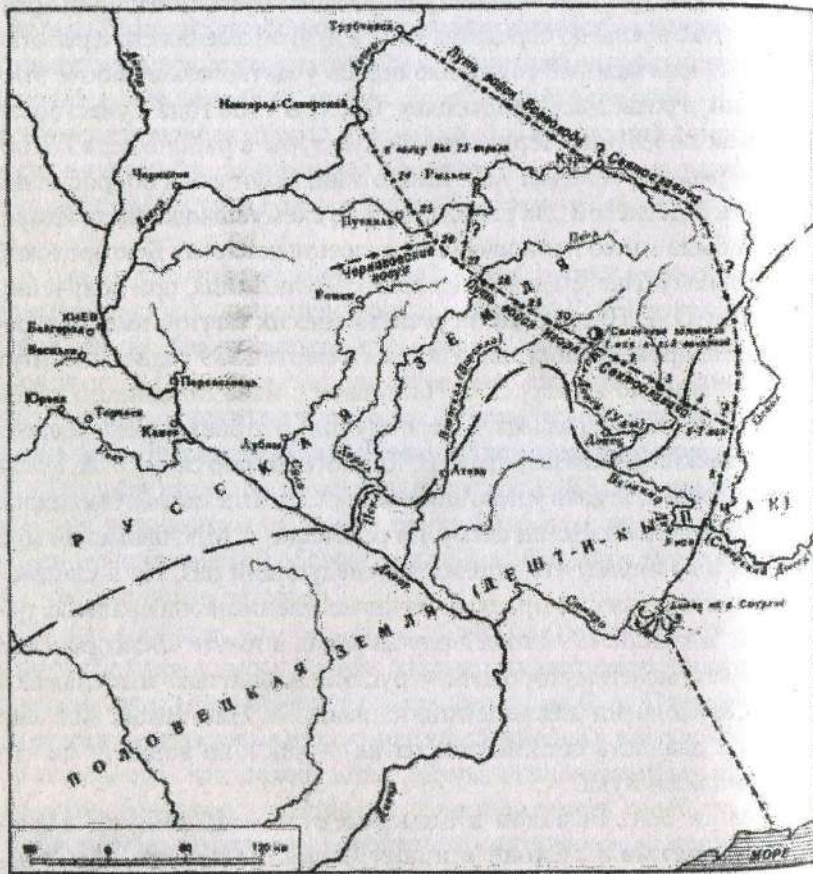

Рис. 12. Поход князя Игоря Святославовича в 1185 г. (схема Б.А. Рыбакова)

Недавно (в июне 2008 года) в телепередаче, в которой речь шла о качестве образования в нашей стране, академик Сергей Петрович Капица с сожалением сообщил, что у нас в высших учебных заведениях учат только знаниям, но не обучают мышлению. А это различные научные дисциплины. И получается, что человек, получивший высшее образование, не способен аналитически мыслить.

Это сенсационное сообщение академика С.П. Капицы застало меня за обдумыванием, т.е. за аналитическим осмыслением похода князя Игоря по схемам Б.А. Рыбакова и С.А. Плетнёвой, но никаких признаков аналитического и логического мышления в этих схемах, к сожалению, я не мог найти. А тут — и подсказка академика: искать бесполезно, их нет...

На каких же тогда примерах, у кого из наших историков можно поучиться этому аналитическому мышлению?.. Ведь в отсутствии аналитического подхода к описаниям событий русской истории и в тенденциозности его «Истории государства Российского» упрекали ещё Н.М. Карамзина его современники.

Вот и приходится нашей интеллигенции учиться этому историческому аналитическому мышлению у ненормальных математиков: А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, сотворивших на исходе второго тысячелетия нашей эры сенсацию всех тысячелетий человечества — «новую хронологию». Книги их с огромным успехом издаются, продаются и читаются — критика безмолвствует.

Вот только профессор Историко-архивного института, академик РАО Сигурд Оттович Шмидт, озаглавил свою газетную статью о «новой хронологии» — «Театр абсурда на сцене истории» («Деловой вторник», от 17 апреля 2007 г.). В этой статье, кроме критики «научного» шарлатанства, профессор пытается объяснить и его причины, и, в какой-то мере, перекликается с сообщением профессора С.П. Капицы.

Вот такие, к примеру, строки: «„Феномен Фоменко“ — свидетельство того, как низок уровень образованности даже среди „интеллигентной“ публики. Интерес к конструкциям авторов „новой хронологии“ — тяжёлый, но — увы! — справедливый приговор преподаванию истории школьникам. И методике — история воспринимается юными как предмет не размышления, а запоминания. Не остаётся никакого ощущения развития этой отрасли знания. ... Необходимо развивать краеведение, восстановить учебные программы по телевидению и прежде всего по отечественной истории. ... Увы, наши дни показывают, что дикость и безнравственность оказываются совместимыми с внешними при-

знаками образованности и с овладением достижениями современной технологии».

Да, но запоминать тоже нужно: иначе не о чём будет размышлять — даже с помощью достижений современной технологии. И вообще — это единый процесс деятельности человеческого разума. Хотя правда и то, что человечество предпочитает этому, требующему умственных усилий процессу, более простое и приятное — веру в чудеса, не требующие размышлений.

И, как можно понять из статьи профессора С.О. Шмидта, он пытается ответить на так называемые русские вопросы: кто виноват? и что делать? Но если на вопрос: кто виноват? указывать лишь на юных школьников, а студентов и профессоров высших учебных заведений не упоминать, то профессор прав: «Не остаётся никаких ощущений развития этой отрасли знаний». А есть ощущение разрушения национальной истории, историей рыночной, каковой и является «новая хронология», и тысячи «исторических трудов» им подобных. Но мы последуем совету профессора С.О. Шмидта, попытаемся развивать краеведение, даже если наши старания будут гласом, вопиющим в пустыне. А может этот «глас» услышат наши белгородские историки и краеведы, и не будут слепо верить гипотезам, высказанным авторитетными историками, а постараются поразмыслить о маршруте похода дружин князя Игоря самостоятельно?.. Будем надеяться.

6

Итак, представим, что на дворе 1185 год, конец апреля и нам пора выступать в поход, «рыща в тропу Трояна через поля на горы». Но ещё прежде нам, князьям, нужно было сговориться, говоря по-современному, составить «дорожную карту», т.е. обсудить и принять политические, географические и временные условия похода. Сложности в том никакой не было: пути-дороги веками хожены и расстояния известны. Но нужно было выбрать наиболее оптимальный путь к цели похода. И в этом наши интересы совпадают с интересами князей. Но сначала нам нужно выяснить какова цель похода, т.е. его политическая составляющая. А вопрос этот очень сложный и нашей современной исторической науке совершенно неизвестен. Поэтому излагать цель похода придется нам самостоятельно, в соответствии с нашим пониманием этого исторического вопроса.

Для этого, во-первых, нам нужно (желательно бы и всей нашей исторической науке) признать безоговорочно «Слово о полку Игореве» —

очень ценным, единственным в своём роде историческим источником.

И, во-вторых, указанную в нём и в летописях загадочную «русскую землю», — которую наша историческая наука считает отвлечённым, абстрактным понятием — считать реально исторически существовавшую и имеющую чёткие археологические признаки в настоящее время. Это земли, где проживало в первых веках нашей эры население Черняховской культуры. В основном это земли Днепровского и Днестровского бассейнов, но есть и отдалённый от этого основного массива ареал Черняховской культуры в бассейнах рек верховьев Донца, который и является основным предметом нашего «политического» интереса и разговора. Хотя, очевидно, что политический интерес к «русской земле» в бассейне Донца в своё время у князей Ольговичей был существенно больше нашего. А время похода дружин князя Игоря было отдалено от времени «русской земли» на восемь веков — такое же, как этот поход отдалён теперь от нашего времени.

Каким же образом русы — потомки жителей «русской земли» (II–IV вв.) — в бесписьменные времена, восемь веков сохраняли память о том времени? Память эта, конечно же, жила, сохранялась много веков в устных народных приданиях, говоря по-современному, на языческих носителях, т.е. в языческой поэтической былинной фразеологии. С появлением на Руси христианства, эта фразеология стала вытесняться из русского языка, забываться, и в «Слове о полку Игореве» мы слышим её последние отзвуки из глубины веков. И очень печально, что для нашей историографии упоминаемая в летописях, и особенно в «Слове о полку Игореве», «русская земля», как и слово «Русь» остаются загадкой. Вот такие, к примеру, строки о «русской земле» можно прочесть в объяснительных комментариях к «Слову о полку Игореве»:

«... в Русской земле ... — В узком смысле Русской землёй иногда называли историческое ядро Древнерусского государства, крупнейшими городами которого были Киев, Чернигов и Переяславль».

Да, но «русская земля» антов-русов существовала за семь веков до этого «ядра»... Б.А. Рыбаков в большой статье «События 1184–1185 гг., воспетые в „Слове“», в «тщательном анализе летописных источников», в определении места «русской земли» придерживается того же «ядра». Вот что он пишет о несостоявшемся объединённом походе Мономаховичей и Ольговичей в бассейн Донца (по Б.А. Рыбакову — за Ворсклу) в 1184 году:

«Во время этого похода, ещё до встречи с половцами, произошла ссора двух князей, в какой-то мере отразившая соперничество двух соправителей. Владимир Переяславский, посланный Рюриком, требовал себе места в авангарде, выгодное тем, что передовые части первыми захватывали добычу в покинутых половецкими воинами кибитках и юртах. Направив свою просьбу Игорю, Владимир ссылался на то, что „князи бо русции дали бяхуть напереди ездити в Русской земли“. Это была ссылка на суверенность Рюрика и других князей „Русской земли“ (в узком, приднепровском смысле), находившейся под властью Рюрика. Игорь, очевидно, мало считавшийся с правовой стороной, „не да ему того“. Очевидно, победили корыстные расчёты на обогащения своего авангарда».

Вот так, по академику Б.А. Рыбакову, получается, что политическая составляющая объединённого похода 1184 года — корысть и обогащение. И князья поссорились ещё до встречи с половцами, и их богатством. Как говорится, при дележе шкуры неубитого медведя. Хотя какие шкуры могли быть в брошенных половецких кибитках — представить не трудно. И снаряжать многотысячный объединённый поход, и жертвовать жизнями воинов ради этой добычи?.. Нет, я думаю, что это именно та овчинка, которая не стоит выделки. И политическая атмосфера походов 1184–1185 годов была сугубо политическая, как это отражено в «Слове о полку Игореве» — освобождение от половецких нашествий «русской земли» в бассейне Донца, а не корыстно-трофейные походы, как это непрестанно подчёркивает Б.А. Рыбаков. Но самое удивительное, по своей невразумительности, здесь объяснение академиком летописной фразы: «*князи бо русции дали бязуть напереди ездити в Русской земли*».

А этими словами Переяславский князь Мономахович, Владимир Глебович заявлял Новгород-Северскому князю Ольговичу Игорю Святославичу, что киевские князья дали ему право самостоятельности в походе в «русскую землю». А Игорь не согласился — «не да ему того», потому, что земля в бассейне Донца со времён Ярослава Мудрого принадлежала Черниговским князьям Ольговичам, к которым относились и Игорь Святославич.

Но Борис Александрович, конечно же, никакого понятия о нахождении «русской земли» — это несмотря на многократное упоминание о том в «Слове о полку Игореве» — в направлении похода, в бассейне Донца, не имел. Поэтому он и поясняет эту замечательную летописную фразу абракадаброй о «Рюрике и русской земле... в узком смысле».

К тому же Мономаховичи со времён их предка Всеволода Ярославича, — от покупки княгиней Всеволодовой «земли Бояновой», желали присоединить землю бассейна Донца к своему Переяславскому княжеству. И разрешение Киевом («правовой стороной» по Б.А. Рыбакову) Владимиру Переяславскому не подчиняться Игорю в походе в «Русскую землю», — это намёк на непризнание этой земли за Ольговичами. Чего Игорь, конечно же, потерпеть не мог, — «не да ему того». Но многие наши историки — в их числе и академик Б.А. Рыбаков — это желание Мономаховичей выполняют: рисуют и печатают карты, где земля бассейна Донца входит в Переяславское княжество — отчину Мономаховичей. А защиту этой земли от нашествия половцев Ольговичами, считают заурядным грабежом кочевников.

7

Но что, всё же, было после отказа Игорем Владимиру в самостоятельности? Б.А. Рыбаков комментирует это строками из летописей и собственными словами так:

*«Владимир же разгневался и возвратися,
и оттоле идя, идее на Северские города,
и взя в них много добыток».*

Игорь же Святославич должен был отказаться от задуманного большого похода (очевидно, куда-то за Среднюю Ворсклу):

*«Игорь же возвори киевские полки и пристави
к ним Ольга и сыновца своего Святослава,
абы како довести полк цел...» (очевидно, до Киева. — А.Ж.)*

«Игорь с остальными князьями и Кунтувдеем поехал *особым путём*; о цели его движения Рюриков летописец, описавший этот поход, не сообщает. Мы знает только, что на р. Харию (месторасположение неизвестно) в весеннее половодье произошла встреча с половецкими кибитами».

Летописец сам не был участником похода, но ему рассказывали («рекоша же»), что только часть половцев перешла с вежами речку Харию («бысть тое ночи тепло, дождь рамян и умножися вода»), а остальные или были взяты в плен, или с кибитками, конями и скотиной «потопли суть в Харию, бегаючи перед Русью».

Вот этот, названный Рюриковым летописцем и упомянутый Б.А. Рыбаковым, «особый путь» в походе 1184 года, мы и будем искать, он и есть цель наших поисков: где прошли дружины Игоря по

Белгородской земле? Где пролегла наиболее оптимальная для них дорога? А, найдя её, мы найдём и дорогу похода Игоря в 1185 году.

Слово «особый» в русском языке означает — отдельный, не общий, имеющий специальное назначение. И если поверить русскому языку, и учесть, что путь Игоревых дружин был не общий, — по которому ходили не все, — а отдельный, т.е. — это был путь по которому ходили в «Русскую землю», в бассейн Северского Донца охранять подданное им население от половцев дружины Северских князей, то, очевидно, что этот «особый путь» проходил по земле Донца. И загадочная речка Хария должна протекать и сейчас где-то здесь.

А догадка Бориса Александровича, что поход направлялся, «очевидно, куда-то за Среднюю Ворсклу», под «особый путь» совершенно не подходит. Ведь, перейдя Ворсклу, мы оказываемся на Днепровско-Донецком водоразделе — на Муравской дороге, — по которой с юга на север и с севера на юг ходили народы, как показывает археология, ещё со времён палеолита. А в двенадцатом веке по этой дороге проходила граница между Переяславским княжеством и землёй бассейна Северского Донца, принадлежавшей Северским князьям. И это был тот самый «соляной и залозный путь», т.е. дорога за солью и железом в Византийскую Таврию — в Крым.

Но, к сожалению, наше представление об этой дороге несколько отличаются от представлений Б.А. Рыбакова. Он пишет: *«Торговые караваны предпочитали идти по высоким, ровным грядам водоразделов, чем пересекать многочисленные овраги, реки и болота. В XVI-XVII вв. путь, шедший по этому водоразделу, назывался «Муравским шляхом» и обозначен на картах того времени. На интересующем нас участке днепровско-донского „шеломья“ в XII в. Проходил „Залозный путь“, ведущий из Киевской Руси в Тмутаракань».*

Торговые караваны — в заморскую Тмутаракань?.. Каким образом?! Зачем?! Но не будем напрягать «серые клеточки»: ведь академику оно виднее... И ему виднее, когда он в той же статье корит Игоря: *«Нелегко было Игорю Святославичу, нетерпеливому князю, мечтавшему проложить путь до предгорий Кавказа (поискать града Тмутараканя), признаваться в том, что он хитрил, обманывал, торопился первым поживиться в половецких вежах, пренебрегал воинской осмотрительностью...».*

Короче говоря, «жадность фраера сгубила». Правда, не в одном летописном тексте, рассказывающем о походе Игоря, Тмутаракань и предгорья Кавказа не упоминаются. Тмутаракань четыре раза упоминается в «Слове о полку Игореве», но в нём говорится, что Игорь

обратился к дружине своей со словами: *«...сядем же, братья, на борзых коней да посмотрим хоть на синий Дон (Донец). ... „Хочу, — сказал, — копё преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи“ ...».* Кто же «хитрил, обманывал»?.. Князь Игорь Святославич или академик Борис Александрович?.. История наша о том пока безмолвствует. Хотя вот недавно (в мае 2009 года) создана комиссия по противодействию фальсификации истории. Авось будет результат.

К тому же, как можно понять по летописным цитатам и комментариям к ним Б.А. Рыбакова, что он намеренно путает следы, уводя дружины Игоря от бассейна Донца в Днепровско-Донецкие степи — «в глубину Половецкого поля». А это он готовит почву под оправдание нелепости — как по цели, так и по маршруту — предложенного им варианта похода Игоря в 1185 году.

В действительности же, по моему разумению, — при знакомстве с летописными текстами без предубеждений — события похода 1184 года ясны и понятны. А, поняв их, мы без труда можем представить себе события и местности похода 1185 года, и поверить каждому слову — «Слова о полку Игореве».

А дело было так. Очевидно, ранней весной 1184 года, в какой месяц и день — летописец не сообщает:

*«Князь же Святослав Всеволодович,
сгадав со сватом своим Рюриком,
поидоша на Половце. И сташа у Ольжичь
(под Киевом), ожидающе Ярослава из Чернигова».*

«Поидоша», разумеется, не самим, а послать подчинённых им князей, земли которых подвергались половецким нашествиям: Новгород-Северского князя Игоря Святославича и Переяславского князя Владимира Глебовича.

Но тут, я думаю, у любознательного почитателя родной истории должен возникнуть вопрос: а относится ли Новгород-Северское княжество к зоне частых половецких вторжений? Ведь Новгород-Северский вон где — аж на Десне... И половцы туда никогда не доходили... А наши историки, особенно Б.А. Рыбаков, считают, что земли Игоря подвергались ежегодным половецким нашествиям, и потому он каждый год, а то и дважды в год, ходил на половцев. Правда, стояли города Игоря и несколько ближе — по реке Сейму, особенно Путивль, в котором княжил его сын Владимир. Но всё равно, чтобы пройти к Сейму, нужно было идти через земли Переяславского княжества. Но это если рассматривать Древнерусские Левобережные земли с точки зрения наших историков, которые считают, что восточная граница

Переяславского княжества проходила по р. Донцу. А если рассматривать границу Переяславского княжества по реке Ворскле — как считают другие историки — а земли верховьев реки Донца принадлежавшими Черниговскому княжеству, тогда вся суть походов Игоря на половцев имеет смысл и оправдание.

Б.А. Рыбаков приводит в своих трудах обе эти карты: одна — с границей Переяславского княжества по реке Донцу (по И.А. Голубицкому), другая — карта Чернигово-Северской земли (по А.К. Зайцеву), на которой бассейн верховьев Донца заключён в загадочный треугольник, который Б.А. Рыбаковым никак не комментируется.

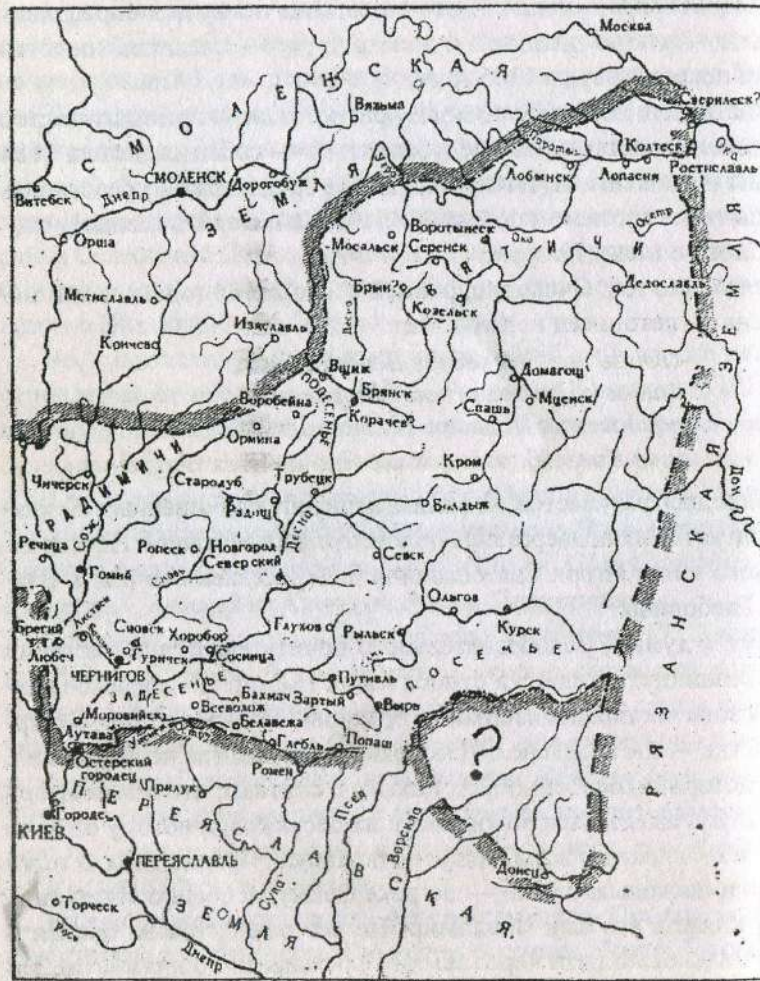

Рис. 13. Чернигово-Северская земля (по А.К. Зайцеву)

Этот треугольник и поместил на обложке своей книги «Тайны Белгородского треугольника» (по аналогии с Бермудским) белгородский краевед Ю.Н. Шмелёв, (М., 1995). К разгадке этой тайны Ю.Н. Шмелёв привлек очень сомнительные источники, в их числе «Велесову книгу», и эту «тайну», к сожалению, не разгадал. (Смотрите статью А.Д. Витохина, «„Тайна Белгородского треугольника“ разгадана?», Белгород, газета «Крестьянское дело», № 5, август 1996 г.).

Но вернёмся всё же к походу 1184 года, к его коллизиям и путям-дорогам. Возможно ли эти древние пути-дороги отыскать нам теперь на Белгородской земле, в бассейне реки Донца, т.е. разгадать загадку многих столетий? По моему убеждению, сделать это очень просто. Во-первых, нужно знать, хотя бы на уровне любителя природы Родного края, его географию. И, во-вторых, как советуют философы, нужно применить аналитическое мышление: логику, дедукцию, индукцию. По-русски это значит поразмышлять и, извините за ненаучный термин, покумекать.

Итак, будем кумекать. Политическая коллизия этого похода заключалась, очевидно, в том, что киевские князья-сваты хотели этим объединённым походом, боевым братством несколько уменьшить столетнюю вражду между династиями Мономаховичей и Ольговичей. А в результате эту вражду только усугубили. К тому же по пути следования в этот поход вклинилось ещё одна политическая коллизия, но о ней мы поговорим позже.

Для нас всё же интереснее предполагаемые пути-дороги, по которым дружинам этих князей нужно было идти. Владимир Глебович из своего Переяславля с дружиной пришёл в Киев. Туда же, но без дружины, пришёл из своего Новгорода-Северского и Игорь Святославич. В Киеве от великих князей они получили наставления, указания. А идти, по этим указаниям, им нужно было в Донецкую степь к половецким зимовьям и, пока ещё половцы не разбрелись на летние кочевья, показать им русскую силу и удаль, чтобы не повадно им было впредь вторгаться в пределы русских княжеств. А дорога в центр Донецкой степи была одна — это наезженная и найденная тысячами Муравская дорога. Правда, как называлась она в XII веке, мы не знаем.

Где эта дорога проходила? В определении местности, по которой проходила Муравская дорога, а также множество других степных до-

рог, мы можем воспользоваться трудами наших хороших историков, исследователей освоения Россией южных земель в XVI–XVII веках. Вот что пишет о Муравской дороге, по которой в те века совершали набеги на русские селения Крымские татары, в книге «Белгородская черта» воронежский историк В.П. Загоровский: «Западная дорога — Муравская, или Муравский шлях — начиналась у верховьев реки Самары, притока Днепра, и дугой огибала притоки Северского Донца. Далее Муравская дорога проходила по водоразделу Ворскла — Северский Донец, оставляя к востоку крайние русские сёла и деревни Белгородского уезда (мы имеем в виду 20-е годы XVII века). Севернее Белгорода, в степи, у истоков Северского Донца, Псла и Донецкой Сеймицы находился Думный курган. Здесь была развилка степных дорог. Главная отходила на восток, где у верховьев р. Сейма Муравская дорога соединялась с Изюмской. На запад от Думного кургана поворачивал между Псом и Сеймом Бакаев шлях, в северо-западном направлении к верховьям р. Оки шёл Пахнуцкий шлях».

Вот такое, можно сказать, пунктирное обозначение Муравской дороги — с юга на север, нам сообщает В.П. Загоровский. Но нам желательно пройти по ней с севера на юг — как должны были идти дружины князей, и с более подробным современным названием местностей, по которым она проходила. Для начала пути нам В.П. Загоровский подсказал замечательный ориентир — Думный курган. А стоит он (или стоял?) на местности, о которой нам желательно поговорить подробнее.

Географические описания нашей области сообщают, что Белгородская область лежит в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины. А наибольшая возвышенность над уровнем моря находится на Донецко-Сеймском междуречье, на водоразделе рек Северского Донца, Оскола и Сейма. В верховьях притока Донца реки Короча находится абсолютная высота этой местности — 277 метров над уровнем моря. И если мы посмотрим на карту Белгородской области, то увидим, что из этой местности на все четыре стороны света растекаются истоки рек Днепровского и Донецкого бассейнов. Так истоки р. Донца текут на юг, истоки р. Оскола — на восток, истоки р. Сейма — на север и на запад текут истоки притоков Днепра — рек Псла и Ворсклы.

Военно-стратегическое значение этой местности во все времена можно оценить по направлению стрел ударов танковых армий, на схеме танкового сражения под Прохоровкой в августе 1943 года. А наш ориентир — начало Муравской дороги Думный курган, находится в цен-

тре ударов этих армий: в пяти километрах от Прохоровки, по железной дороге — полустанок и село Думное. На огородах этого села (говорят) и находятся остатки Думного кургана. И к нему много веков тому назад выходили наши предки и думали (как и генералы танковых армий) по какой дороге лучше идти, в зависимости от цели похода: если цели военные — где найти противника, если торговые — где безопаснее пройти на юг в Крым за солью, железом и прочими товарами. А идти торговому обозу желательно было, где ровнее и суше. И такой дорогой была Муравская дорога.

Торговали наши предки, как пишут летописцы, зерном, мехами и мёдом. Торговые обозы князя и бояре Ольговичи снаряжали, очевидно, осенью — в конце сентября, в октябре. Обоз, конечно, сопровождали вооружённые люди, но для прохода по Муравской дороге в Крым нужен был ещё хотя бы относительный мир с половцами. И предварительные договорённости с половецкими ханами, очевидно, сопровождаемые дорогими подарками, были.

Но нам никакие опасности не грозят и, подумав, от Думного кургана рано поутру мы отправляемся в путь по древнейшей Муравской дороге в южном направлении. Кстати сказать, это очень патриотичный и благодатный туристский маршрут, который для наших туристов, к сожалению, не ведом. А направление нашего похода не совсем южное: оно, по нашему туристскому компасу, на 25 градусов отклоняется к западу и по нему пролегает железная дорога до райцентра Прохоровка. От Прохоровки до «Танкового поля» и посёлка Комсомольский по нашей дороге уже проходят, и шоссейная и железная дороги, и отклоняются они на запад от южного направления уже на 45 градусов. В районе посёлка Комсомольский железная дорога поворачивает на юг, а нам нужно идти по шоссейной дороге до райцентра Яковлево. Вот на этом развилке нам нужно поставить воображаемую вешку — это для того, что здесь, в районе «Танкового поля» была развилка Муравского пути и, искомого нами, «особого пути», упомянутого Рюриковым летописцем, как пути князей Ольговичей.

Да, можно ещё на этой воображаемой вешке прикрепить воображаемый указатель со стрелкой, указывающей на «особый путь на Тавровую гору», и далее, в мирные времена, — в торговый город Салтов. А путь этот шёл в верховья Липового (Малого) Донца, где и проходила традиционно русская дорога, которая подтверждается археологическими артефактами многих веков. Эта дорога в селе Лучки прохо-

дит и сейчас возле мощного родника, вытекающего из-под меловой горы, по небольшому мосту через Липовый Донец. По этой дороге в Белгород ещё в 1781 году ехал, и описал её в книге «Из Санкт-Петербурга в Херсон» академик В.Ф. Зуев. А в первые века нашей эры на месте села Лучки было большое селище антов-русов, носителей Черняховской культуры. Есть там археологические следы пребывания и древнерусского населения. От села Лучки дорога выходила на водораздел, на современное шоссе в районе села Крапивенские Дворы и шла к Белгороду, к Тавровой горе. А то, что это была своя внутренняя дорога для населения земли верховьев Донца, о её исторической активности свидетельствуют археологические признаки располагавшихся по её сторонам поселений. Это и был «особый путь через поля на Тавровую гору» и дальше — к Салтовскому броду «на край поля Половецкого», которым и прошли дружины Игоря в 1185 году.

А нам с купцами нужно идти в Крым по Муравской дороге. В райцентре Яковлево мы выйдем на Московскую трассу и пройдем по ней пять километров до Крапивенских дворов, где повернем к городу Строитель и, обойдя его с западной стороны, пойдём строго на юг. Дальше мы пройдем в районе хутора Берёзов и выйдем на шоссе объездной дороги, которая приведёт нас в пригородное село Болховец, к речке именуемой теперь Везёлка. Мы прошли почти шестьдесят километров и здесь, в долине речки Везёлки, очевидно, и была остановка наших предков на отдых и ночлег, которых мы и представим себе уставшими, и с тревогой осматривающими здешние окрестности.

А пока товарищи купцы (товарищи — это не оговорка) осмотревшись, распрягают и поят лошадей, отпускают их на целинный, никогда не знающий косы луг и готовят ужин, мы обратимся к топонимике и зададим себе вопросы: почему это наша белгородская речка в Московских Разрядных приказах XVI–XVII веков называется ласковым, пахнувшим Русью именем Везеница, а в настоящее время она переименована в грубовато-пренебрежительное — Везёлка? И какова этимология слова Везеница?

Как показали беседы с краеведами, официально нашу речку никто не переименовывал. А это, наверное, стихия народного языка за пару столетий переработала архаизм слова Везеница в неологизм — Везёлка. А официальные власти последовали за пренебрежительной народной молвой.

Но что, собственно, представляет собой это загадочное имя — Везеница? И не представляет ли оно историческую ценность для иллюстрации жизни прошедших веков нашего народа? В современных

«Словарях русского языка» мы ничего приблизительно похожего на слово «везеница» не найдём. Это слово есть в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля в таком перечне: «вязань, вязеница, вязанка, связка, пучёк, беремья». А то, что дьяки Московских Разрядных приказов делали ошибку: вместо «вязеница» писали «везеница» — это мы им простим за давностью событий. А местное население в те времена говорило: «зямля, вядро, тялега» и, естественно, — «Вязеница».

По поводу этимологии имени Везеница — Везелица — Везёлка есть различные предположения и наших белгородских краеведов. Одно из них предполагает происхождение этого имени от того, что в пойме речки росло много ивы, из прутьев которой население вязало корзины. Вот от вязания этих корзин, возможно, и произошло название речки.

Но, во-первых, говоря по-русски, корзины всё же не вяжут, а плетут. А во-вторых, для того чтобы прижилось это название на местности — стало топонимом — нужно чтобы промысел «вязания» корзин продолжался какое-то время, и не малое. Но в XVII веке, в котором имя Везеница упоминается в документах, здесь и населения-то было мало, и оно располагалось в укромных местах: под прикрытием рек и лесов. А здесь — на большой дороге, никто, конечно же, поселиться не мог. В XVII веке здесь находилась Российская армия, которой тоже было не до «вязания» корзин. Армия «вязала» «Белгородскую черту»: строила крепости и многокилометровые (800 км) валы, рвы и засеки. А между делом, ещё и обороняла местность и население от разбойничьих набегов крымских татар, и, к сожалению, не всегда успешно.

А может товарищи купцы помогут нам разгадать название речки, у которой они остановились на ночлег? Хотя в те времена — в XII веке его могло и не быть, но на месте их остановки, на берегах речки лежало много хвороста, лежали готовые вязанки. И этот хворост наши путники стали заботливо собирать с обоих берегов, и складывать в большую кучу. А потом они ушли с топорами в прибрежные заросли и нарубили, и связали ещё много свежих вязанок хвороста.

А утром, после беспокойного ночлега, они быстро забросали вязанками хвороста речку, переправили по ним тяжёлые вozy и так же быстро освободили речку от вязанок, заботливо сложив их на берегу. Такой способ переправы своих тяжёлых кибиток через степные речки и ручьи много веков использовался кочевыми народами. Применяли его, естественно, и наши предки русичи. А, как доказывает наука этимология, слово «мост» происходит от слова «мостить», а слово

«мостить» — от слова «метать». И поэтому, хорошо бы признать, что имя реки Вязеница имеет глубокие исторические корни и является историческим памятником, напоминая о жизни народов в прошедших веках и об активности в историческом процессе местности, по которой она протекает.

Но есть на этой местности ещё одна примечательная историческая речка — это речка Гостёнка. В статье Б.А. Рыбакова «Историзм „Слова о полку Игореве“» (История СССР, № 5, 1985 г.) есть такие строки: «Половцы нападали на русские города и перерезали магистральные торговые пути, „гостинники“, связывавшие Русь с Византией и Востоком». Так вот, речка Гостёнка получила своё имя от этого «магистрального торгового пути, «гостинника» — это потому, что впадала она в Вязеницу как-раз протекая через «гостинец»: место отдыха на «гостиннике». Когда на площади этого «гостинца» работал земснаряд — рыл современный водоём на Вязенице, я на намывных участках собирал прошедшую через земснаряд керамику разных времён, особенно много было керамики Черняховского периода. Пытался заинтересовать этим фактом археологов исторического факультета университета, но безуспешно, интереса они не проявили. Так получается, что город Белгород перенесен из-за Донца не «к валу», как пишет В.П. Загоровский, а на «гостинник» — магистральный торговый путь — как пишет Б.А. Рыбаков. Хотя академик и не имел в виду Белгородский «гостинник», о котором он ничего не знал. И местные историки и краеведы о нём ничего не знают и знать не хотят. А кроме водоёма на этом «гостинце» располагается теперь прекрасный спортивный комплекс. А о «тёмных веках» нашей истории упрямо напоминает лишь слабый ручеек реки Гостенка. А Белгородский «гостинник» — это ответвление Муравской дороги.

От реки Вязеница наш путь, с воображаемыми купцами, продолжается всё ещё по объездной дороге, но потом она поворачивает к востоку, к выезду на автотрассу. А нам нужно идти к западу, по просёлочной дороге к селу Ближнее, и пройти по его центральной улице — где и проходила в давние времена Муравская дорога. Далее, не доходя села Бессоновки, которое видно с восточной стороны, на нашем пути находится интересное место, на котором мы поставим памятную вешку и поясним её очень важное, для нашего поиска, значение.

А это место показывает, и убедительно доказывает, что наши корифеи от исторической науки — Б.А. Рыбаков и его ученица С.А. Плетнёва, предлагают нам схему маршрута похода князя Игоря в 1185 году без какого бы то ни было географического и исторического

анализа местности бассейна Северского Донца, как говорится, «от фонаря». А наши уважаемые составители книги «Белгородская область: история и современность», в статье «По следам дружины князя Игоря», не раздумывая, «летят на свет этого авторитетного фонаря».

В чём же суть этого места? Но сначала отметим, что от начала Муравской дороги — от Думного кургана до этого места 70 километров. А потом посмотрим на географическую карту Белгородской области и увидим, что отсюда — от верховьев реки Уды на восток проходит водораздел стоков Северского Донца: реки Уды, Лопань и Харьков текут на юг, а на север текут, с очень разветвлённых своих верховий, — реки Гостёна и Топлинка.

А суть этого места в том, что на восток к Донцу, к Салтовскому броду (естественно, и в обратном направлении) в течение тысячелетий проходила дорога, что убедительно доказывает археология. Так в первых веках нашей эры большие селища Черняховской археологической культуры (племён антов-русов) располагались в урочище Угрим и на рерриториях сёл Головино и Болдырёвка. Ходили и жили здесь люди в более поздние времена. И даже можно предположить, что упоминаемые в летописях, и ещё не найденные археологами, города XI–XII веков со смешанным населением Сугров и Балин находились здесь, на этой дороге: Сугров — это Угрим, а Балин — Болдырёвка. Эти археологические памятники найдены автором этой книги и паспортизированы археологами Института археологии АН СССР А.М. Обломским и А.В. Кропоткиным в 1986–1987 годах.

9

Но эта дорога, с её археологическими памятниками, была составителям схем похода князя Игоря не известна. Да и вообще, как можно понять из их суждений, для их научного масштаба, вся эта местная география с её историей является мелочью, которой можно и пренебречь. Достаточно написать, «по одной из наезженных дорог» и — всё, читатель должен верить, что уж доктор-то исторических наук С.А. Плетнёва, а тем более академик Б.А. Рыбаков, своё дело знают: дороги эти ими исхожены. Верующие, конечно, есть...

Как ни странно, но этим историкам, при составлении ими схем похода Игоря, был не известен и брод через Северский Донец у современного села Рубежное. Хотя естественно связанный с этим бродом археологический памятник — Салтовское городище, должен был им это подсказывать.

Но это, так сказать, попутные заметки. А нам, с товарищами купцами, нужно идти дальше по Муравской дороге ещё тридцать километров — чтобы прийти в указанное С.А. Плетнёвой место. А это место совпадает с тем местом, куда выводит дружины Игоря академик Б.А. Рыбаков. И хотя его схема составителями книги «Белгородская область: история и современность» не принята, нам придётся её слегка касаться. И сначала можно подумать, что С.А. Плетнёва указала читателям это место (100 км. по Муравской дороге), чтобы как-то потрафить своему шефу Б.А. Рыбакову, который, по её же рассказам, терпеть не мог возражений и иных, чем его собственные, мнений. Место это находится теперь уже за границей, между Золочевым и Одноробовкой — там, примерно, где железная дорога из Золочева проходит над речкой Уды. И где-то на этой местности Б.А. Рыбаков, переименовав речку Уды в Донец, переправил (по летописям — «перевреде Донец») через эту водную преграду дружины Игоря. Хотя всадник в тех местах эту речку может и перепрыгнуть, а на пути дружин Игоря, начертанном Б.А. Рыбаковым, были и более серьёзные реки: Псёл, Ворскла и многочисленные их притоки. И для перехода их нужны были настоящие броды: не купаться же в ледяной весенней воде? Но есть на этом пути Игоря ещё большее недоразумение: ведь это земли Переяславского княжества, и идти по ним Игорь без разрешения не имел права. А разрешения не могло быть по причине военного конфликта с Переяславским князем Владимиром Глебовичем в предыдущем году.

Но на каком всё же основании Б.А. Рыбаков переименовал речку Уды в Донец? Ведь судя по его схеме, дружины Игоря проходили менее тридцати километров в день (лошадь рысцей проходит это расстояние за два часа), и им ничего не стоило чуть-чуть прибавить шагу, чтобы 1 мая к вечеру прийти к настоящей реке Донец. Так что, вопрос о переименовании речки — интересный вопрос, и кроме как блажью академика его объяснить нечем. Разве что тем (предположительно), что на речке Уды в городе Харькове, в районе Карачёвки есть древнерусский археологический памятник. Этот памятник, изучившие его харьковские археологи, считают небольшой (5–7 сотых га.) древнерусской усадьбой с тремя-четырьмя постройками. Но Б.А. Рыбаков, с некоторыми историками, упрямо желают называть эту усадьбу городом Донец. И вот, возможно, для подкрепления своей идеи: (Карачёвка — город Донец), для придания ей логичности, Б.А. Рыбаков и переименовал речку Уды в реку Донец — очевидно, имея ввиду упомянутый в «Слове о полку Игореве» какой-то Малый Донец.

Так дружины Игоря, ведомые Б.А. Рыбаковым, и те же дружины, ведомые С.А. Плетнёвой, оказались в одном месте. Очевидно, Светлана Александровна понимала, что дружины Игоря не могли идти по землям Переяславского княжества, и потому к схеме своего учителя внесла небольшую поправку — путь по Муравской дороге. А потом, по её схеме, несмотря на собственные замечания, что «Идти весной, во время разлива рек и речушек по степи большому соединению (с пешим войском и обозом) было нелегко. Приходилось следовать только по водоразделам», здесь она, вместе с Б.А. Рыбаковым, ведут дружины Игоря через весенние реки: Уды, Лопань, Харьков, через заросшие дикими лесами их междуречья к Донцу. Хотя водораздел с «наезженной дорогой» находился — к северу в половине дня пути. Но для пущей ясности (или неясности?) приведём строки С.А. Плетнёвой: «Игорь со своим войском прошёл по Муравскому шляху всего около 100 км, затем повернул с него по одной из наезженных дорог в верховьях Донца на восток и примерно 30 апреля подошёл к переправе через Донец. Согласно летописи, 1 мая, в среду, русские полки стояли на Донце, где их и настигло затмение солнца». Но тут, мне кажется, некоторое затмение посетило самоё Светлану Александровну: ведь во всех летописях написано: «Идущимъ же имъ к Донцю реки в годъ вечернии Игорь же возревъ на небо и виде солнце стояще яко мѣсяць». Астрономы вычислили точное время затмения солнца 1 мая 1185 года: его полная фаза была в 16 ч. 55 мин. Но к этому астрономическому времени (летом) нам нужно прибавить ещё два часа (летний час и «декретный» час), и получится 18 ч. 55 мин. — вечер и солнце закрылось, темно. Пока глядели на солнце, ждали, рассуждали, солнце открылось, но уже сумерки... «Игорь же рече: „Братья и дружино! Тайны божия никто же не вестъ... И то рече перевреде Донец...”». Но у С.А. Плетнёвой 1 мая они почему-то «стояли на Донце» (неужели праздновали?). А потом «шли к Осколу полтора дня (1 и 2 мая)». А этот момент в этих событиях — ключевой: он запечатлён был в памяти участников похода и подтверждён астрономией, и ему, в отличие от дальнейших сочинений летописцев, нужно безоговорочно доверять. Но не будем придираться, Тем более что ни эта схема С.А. Плетнёвой, ни схема Б.А. Рыбакова составителями книги «Белгородская область: история и современность» не приняты. Не примем и мы их, и вернёмся на исходную позицию — к Думному кургану.

Итак, мы у Думного кургана и у нас в руках всё та же статья доктора исторических наук С.А. Плетнёвой: «Заметки археолога о маршруте князя Игоря», («Наука и жизнь» № 4, 1982 г.). Но, я думаю, заголовок этой статьи правильнее было бы написать во множественном числе: «... о маршрутах князя Игоря». Это потому, что автор статьи, без оговорок и предупреждений, оставив лишь пробел в тексте, подробно (по её разумению) излагает нам совсем иной — второй вариант маршрута князя Игоря. Она перемещает место встречи дружин Игоря и Всеволода в «крепостицу при впадении в Оскол речки Холук». И нам придётся теперь обратить своё пристальное внимание на совсем иную местность на карте Белгородской области, и оценить историческую и географическую компетентность автора этого маршрута. А поскольку авторы книги «Белгородская область: история и современность» нам сообщают, что «Многие белгородские историки и краеведы разделяют гипотезу, высказанную ... С.А. Плетнёвой», то эта оценка касается и их — белгородских историков и краеведов.

Рассказ второго варианта маршрута князя Игоря С.А. Плетнёва начала с сообщения о том, что «В 1958 году её археологический отряд во время разведок обнаружил на Осколе небольшое русское городище при впадении в Оскол речки Холук». С этим археологов можно поздравить. Правда, это городище упоминается в источниках XVII века: оно при строительстве «Белгородской черты» входило в её Яблоновский участок. И мы для ознакомления с этой, интересующей нас местностью, и предполагаемыми на ней событиями весной 1185 года, приведем описание её, со ссылками на источники семнадцатого века, из книги В.П. Загоровского «Белгородская черта», (Воронеж, 1969):

«Яблоновский участок был одним из самых важных и опасных на „Белгородской черте“. Здесь „Белгородская черта“ пересекала Изюмскую степную дорогу, проходящую между рекой Корочей и верховьями притоков реки Оскола. Город Яблонов был построен в 1637 году. Важность стратегического положения Яблонова требовала наличия мощных городских укреплений. Мы так же знаем, что Яблонову одно время отводилась роль центра всей создаваемой черты. ... Большого Халанского леса, описанного в источниках XVII века, сейчас не существует. На его месте, между реками Халанью, Осколом и Холком сохранились отдельные лески, рощи. ... От южной опушки Халанского леса начинался земляной вал, длиной в одну версту, кото-

рый спускался в долину реки Холка и доходил „до болота“. „А болота и речка топка, — сообщает П. Зиновьев, — летом проезду и проходу нет“. ... Яблоновский участок „Белгородской черты“ тянулся примерно на 40 километров. Наиболее важным районом Яблоновской зоны был западный край её. Здесь находился и город Яблонов, построенный на самой Изюмской дороге. В центральной и восточной частях Яблоновского участка в „Белгородскую черту“ были включены естественные препятствия для татар: Холанский лес, болотистая долина реки Холка, Голубинский лес».

Как добирались по дремучим лесам и болотам дружины Игоря до крепостицы на реке Осколе, где они «перебрели Донец»? Об этом С.А. Плетнёва в журнальной статье скромно умалчивает, а сообщает нам о уже свершившемся событии: «Считаю вполне вероятным, что именно эта пограничная русская крепостица и была местом встречи князей.

По данным летописи, Игорь Святославич пробыл там два дня (3 и 4 мая, пятницу и субботу). В эти дни подошёл к Холку и Всеволод ...».

Ну, как не поверить нам, читателям журнала «Наука и жизнь», столь уважаемой даме, что сообщает нам она об исторических событиях строго «по данным летописи»? В действительности же никаких чисел в летописях нет, кроме числа начала похода: «месяца апреля в 23 день, во вторник». Затмение солнца 1 мая, в среду определено астрономами. А по данным летописи, битва была три дня: пятницу, субботу и воскресенье. Как сказано в «Слове о полку Игореве»: «Бишася день, бишася другой; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы». Но о месте битвы и о её днях нам ещё предстоит поговорить при походе по третьему — «особому пути» в поле Половецкое. Но мы окажемся несправедливыми, если будем утверждать, что гипотезы маршрута дружин Игоря до крепостицы на Осколе у С.А. Плетнёвой нет. В 1991 году Белгородским краеведческим музеем была издана книга историка-краеведа из Волоконовки А.Г. Николаенко «Северо-западная Хазария или Донская Русь?..». В этой книге есть небольшая статья: «По следам князя Игоря», в которой автор об этих следах сообщает нам следующее: «Место остановки и встречи на Осколе учёные указывают по-разному. Свою точку зрения высказала доктор исторических наук С.А. Плетнёва. В статье, посвящённой Холковскому городищу, она пишет: „Нам кажется вполне вероятным предположение, что Игорь и Всеволод, условившись встретиться на Осколе, имели в виду какой-то определённый пункт. Этим пунктом могла

быть единственная русская крепость на Осколе — Холок. Всеволод подошёл к ней из Курска дорогой через переволоку, а Игорь, перейдя Донец, по броду у впадения в Донец Нежеголи, пошёл по Нежегольскому шляху, действовавшему и поныне, к Холку... Игорь же ждал Всеволода у Холка 4–5 мая, а 6 мая они тронулись по Изюмскому шляху или вдоль берега Оскола на юг, к половецким кочевьям”.

Вполне закономерное предположение, с военной точки зрения...». Соглашается с С.А. Плетнёвой А.Г. Николаенко. Насчёт военной точки зрения?.. Не знаю... не знаю... Я, к сожалению, как и Василий Иванович Чапаев, «академий не проходил», а вот с точки зрения элементарной логики — это абсолютная глупость. Какими путями-дорогами дружины Игоря пришли к правому берегу Донца, к месту впадения в него реки Нежеголь (где брода не было, и быть не могло) автор гипотезы нам не сообщает. (Кстати, неподалеку от этого места располагается теперь база отдыха Белгородского университета). А от впадения в Донец объединенных рек: Кореня, Корочи и Нежеголи идти к впадению в Оскол р. Холок — это значит идти сто километров в обратном направлении, на север-восток. А через два дня возвращаться назад: идти почти той же дорогой «на юг, к половецким кочевьям», как пишет С.А. Плетнёва. И историк-краевед А.Г. Николаенко с ней соглашается, считает, что это «закономерно с военной точки зрения». Но вот авторы схемы, помещённой в книге «Белгородская область: история и современность», изобразили на ней, причём со ссылкой на авторитет С.А. Плетнёвой, совсем иной маршрут Игоря к крепостице на Осколе. А это получается, что доктор исторических наук С.А. Плетнева предлагает нам аж три (3) варианта маршрута похода князя Игоря! Как говорится, неисповедимы пути... наших историков. И всё не «в ту степь».

11

А сейчас нам нужно тщательнее поразмыслить о «любимой» крепостице на реке Осколе: определить её, так сказать, геополитический статус-кво.

Я думаю, не надо быть доктором никаких наук, а достаточно интересоваться географией и историей своего края, т.е. быть краеведом, чтобы определить историческое значение и задачи этой крепостицы на местности Оскола и Донца. Поинтересуемся сначала географией. Развернув карту Белгородской области, мы увидим, что на этой местности находятся основные истоки реки Оскола. От крепостицы вверх по течению с западной, правой стороны в Оскол здесь впадают шесть

речек. И если мы посмотрим на областную карту почв, то обнаружим, что на этой местности, как и на всех междуречьях верхних рек Донца, находятся почвы обозначенные как — почвы на месте дубовых лесов. Можно ещё припомнить, что имя реки Короча этимологи считают произошедшим от тюркского слова «карача» — чёрный лес. Это аналогия со словом «Каракум» — чёрные пески. А это значит, что половцы по местности с такими эпитетами, со своими стадами и запряженными волами тяжелыми кибитками, не ходили. И Изюмская дорога, очевидно, заканчивалась у них у этого леса. С.А. Плетнёва считает, что русичи по ней ходили. О пути Всеволода она пишет: «... шёл он сначала по Изюмскому шляху, а потом — лесом — древней наезженной дорогой». Кто и зачем её «наезживал»?.. об этом Светлана Александровна нам не сообщает. Как не сообщает и об очень важном событии этого похода: где на этих «наезженных дорогах» застало солнечное затмение дружины Игоря и Всеволода?.. Ведь «по данным всех летописей» — «Идущим же им к Донцу реке...», а тут получается — к крепостице на Осколе. Но Донца реки на этих «наезженных дорогах» нет. И это хорошо видно даже на очень нечестно нарисованной схеме к статье «По следам дружины князя Игоря» в книге «Белгородская область: история и современность». Речка Холок почему-то изображена на ней только именем и на месте речки Ольшанка. А ниже по течению Оскола есть ещё две речки: Холань, а потом лишь Холок — в начале Ново-Оскольского изгиба реки Оскола — там, где на схеме изображён конец перехода 6 мая. (Извините, картографы, но карту вашу мы немного исправим). И граница русских земель должна проходить здесь, у этой крепостицы. И если на этой схеме похода князя Игоря нарисовать все впадающие в Оскол с правой стороны четыре речки, то её несостоятельность, даже без упоминания лесов и болот, окажется очевидной.

В 1985 году, в 800-летие похода князя Игоря, Харьковским университетом был организован поход по предполагаемому маршруту дружин Игоря. Начинался поход из Новгорода-Северского 23 апреля, и был выбран маршрут, предложенный С.А. Плетнёвой.

Руководил походом-экспедицией харьковский историк М.Ф. Гетманец. В том же году М.Ф. Гетманец опубликовал в харьковской газете небольшую статью об этом походе. В этой статье он писал, что когда они пришли в конце апреля в район Прохоровки, то перед их «дружиной» возникла задача: где им, согласно летописи, «перебреле Донец»? Ведь от Прохоровки в верховьях рек Донца на восток по водоразделу шла прекрасная дорога до верховьев реки Короча. А там,

перепрыгнув через Корочку, нужно повернуть на юг и идти по водоразделу между рекой Корочей и верховьями притоков Оскола речками: Ольшанка, Холань, Холок. А у села Яблоново повернуть на восток и идти 30 километров к Осколу, к Холокской крепостице.

Но они всё же решили поискать хоть какой-то брод через реку Донец и пошли по просёлочной дороге в верховьях Донца к селу Подольки. А когда пришли в село, обнаружили вместо брода лишь бродивших по лугу, и дружно приветствовавших их криками, гусей. Возражал в этой статье М.Ф. Гетманец и против расстояния дневного перехода в 30–35 километрах, которые предлагались Б.А. Рыбаковым и С.А. Плетнёвой. Он писал, что шли они с обозом, свободно проходили в день в среднем 50 километров, и ещё оставалось время читать в колхозных клубах лекции. Очевидно, у М.Ф. Гетманца есть и более подробный отчёт об этой экспедиции, сделал ли он вывод о значении Холокской крепостицы в этом маршруте, мне это, к сожалению, не известно. Попробуем сделать этот вывод «самостоянно».

А этот геополитический вывод, как говорится, однозначный: к правому берегу Оскола, к дороге, проходившей по водоразделу в 30 километрах к западу от неё за лесами и болотами — эта крепостица никакого отношения не имела, и иметь не могла. А присматривала эта крепостица из-за реки за левым берегом Оскола, куда тоже с южных степей приходили половцы, но совсем другие. А этот левый берег относился уже совсем к другому княжеству-государству. За Осколом была земля Рязанского княжества. А Рязанское княжество входило тогда в «Большое гнездо» Владимиро-Суздальского княжества, в котором княжил сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха великий князь Всеволод Юрьевич. В Рязанском княжестве в 80-х годах XII века княжили пять сыновей Глеба Ростиславича, умершего в 1176 году. Эти братья доводились троюродными племянниками Игорю и Всеволоду. Но они были в то время, можно сказать, на военной службе у Владимиро-Суздальского князя Всеволода «Большое гнездо». И это к Всеволоду Юрьевичу с укором обращается автор «Слова о полку Игореве»: *«Великий княже Всеволод! Неужели и мысленно тебе не прилететь издалёка отчий золотой стол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать, а Дон шеломами вылить! ... Ты ведь можешь посуху живыми копытами стрелять — удалыми сыновьями Глебовыми».*

Зачем же дружинам Игоря и Всеволода по бездорожью через леса нужно было идти 30 километров к Осколу в чужую крепостицу, а потом возвращаться назад — идти 30 километров на водораздел, на до-

рогу? Но эти геополитические нюансы, похоже, историков, составителей схем маршрута похода Игоря нисколько не беспокоят. Вроде бы они хорошо знают историю тех лет, бойко перечисляют десятки имён князей русских и ханов половецких, множество дат и событий, но никаких обобщающих аналитических выводов найти у них невозможно. Очевидно, верно изречение, что знание и понимание — это совершенно разные вещи. А ведь это — великая история, великого народа, и её нужно не только знать, но и понимать. Иначе будут правы те, кто утверждает, что история ничему не учит. Хотя с ними можно и согласиться, если после слова история вставить слово — «дураков».

Вот таков наш вывод о гипотезе маршрута князя Игоря, предложенной С.А. Плетнёвой. А поскольку, как сообщает книга «Белгородская область: история и современность», «многие белгородские историки и краеведы разделяют гипотезу, высказанную ... С.А. Плетнёвой», то этот вывод касается и их. И я надеюсь, что белгородские историки и краеведы отнесутся к вышеприведенному выводу с пониманием, откажутся «разделять гипотезу» С.А. Плетнёвой и тщательно проанализируют предлагаемую гипотезу — «особого пути» в поле Половецкое.

12

Нам на старте третьего «особого пути» желательно вкратце припомнить события, предвещающие поход в Русскую землю дружин Игоря весной 1184 года. Этот поход состоялся после того, как ранней весной 1184 года:

*«Князь же Святослав Всеволодович, сгадав
Со сватом своим Рюриком, поидоша на Половце.
И сташа у Ольжичь, ожидающе
Ярослава из Чернигова.
И устрете и Ярослав рече им: «Ныне, братья,
Не ходите, но срекше время, оже дастъ бог,
На лето поидем».*

Так в том году упреждающий поход на половцев не состоялся, и потому была несомненная вероятность прихода половцев на кочевья в русские земли. В том числе и в бассейн верховьев Донца. И великий киевский князь Святослав послал своего сына Всеволода с дружиною к Игорю, «веля ему (Игорю) ехать в себе место», т.е. в свою землю в верховьях Донца, чтобы защитить её от половцев. А второй киевский

князь, соправитель от Мономаховичей, Рюрик Ростиславич послал в помощь Игорю своего человека: Переяславского князя Владимира Глебовича, который перед выступлением в поход, на месте сбора войска заявил Игорю, что ему: «князи бо Русци дали бяхуть наперед ездити в Русской земли». Этой фразой Владимир Глебович заявлял, что киевские князья в походе в Русскую землю якобы предоставили ему самостоятельность — неполное подчинение Игорю. А Игорь «не дол ему того».

*«Владимир же разгневался и возвратися.
И оттоле идя, идее на Северские города
И взя в них много добыток».*

Где произошла ссора, откуда возвращался Владимир? Особенно гадать не будем, а предположим, что сбор войска происходил на традиционной местности, на развилке степных дорог у Думного кургана. Дружины Северских князей со своих городов: Путивля, Рыльска, Новгорода-Северского, Курска, шли к месту сбора своими дорогами. Владимир Глебович шел из Киева по дороге проходившей по водоразделу Десны и Сейма с северной стороны, а с юга — в верховьях Суллы и Псла. В XVII веке эта дорога называлась Бакаев шлях. И по этой же дороге во времена Киевской Руси проходила граница между Переяславским княжеством Мономаховичей и княжествами Ольговичей от Чернигова до Курска, по которой имели право ходить и ездить все без уведомления и разрешения.

Вот по этой дороге разгневанный Владимир Глебович и пошёл назад, к себе в Переяславль. А с правой стороны этой дороги располагались Северские города и сёла, и отняли воины Владимира у выехавших на поля Северских христиан лошадей. Они ведь намеревались добыть их у половцев. Насчёт же «добыток» в городах, очевидно, всё же летописцы преувеличивают: войти в укрепленный город за «добытками» — это очень серьёзное мероприятие.

Расставшись с Переяславскими дружинами, Игорь отправил назад, в Киев и киевские полки, а сам, как пишет летописец, с остальными князьями поехал на юг особым путём. И на этом особом пути на реке Харию он встретил половцев с их стадами и кибитками. И летописец описывает события этой встречи, подобие которым встречаются во многих летописных текстах: «бысть тое ночи тепло и дождь рамян и умножилась вода», и многие половцы и их кони и скотина «потопли суть в Харию, бегающе перед Русью».

Месторасположение реки Харию нашим историческим и географическим наукам не известно, но мы дерзнём предположить и аргу-

ментировать, что река Харию — это современная река Харьков. Какими путями-дорогами половцы и дружины Игоря шли к ней, об этом нам предстоит поговорить, проанализировать более обстоятельно.

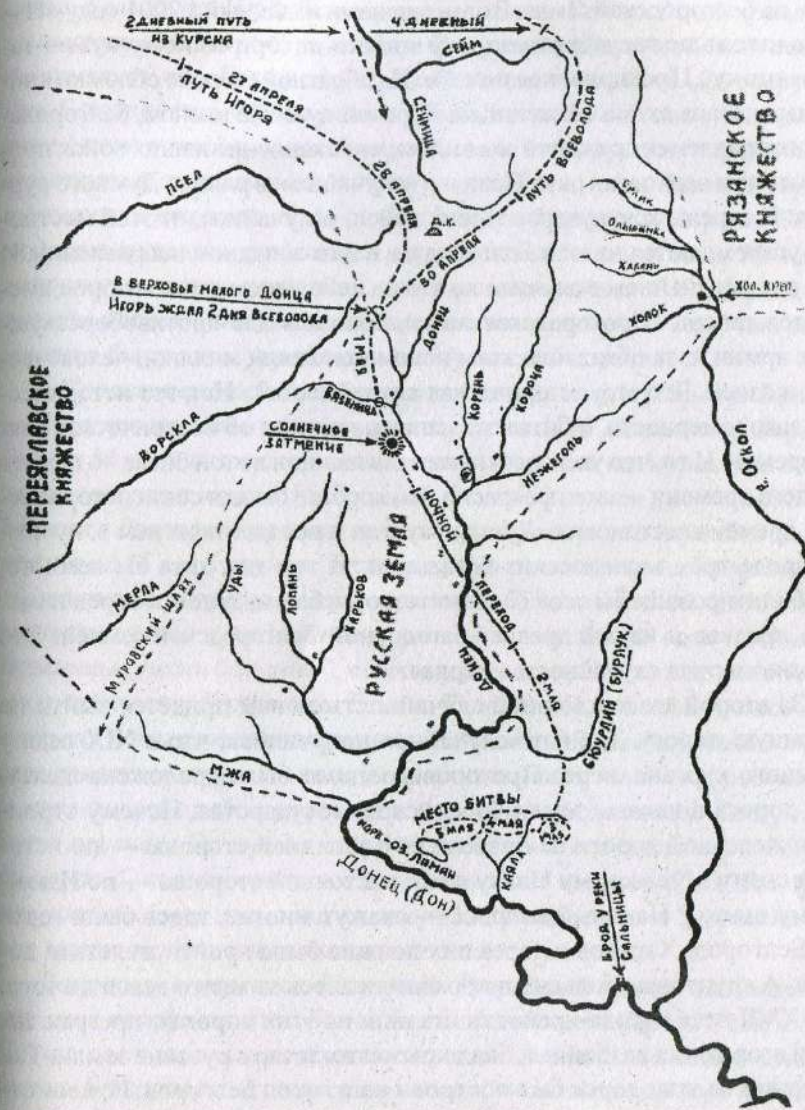

Рис. 14. Белгородский вариант историко-географической реконструкции похода князя Игоря на половцев в 1185 году.
Автор А.Д. Жучков

Некий философ когда-то изрёк, что «закономерности истории часто появляются в виде случайностей», (а мы уточним) — в представлении людей плохо знающих историю или нежелающих делать из неё аналитические выводы. Поищем для примера эти «закономерные случайности» на белгородской земле. Вот перед нами изданный в 2001 году «Путеводитель по государственному военно-историческому музею-заповеднику „Прохоровское поле”». На обратной стороне обложки книги напечатана схема сражений на Курской дуге. На южном, белгородском направлении сражений мы видим, что скопление наших войск происходило в верховьях реки Псла, — «случайно», в районе Думного кургана. И стрелы контрударов наших войск, «случайно», от этой местности устремляются на юг к Белгороду, и в юго-западном направлении. И так вот, «случайно», получилось, что на небольшом поле, которое именуется теперь «Прохоровское поле», сошлись две противоборствующие армии и, за обладание этим полем положили миллион человеческих жизней. Что это, историческая случайность?.. Нет, это историческая закономерность, и битва эта напоминает нам об исторической связи времён. И то, что увековечена память павших в этой битве — память нашего времени — это прекрасно. Но хорошо бы для связи исторических времён восстановить Думный курган и поставить на нём ... ну что-то вроде трёх васнецовских богатырей. И тем мы, хотя бы немного, реабилитировали бы своё беспамятство, неблагодарность перед памятью предков и нашей древней загадочной Белгородской землёй. Это «закономерная случайность» первая.

За второй «закономерной случайностью» нам придётся выйти на большую дорогу. Так вот «случайно» получилось, что в XIX веке у Думного кургана, через Прохоровское поле была проложена железная дорога в южные земли Российского государства. Почему строители железной дороги не провели её с западной стороны — по историческому Муравскому шляху или с восточной стороны — по Изюмскому шляху? Наивный вопрос! — скажут многие: здесь были города, Белгород, Харьков и через них должна была пройти железная дорога. А грунтовые большаки проходили здесь за много веков до того. А в XVII веке города-крепости ставили на этих дорогах, преграждая пути вторжения разбойных банд крымских татар в русские земли. Так на одной из этих дорог был построен наш город Белгород. И, несмотря на то, что на этой дороге был построен главный город-крепость «Белгородской черты», она не упоминается и не анализируется её стратегическое значение историками, изучавшими события XVI–XVII веков на землях бассейна Донца. В прекрасной книге воронежского

историка В.П. Загоровского есть об основании Белгорода такие, надемся, небезыңтересные для жителей города строки:

«Первая половина XVII в. завершилась важным событием в истории сооружения Белгородской черты — перенесением на новое место г. Белгорода. Неудобство расположения Белгородской крепости выявилось осенью 1646 г., когда к Северскому Донцу подошёл с запада земляной вал. Белгород был отделён от вала рекой. До сооружения Белгородской черты расположение города на левом, низком берегу „меж топей и болот” оправдывало себя, русские города полевой окраины строились тогда под защитой рек, лесов, болот. Во время татарских вторжений 1644–1645 гг. по Муравской дороге, Белгородскую крепость отделяла и защищала от татар река. Но после сооружения вала „прятать” город не имело смысла. Наоборот, интересы обороны страны требовали выдвинуть город к валу, что резко усилило бы русские укрепления на Муравской дороге».

«Проект переноса Белгорода к земляному валу, к устью р. Везеницы был предложен в общих чертах князем Н.И. Одоевским. Вернувшись в Москву после сооружения земляного вала на Муравской дороге, он говорил в начале 1647 г., что Белгород стоит „не у места”. В Москве в Разрядном приказе приготовили уже указ о переносе Белгорода в 1647 г. к устью р. Везеницы. Но против переноса крепости выступили белгородцы „всем городом”. В коллективной челобитной жители города и уезда писали, что около земляного вала у устья р. Везеницы „пески большие”, поэтому нельзя укрепить ров, непрочными окажутся и деревянные башни. Главное всё же заключалось не в минусах нового местоположения крепости. Мелкие служилые люди отказывались строить новый город из-за того, что, не переставая, почти два года работали на строительстве укреплений. Если решение о переносе Белгорода не будет отменено, все жители разбегутся „врозь”, так говорилось в челобитной. 25 июля 1647 г. в Белгород направлена была грамота, в которой говорилось, что „город на новое место переносить не велено до нашего указа”.

Вопросом о переносе Белгорода Разрядный приказ занимался в течение нескольких лет. Вновь были обследованы берега Северского Донца, составлены чертежи местности. Возникла и идея о возвращении Белгорода „на старое городище” — на меловую гору правобережья Северского Донца в нескольких километрах от устья р. Везеницы, где находился Белгород в 1596–1621 годах.

В 1650 году правительство вернулось к плану строительства Белгорода при устье р. Везеницы. ... 17 сентября 1650 года В. Головин

заложил город на новом месте. ... Осенью 1650 г. город был готов, по форме он представлял собой деревянный острог с обломами, причём южную сторону стены крепости заменял земляной вал, шедший по левому берегу р. Везеницы».

13

Почему город Белгород был перенесён именно к устью р. Везеницы, об этом В.П. Загоровский не сообщает. И, похоже, что результатами обследования берегов Северского Донца Разрядным приказом, и причиной его решения перенести город-крепость к устью Везеницы он не интересовался. И потому нежелание служилых людей строить крепость на новом месте В.П. Загоровский видит «не в минусах нового местоположения крепости», а в усталости служилых людей. Но суть сопротивления жителей города была всё же «в минусе нового местоположения крепости». Ведь при мысли выходить из-за реки Донца на открытое место, на большую дорогу — обязательно почувствуется «всем городом» не только усталость, но и дрожь во всём теле, и желание разбежаться «врозь». Но в книге всё это смягчается лишь усталостью служилых людей, строителей Белгородской черты, которая, несомненно, имела место быть. Ещё в книге имеется «Схематическая карта Белгородской черты», на которой Белгородская крепость расположена в стороне от дорог вторжения крымских татар и не одна стрелка их походов на эту крепость не направлена. А вывод у В.П. Загоровского о переносе Белгорода на новое место такой: «Интересы страны требовали выдвинуть город к валу, что резко усилило бы русские укрепления на Муравской дороге».

Вот такое у В.П. Загоровского резюме: выдвинуть город-крепость к валу и с интересами обороны страны всё будет хорошо. В общем, получается «валовое» резюме. Нет, всё было сложнее и интереснее. Разрядный приказ три года занимался изучением местности не зря. «Приказ» понял, что здесь много веков проходила исконная (позже Московская) дорога, и что здесь находилась развилка дорог: с юго-запада — с Муравской дороги, с Кашарской горы, а с юго-востока — с Изюмской дороги, с Тавровской горы, которые годились не только для обороны, но и для наступления на юг, для освоения новых земель. (Прошли сначала к Чугуеву, основали Харьков, а потом — Изюм). И поэтому на этой дороге должен быть поставлен главный город оборонительной черты — город Белгород. Как сказано в поэме по аналогичному историческому случаю: «Здесь будет город заложен, назло

надменному соседу». Хвала Разрядному приказу! И срам нашим современникам.

Ведь историк В.П. Загоровский отнёс, очевидно, эту дорогу к нашему, новейшему времени. Похоже, что и белгородские историки и краеведы, нарисовавшие схему похода князя Игоря в книге «Белгородская область: история и современность», относят эту древнюю дорогу к современности. Иначе, не повели бы они русские дружины от Думного кургана на восток — делать крюк в сотни километров по лесам и болотам, как Сусанин Поляков. А ведь по этой дороге полторы тысячи лет до основания Белгорода бродила русская история, что очень убедительно может рассказать археология. И что же она, археология может нам рассказать об этой дороге, о «тёмных веках» на земле верховьев Донца, когда он ещё не был Северским?

Археология, как известно, состоит из археологов, а у них, у археологов, как и полагается в науке при добывании истины, мнения по отдельным вопросам истории часто бывают разные. И это хорошо: мы из этих разных мнений будем выбирать свои, выгодные для наших исторических выводов, «истинные» мнения. Хорошо бы для начала сослаться на исторические мнения, по интересующим нас вопросам, наших белгородских археологов-историков. Но белгородская историческая наука «тёмными веками» не интересуется, она изучает более поздние времена — «просветлённые» гунским нашествием. Но у нас есть хорошие соседи курские археологи, и мы возьмём для ознакомления с их трудами несколько строк из большой статьи О.А. Щегловой и А.В. Зорина «Тёмные века».

В начале своей статьи авторы сообщают, что в названии их труда и в подзаголовке: «**Курский край в римское время**», содержится противоречие. Ведь римская империя перестала существовать в V веке нашей эры, а город Курск и славянские племена, основавшие его, упоминаются в летописях с конца десятого века н.э. И авторы вопрошают: «*Так имеем ли мы право говорить о том, кто и как жил на территории современной Курской области почти две тысячи лет назад?*» И отвечают: «*Учёные смогли положительно ответить на этот вопрос только в результате исследований самого недавнего времени*».

А пояснить суть этого вопроса могут такие строки из этого научного труда курских археологов: «*Однако история развивается не всегда по прямой, и археология часто преподносит сюрпризы и загадки. Одна из таких загадок долго не могла найти однозначного объяснения в науке. Дело в том, что в III–V вв. на огромной территории*

лесостепей и степей, от нижнего Дуная на западе, до современных Курской, Белгородской и Харьковской областей на востоке была распространена ещё одна археологическая культура, совсем не похожая на киевскую. По месту находки первого могильника её называют **Черняховская культура**».

Академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси» подводит некоторые итоги образования Черняховской культуры. На помещенной в книге карте её распространения, Черняховская культура в бассейне верховьев Донца изображена отдельно от основного массива — в виде анклава. И ещё Б.А. Рыбаков датирует образование Черняховской культуры, начиная со II века н.э., а этого времени придерживается большинство историков. А итоги Б.А. Рыбаков подводит такие:

«В итоге о Черняховской культуре следует сказать, что она является прежде всего порождением, прямым следствием того подъёма в развитии причерноморского региона и его широкой периферии, который наблюдается начиная со II в. н.э. Отток сарматов на Средний Дунай, прекращение разгрома античных городов, появление в эпоху Траяна такого могучего хозяина, как Рим, заинтересованного в экономике варварского земледельческого мира, широкая и длительная торговля хлебом с ним, социальное развитие самого варварского мира — вот комплекс тех новых исторических условий, в которых протекал переход от первобытных (поневоле) зарубенецких форм быта к новым, называемым нами условно термином Черняховских».

Конечно, может возникнуть вопрос: и зачем нам эти «тёмные века» и «варварский мир»?.. Ведь мы ищем маршрут похода дружин князя Игоря. Нет, вообще-то мы ищем историю нашей русской земли, которую наша историческая наука, где вольно, а где невольно, мягко говоря, искажает. А значительная часть русской истории в «тёмные» и «серые» века бродила по дорогам и землям бассейна Донца. И без определения исторического статуса земли верховьев Донца (II–XII вв.) нам маршрута и цели похода дружин князя Игоря не найти и не доказать.

Вот авторы научной статьи «Тёмные века» курские археологи О.А. Щеглова и А.В. Зорин суть вопроса, кажется, понимают, в заключение своего труда они пишут:

«Память о событиях рубежа IV–V вв. н.э. долго жила в устной традиции разных народов. Так, автор „Слова о полку Игореве“, живший в XII в. и уж явно не читавший сочинений Иордана об истории готов, вдруг вспоминает готских дев „славящих время Бусово“, то есть поющих как раз о временах Винитария и побеждённого им

антского вождя Боза. Однако первое место в реконструкции истории племён, живших на территории Днепровского лесостепного левобережья, в том числе и в Курском крае, в римское время и в бурную эпоху Великого переселения народов, принадлежит памятникам археологии, исследование многих из которых ещё ждёт своего часа».

Хорошо, вот только продолжительность «русского часа» тоже надо бы исследовать. А потом, почему память «жила в устной традиции»? Память об истории антов-русов могла быть и записана. Вопрос в другом — почему автор «Слова о полку Игореве» в XII веке помнил о событиях II–IV веков, а в последующих веках о них все забыли? Ответ здесь очевиден: эта «память», говоря современным языком, была записана на языческих носителях, а с приходом христианства, эти «носители» очень усердно стирались, уничтожались. Но нам очень повезло: нам достался «уединенный памятник» от тех языческих времён — «Слово о полку Игореве». И потому наша «христианская» историческая наука прочесть его не может, даже некоторые её представители считают «Слово о полку Игореве» подделкой XVIII века. А ведь в этом «Слове» речь идёт о нашей Белгородской земле, о её «тёмной» истории, попытаемся эту историю, по нашей возможности, просветлить, анализируя труды наших историков о племенах и событиях первых веков нашей эры. Почитаем труды Б.А. Рыбакова.

«На восток от Нижнего Днепра, как мы помним, Черняховских памятников совершенно нет, а правый, западный, берег Днепра и излучина Понта усеяны ими. Это даёт нам полное право отождествлять Черняховскую культуру II–IV вв. с антами, хотя, разумеется, в южной приморской полосе население неизбежно должно было быть смешанным, так как земледельцы здесь жили издавна, а славяне-анты просочились сюда в связи со своими торговыми операциями, дававшими им несметное количество римской монеты. Огромная область Черняховской культуры не только не была населена готами, но и не принадлежала им. Готские князья гибли на границе антской (Черняховской) области у Нижнего Днепра.

Последний и самый важный для нас вопрос, связанный с повествованием Иордана, это пересказ этического сказания о вражде готов и росомонов. В готской и аланской среде слово „росомоны“ означало „люди рос“, что позволяет нам вспомнить свидетельство сирийского автора VI в. о народе „РОС“ где-то на северо-запад от земли амазонок, локализуемых в Приазовье, на месте остроготов».

Вот этот, «последний и самый важный для нас вопрос, связанный с повествованием Иордана, мы и будем с пристрастием, по нашему разумению, анализировать: прав ли, честен ли академик в своих выводах при его решении. А важность вопроса заключается в определении места проживания в первых веках н.э. «росомонов», они же «люди рос», они же, по свидетельству сирийского автора VI в. «народ рос» и они же анты, и носители Черняховской культуры. И некоторые историки (П.Н. Третьяков) видят в Черняховской культуре «несостоявшуюся народность», а другие (Б.А. Рыбаков и, извините, автор этих строк) наоборот — зарождение этноса Русь.

Но к академику Б.А. Рыбакову у нас имеются претензии по поводу Черняховской культуры в верховьях бассейна Донца. Похоже, он преднамеренно умалчивает о русской истории в верховьях бассейна Донца потому, что она путает все его построения об истории «тёмных» и «серых» веков русской земли.

В книге Б.А. Рыбакова «Язычество Древней Руси» помещена карта, на которой «росомоны» изображены на Правобережье Днепра. Автор пишет: «„Люди росы“ — „росомоны“ Иордана — обитатели как киево-росского региона, так и заселённого отсюда района днепровской луки и Порогов». Но, по Иордану, между готами и росомонами был военный союз и, очевидно, больше ста лет они вместе громили греко-римские города Северного Причерноморья, (примерно с 230 г. и точно до 375 г.). Но Борис Александрович пишет: «Огромная область Черняховской культуры не только не была населена готами, но и не принадлежала им. Готские князья гибли на границе антской (черняховской) области у Нижнего Днепра».

О гибели готских князей, кроме Германариха, то ли от старости, то ли от самоубийства, Иордан не рассказывает, он с удовольствием рассказывает о захвате и предании мучительной казни распятием вожда антов Боза, его сыновей и 70 старейшин — «чтобы трупы распятых удвоили страх покорённых». Случилось это — «Время Бусово» на рубеже IV–V вв., по Б.А. Рыбакову, — у Нижнего Днепра, в земле росомонов. Можно, конечно, авторитету академика безоговорочно довериться. Но можно и, по принципу, доверяй, но проверяй, проверить географические координаты земли «народа рос», указанные сирийским автором.

Географические координаты «народа рос» сирийского автора Б.А. Рыбаков приводит в таком виде: «... где-то на северо-запад от

земли амазонок, локализуемых в Приазовье, на месте остготов». Интересная локализация! Почему-то амазонки — на месте остготов? Ведь амазонки приплыли в Приазовье в IV веке до н.э., а готы — в III веке н.э. Так кто же на чьём месте в Приазовье локализуется? Может академик, по рассеянности, ошибся? Нет, преднамеренность этой «ошибки» становится понятной при прочтении, в том же тексте, следующих строк: «... готские племена не составляли сплошного массива: одна многочисленная группа обитала на левом, северном, берегу Дуная, а другая — далеко от первой, в Приазовье и точнее не определяется».

Отсюда — аналитический вывод: если амазонки локализируются в Приазовье на месте остготов, а готы обитали «в Приазовье и точнее не определяются», тогда «землю амазонок» можно локализовать в любом месте Приазовья. Но очень желательно чтобы днепровская лука — место проживания росомонов, находилось от земли амазонок на северо-западе. Поэтому поместить амазонок нужно, согласно географическим координатам, — на Приазовской земле, где-то поближе к крымскому перешейку, что и изображено на приведенной в книге карте. Но ведь «земля амазонок» в Приазовье локализуется совершенно определённо рассказом Геродота и современной археологией.

«Согласно легенде, излагаемой Геродотом, савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками, которые после сражения при Фермодонте (современная р. Терме в Колподонии, впадающая в Чёрное море) были пленены эллинами и на трёх кораблях переправлялись через Чёрное море. Во время плавания амазонки перебили всех мужчин и, не умея обращаться с парусами и веслами, долго носились по волнам. Наконец, они пристали к кремнам, которые находились в земле свободных скифов на озере Меотида. После войны скифов с приплывшими амазонками скифские юноши вступили с ними в брак и с частью своего имущества перешли в стан амазонок. Но амазонки попросили своих мужей переселиться из своей страны за р. Танаис, объяснив эту просьбу тем, что лишили юношей их отцов, причинили великое зло стране, а потому их страшит мысль об обитании в этих местах. Юноши согласились на это».

Археология (Изд-во «Археология СССР», том «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время») нам сообщает: «Легенда об амазонках, излагаемая Геродотом, согласуется с версией о расселении савроматов и с археологической ситуацией, поскольку в степях

междуречья Дона-Волги и Заволжья выделяется единая археологическая культура, отождествляемая всеми исследователями с савроматами IV в. до н.э.».

Итак, по красивой легенде, излагаемой греческим историком IV века до н.э. Геродотом, савроматы-сарматы произошли от брачного союза скифов с амазонками на севере озера Меотиды (Азовского моря). Ни скифы, ни амазонки мореплавателями не были, следовательно, их союз происходил на суше, и «земля амазонок», в таком случае, локализуется у устья Дона — в районе города Ростова-на-Дону. Приазовьем там может и пахнет, но не очень, и готами тоже, хотя они и разгромили у устья Дона в середине III в. н.э. греческий город Танаис.

На географической карте район г. Ростова-на-Дону — «земли амазонок», и район Днепровской луки — «земли росомонов», находятся на одной географической широте, следовательно, — на координате запад-восток, и с координатами сирийского автора VI века н.э., указывающего на северо-запад от «земли амазонок», не совпадают.

Таким образом, у нас есть шанс провести эту линию: от «земли амазонок» на северо-запад, и сделать, может быть, серьёзное открытие для нашей исторической науки. Но, во всяком случае, для Белгородской земли — это точно. Да, на северо-запад от «земли амазонок» находятся земли верховьев Донца. И здесь же находится, отдалённая от основного днепровского массива, черняховская культура антов-росов. Поэтому историю Русской земли в верховьях бассейна Донца нужно начинать считать со второго века нашей эры. А так же нужно признать, что сирийский автор в VI веке н.э. правильно указал географические координаты — на землю народа рос, а академик Б.А. Рыбаков ошибся... умышленно.

Белгородцам, конечно, обидно за пренебрежительное отношение нашей исторической науки к землям верховьев Донца, поэтому попробуем разобраться в первых веках истории своей земли самостоятельно.

Нам нужно не забывать, что мы ищем маршрут дружин князя Игоря в походе на половцев весной 1185 года. Но чтобы определить маршрут — путь войска на местности, нужно знать, куда и зачем оно, войско, шло. Но наша историческая наука этого не знает, да, похоже, что и знать не хочет. Наша история, в лице её ведущих корифеев, вполне довольствуется летописными рассказами о походе Игоря с целью грабежа, укоряет Игоря в алчности, и лишь иногда (смущаясь, в скобках) вставляет в текст указания цели похода из «Слова

о полку Игореве». Вот такие, к примеру, строки наших ведущих историков:

«Нелегко было Игорю Святославичу, нетерпеливому князю, мечтавшему проложить путь до предгорий Кавказа (поискать града Тмуторокана), признаваться в том, что он хитрил, обманывал, तोпился первым поживиться в половецких вежах...»

Б.А. Рыбаков.

«Задачи и цели этого похода очень различно оценивались исследователями. Поход Игоря в 1185 г. преимущественно был набегом, рассчитанным главным образом на внезапность и на отсутствие больших половецких сил...»

С.Д. Лихачев.

«...прежде всего, возникает вопрос: зачем Игорь отклонился от своего пути, от выбранного им направления и изменил основной задаче — „преломить копье о конец поля половецкого“? Вероятно, несмотря на возвышенные речи о высокоидейной цели похода — борьбе за славу русского оружия, князь шёл в степь „ополониться“. Не случайно автор „Слова“ говорит о „языке“, явно подосланном к ним половцами.»

С.А. Плетнёва.

Но, извините, Светлана Александровна, ведь автор «Слова» в своём произведении о «языке» не говорит ни слова. Вы ошиблись: байки о «языке» рассказывают летописцы, и, не раздумывая, следуют за ними наши историки, а «Словом о полку Игореве», как историческим источником, пренебрегают. У Вас ещё возникает вопрос: зачем Игорь отклонился от своего пути? Да нет, Игорь от своего пути не отклонялся и высокоидейной цели похода не изменял. Зачем бы тогда автору «Слова» этот поход прославлять? Если бы *«Игорь отклонился от своего пути, от выбранного им направления и изменил основной задаче»*, — исторического произведения «Слово о полку Игореве» не существовало бы. Почему наши историки этой простой логики не понимают и выставляют автора «Слова» лжецом, вот это — вопрос?!

Вот и академик Д.С. Лихачев, можно сказать, жизнь положил на изучение «Слова о полку Игореве», но так, очевидно, ничего и не понял: как исторический источник «Слово» он не приемлет, куда и зачем шли дружины Игоря он не знает. И потому присоединяется к общему хору — о походе с целью грабежа, и только.

А шли дружины Игоря защищать от половецких кочевий «Русскую землю» — землю антов-росов в верховьях бассейна Донца, — ту самую, на которую указывал сирийский автор VI в. н.э. От событий времен антов-росов (II–IV вв. н.э.) до похода дружин князя Игоря (XII в. н.э.) прошло восемь веков. Неужели у народа Русь ещё жива была память о тех веках? Факты утверждают, что эта «память» много веков сохранялась в богатой и красочной языческой культуре, а «Слово о полку Игореве» — лишь слабое и отдалённое её эхо. Вот и курские археологи О.А. Щеглова и А.В. Зорин в вышеупомянутой статье «Тёмные века» пишут: *«Память о событиях рубежа IV–V вв. н.э. долго жила в устной традиции разных народов. Так, автор „Слова о полку Игореве“, живший в XII в. и уж явно не читавший сочинения Иордана об истории готов, вдруг вспоминает готских дев „славящих время Бусово“, то есть поющих как раз о временах Винитария и побеждённого им антского вождя Боза».*

Так вот, оказывается, что автор «Слова», не читавший сочинений готского историка Иордана, без него хорошо знал древнюю историю своего народа и историю готов. А в его строках, описывающих поражение Игорева войска, явно слышен языческий стиль изложения прошлой и современной ему истории:

*«Уже пал позор на славу;
Уже ударило насилие на свободу;
Уже бросился див на землю.
Запели на берегу синего моря:
Звеня русским золотом,
Воспевают время Бусово,
Лелеют мечь за Шарукана».*

В XII в. небольшое сообщество готов ещё жило в Крыму. И вот — по автору «Слова» — их девы помнили победы своих предков над Русью и радовались поражению Игорева войска от половцев, «звеня русским золотом», которое у них ещё сохранялось, воспевали «время Бусово».

Почему автор «Слова» вспомнил «время Бусово» именно в связи с печальными событиями: разгромом русского войска в землях бассейна Донца? А, может, здесь и находилось княжество Боза? И здесь анты-росы были разгромлены готами, а их вождя Боза, его сыновей и 70 старейшин готы предали мучительной казни распятием. Ответом на эти вопросы могут послужить строки вышеупомянутых курских ар-

хеологов в их статье «Тёмные века»: *«Историки не могут дать точного ответа на вопрос, где именно в конце IV — начале V вв. произошла битва Винитария с антами. А вот археологи обращают внимание на то, что самые поздние находки памятников Черняховской культуры, относящейся к рубежу IV — началу V вв. н.э., то есть ко времени Винитария и его наследников, сосредотачиваются на Днепровском Левобережье, там, где раньше находилась северо-восточная периферия культуры».*

Но здесь, что касается географии, курским археологам можно и возразить: самая северо-восточная периферия Черняховской культуры находится в бассейне Донца, а это, извините, земляки, — Донецкое Правобережье. Черняховские поселения на юге Курской области, конечно, были, но это они располагались по водоразделу, то есть по дороге, соединяющей Донецкую периферию с основным Днепровско-Днепровским массивом Черняховской культуры. Ещё в статье курских археологов приведены такие интересные строки: *«Видный специалист по данному вопросу М.М. Казанский считает: „Представляется, что всю эту группу «княжеских» находок можно связать с финальной фазой Черняховской культуры, конкретно с населением королевства Винитария и его наследников. Скорее всего, центр королевства находился на днепровском Левобережье, где-то между верхним течением Ворсклы и Псла. ... Перемещение центров королевской власти на север, практически на границу Черняховской культуры, связано, скорее всего, с давлением гуннов с юга».*

То, что видный специалист М.М. Казанский считает Черняховскую культуру принадлежавшей готскому королевству Винитария — это понятно, хотя и неприятно. И то, что центр королевства Винитария он предполагает «где-то между верхним течением Ворсклы и Псла» — тоже понятно, и даже приятно: это пограничные земли между Прохоровским и Ивнянским районами Белгородской области, там и Думный курган — неподалёку. Вот только археологических признаков поселений, достойных «центра королевства Винитария», там археологи ещё не нашли. И перемещение «королевской власти» с юга на север — не понятно.

От предполагаемого «центра» до Обояни — где был найден «княжеский» клад, 30 километров. А от Обояни «цепочка» этих кладов идёт к Судже и дальше на запад к Днепру, — по северной границе черняховской культуры, т.е. — по всё той же древней дороге. А по этой дороге во все века ездили купцы, а на них во все времена нападали «соловьи» разбойники. Вот и приходилось ценный товар прятать,

зарывать в землю... на века. А готы, по нашему разумению, тут не причём. Но это к слову, — подсказка для видных специалистов. А нам пора вернуться в земли верховьев Донца, и не к готам, а к антам-русам.

Итак, во втором веке нашей эры на земли верховьев Донца пришло новое высоко организованное (относительно времени) оседлое население, которое в греческих и арабских исторических источниках называлось «анты». Очевидно, имя «рос-русь» у этого народа появилось позже, в связи с эпохальной сменой греко-римской религии: имя «ант» было связано с античной языческой мифологией, употреблять его в христианское время стало не прилично, и «анты» стали называться «Русью» — от греческого слова «парусия», означавшего «окружающая местность». Это потому, что городов в те времена это население ещё не строило.

В те «тёмные века» между оседлыми земледельческими этносами и этносами кочевыми существовала извечная вражда: земледельцы считали землю собственностью, а кочевники ни собственности, ни границ не признавали. И, по сути, в событиях Руси со Степью в XII веке, и в походе князя Игоря — отражение того же антагонизма.

Но в те давние времена земледельческое население пыталось избавиться от кочевников мирными средствами. На просторах лесостепей, на путях кочевников, на сотни километров, рылись рвы и насыпались валы. Эти «змиёвы» и «драконовы» валы видны и сейчас на землях Украины.

А местность для расселения на землях верховьев Донца была выбрана антами не случайно: эта земля имела прекрасную природную защиту от проникновения кочевников с юга. Этой защитой была река Мжа, то есть Межа, граница. Когда у этой реки появилось такое название — угадать трудно: слово «межа» индоевропейского происхождения и поэтому можно утверждать, что анты и готы называли эту реку так же Межа.

И вот оказывается, что наши современники, строители «Белгородской черты», не были в рытье рвов и в насыпи многокилометровых валов пионерами. И река Мжа их тоже интересовала. В книге воронежского историка В.П. Загоровского «Изюмская черта» (Воронеж, 1980) есть такие строки: «Разрядный приказ в XVII в. не раз интересовал старинными укреплениями — „валками“, перегораживавшими Муравский шлях в самом узком месте. Ещё в 1636 г. белгородский воевода Афанасий Тургенев по правительственному распоряжению расспрашивал белгородских станичников и писал в Москву, что „те,

государь, валки учинены исстари” и что „мимо Валок татарского проходу Муравским шляхом инова места нет”. Воевода А. Тургенев отмечал, что при устройстве новых укреплений можно будет использовать старый вал и старый ров. ... В июне 1646 г. к реке Мже была послана своего рода военно-топографическая экспедиция во главе с белгородцем Иваном Масловым и подьячим Герасимом Жулиновым. ... Длину старого вала („валков”) экспедиция определила в 2 версты 830 сажень (примерно 6 км.); высота валков „в целом месте” равнялась полутора сажням».

Если мы посмотрим на карту Харьковской области, то увидим, что река Мжа от впадения её в реку Донец, у города Готвальд (бывший Змиёв), протянулась в западном направлении до Муравского шляха, перегораживая степь, на 50 километров. Низкий левый берег её занят лесом и во многих местах заболочен. И потому, как «мимо Валок татарского проходу Муравским шляхом инова места нет». Так сообщал в Москву белгородский воевода А. Тургенев. Но если негде не могла пройти через реку Мжа татарская конница на протяжении 50 километров, то половцы, со своими стадами, не ходили через реку Мжа и подавно. А Муравский шлях у «валков» в XI–XII веках мог и охраняться укрепленными городами. В.П. Загоровский пишет: «Документы экспедиции И. Маслова и Г. Жулинова свидетельствуют о том, что старинные „валки” между реками Коломаком и Мжой являлись передовой линией укреплений для Болгирского и Ондринского городищ в период процветания этих укрепленных поселений. Между „валками” и городищами сохранились следы ещё нескольких линий укреплений».

Видимо, можно отнести существование укрепленных поселений на месте Болгирского и Ондринского городищ к VIII–IX вв., а сами городища связать с салтово-маяцкой археологической культурой».

Салтово-маяцкая археологическая культура датируется археологами распадом Хазарского каганата, последняя датировка VIII–X века. Но кагант распался, а народ остался. И много кочевого народа: аланов, печенегов, торков ещё в языческие времена поселялись на пограничных землях Руси и вступали с нею в вассальные отношения, несли пограничную службу, и упоминаются они в русских летописях даже в XI и XII веках.

И вышеназванные сторожевые города на Муравской дороге могли охранять проход по ней, «валки», и в XII в. А в том, что они действовали во времена княжения на землях Донца, в Тьмутарокани, Мстислава Владимировича (988–1036 гг.), в этом можно не сомневаться.

Хотя он в 1024 году и переселился в Чернигов, но порядок здесь сохранялся. А вот после его смерти в 1036 году печенеги-торки почему-то пошли походом на Киев, на княжившего там Ярослава Владимировича? Наверное, вспомнили какие-то обиды.

Ярослав умер в 1054 году и земли верховьев Донца он завещал своему сыну, Черниговскому князю Святославу Ярославичу, и здесь в XI–XII вв. княжили его сыновья: Глеб, Роман, Олег, — князья, именованные в летописях, — тьмутороканские. А потом, издалека, из городов Посемья, присматривали за землями верховьев Донца потомки Олега Святославича — Ольговичи, и в их числе наш герой — «сын Святославля, внук Ольга», князь Игорь.

Но, как мы установили, киевские князья каким-то образом помнили времена антов-росов, «время Бусово» и испытывали к земле Донца общую обязанность, долг её защиты. Отсюда и заявление Владимира Глебовича, что «в Русской земле» он не обязан подчиняться Игорю.

А эти нюансы памяти киевских князей приводят нас к выводу, что они чувствовали себя не потомками варяга Рюрика с IX века, что им приписывают поздние летописцы, а потомками антов-росов II–V веков н.э. — Русью, и чувствовали обязанность охранять землю своих предков.

И вот эту патриотическую обязанность (С.А. Плетнёва напрасно сомневается) и выполняли дружины князя Игоря в походе в верховья Донца в 1185 году. Это и есть цель похода, — ответ на вопрос: куда и зачем шли дружины Игоря и Всеволода — *«опытные воины: под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, ...»*

Нам остаётся только найти эти истоженные предками пути и обойти овраги. А для этого нужно знать, какой дорогой половцы приходили в верховья Донца? А дорога была у них всего лишь одна: они переходили брод у речки Сальницы (Изюмский брод) и неспеша, со стадами проходили к Салтовскому броду (у села Рубежное), переходили брод и гуляли со стадами на просторах верховьев Донца, беспокоя местное население. Вот к месту встречи с половцами, — к Салтовскому броду и шёл Игорь в 1184 году, но поскольку, по причине раздора с Владимиром Глебовичем, поход запоздал, то нашёл он половцев уже на реке Харию (реке Харьков). А в 1185 году князья решили встретить половцев «на краю поля половецкого», — у Изюмского брода, но опять опоздали на два дня. Битва началась в верховьях реки Каялы (Средней Балаклейки) и перемещалась к морю (к озеру Лиман), где и пали стяги Игоревы 5 мая, в воскресенье.

В этом долгом рассказе мы пытались рассказать, куда и зачем ходили дружины Игоря, а какой дорогой русские воины ходили встречать половцев — рассказывается в и статье «Поход — за землю русскую».

Поскольку у нас конец повествования, а в начале было сказано, что это «последнее сказанье», то нужно, очевидно, сказать несколько слов в подведение итогов почти пятидесятилетнего дилетантского исторического хобби автора. Так сказать, «...угадать, как слово наше отзывается?».

И если это «слово» в настоящее время (октябрь 2009 г.) рассматривать по известной шуточной формуле появления научных открытий, формулируемой так:

Первая стадия научного открытия — *этого не может быть.*

Вторая стадия научного открытия — *в этом что-то есть.*

Третья стадия научного открытия — *а кто ж этого не знает?!*

Так вот, если судить по первой фразе из письма журнала «**Вопросы истории**», полученного автором ещё 20 декабря 1990 года: «*Нас заинтересовала ваша статья в „Белгородской правде“*», то это «наше слово» скоро уже двадцать лет находится в стадии — *«в этом что-то есть»*. А это что-то находится в Белгородской области, в Шебекинском районе, на Крапивенском городище. Приступить к изучению, которого, у нашей исторической науки чего-то не достаёт, и оно (загадочное городище), по выражению курских археологов, «ждёт своего часа». Так же «ждут своего часа» на Белгородской земле многочисленные поселения антов-росов и многострадальный «особый путь» Игоревых дружин. Когда-то эти исторические объекты «своего часа», конечно, дождутся, вот тогда и наступит «третья стадия» — *а кто ж этого не знает?!* «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придётся...».

Январь 2007 — февраль 2009 г.

Содержание

Вступление	3
Тайна обретения царства Тьмутороканьского	10
Тайны земли Бояновой	17
Тьмуторокань — русская Атлантида	46
Этот забытый край Русь нам оставила	53
Идейная противоположность, которая до нас не дошла	62
Комментарий к схеме: Поход — «За землю Русскую» (Белгородская версия)	66
Тайны графа Мусина-Пушкина-Тьмутороканьского	79
Превратности «Тьмутороканьского звона»	85
Не по замыслению Боянову	95
Загадки княгинь Всеволодовых	105
Как «наводнялась» Русь?	121
Сказание об особом пути на Тавровую гору	146
<i>Заметки археолога о маршруте князя Игоря (Доктор исторических наук С. Плетнёва)</i>	154

Научно-популярное издание

Анатолий Дмитриевич Жучков

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ БОЯНОВОЙ

Истинная история — тайная история

2-е изд, испр. и доп.

Компьютерная вёрстка, техническое редактирование
Ж.Я. Косьминова

Издательство «Отчий край».

308013, г. Белгород, ул. Преображенская, д. 5, к. 57.
Тел./факс: (4722) 21-11-28.

Подписано в печать 14.02.2010.

Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman Суг. Уч.-изд.л. 12,75.
Тираж 100. Заказ 11.

Отпечатано в типографии издательства «Отчий край»